

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН БРЕНДОН САНДЕРСОН

ГРЯДУЩАЯ БУРЯ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

— Книга 12 —

Колесо Времени

Роберт Джордан

Грядущая буря

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Джордан Р.

Грядущая буря / Р. Джордан — «Азбука-Аттикус»,
2009 — (Колесо Времени)

ISBN 978-5-389-24851-9

Вращается Колесо Времени. Эпохи приходят и уходят. Что было, что есть и что грядет впереди – все может пасть перед Тенью, которая наползает на мир. И близится уже час Последней битвы... Чтобы противостоять Тени, в преддверии неизбежной войны Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный, стремится объединить народы и государства мира. Ради борьбы с Темным он готов пойти на союз с явившимися из-за океана захватчиками. Но соратники его с ужасом замечают, что в душе самого Дракона будто бы поселилось нечто темное, мрачное, угрожающее... И неведомо, что грозит большими бедствиями – новое безумие Ранда или коварные происки приспешников Темного... Оплот Света, Белая Башня, многовековой страж справедливости и порядка, раскола. Эгвейн ал'Вир, возглавив восставших Айз Седай, старается вновь сплотить воедино охваченные взаимным недоверием и распрями группировки – как своих сторонниц, так и тех, кто сохранил верность прежней Амерлин и ныне пребывает в отчаянии из-за ее тиранического правления. Каждый шаг опасен и может решить судьбу самой Белой Башни, а возможно – и всей планеты... К сожалению, автор грандиозной эпопеи «Колесо Времени» оставил свою работу незавершенной. Писатель умер от редкого заболевания крови, и заключительные романы цикла доделывал по его черновикам и наброскам Брендон Сандерсон, тогда восходящая звезда, а ныне один из самых известных в мире мастеров в жанре фэнтези. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-24851-9

© Джордан Р., 2009
© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Предисловие	6
Пролог	9
Глава 1	33
Глава 2	45
Глава 3	57
Глава 4	65
Глава 5	69
Глава 6	80
Глава 7	86
Глава 8	97
Глава 9	110
Глава 10	119
Глава 11	128
Глава 12	136
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Роберт Джордан, Брендон Сандерсон

Грядущая буря. Колесо Времени

Предисловие

Мариш Симонс и Алану Романчуку, без которых не было бы этой книги

Телефонный звонок в ноябре 2007 года раз и навсегда изменил мою жизнь. Мне позвонила Харриет Макдугал, вдова Роберта Джордана и его редактор, и она спросила меня, не соглашусь ли я завершить последнюю книгу цикла «Колесо Времени».

Для тех, кто не знал, что Роберт Джордан ушел от нас, я с глубокой болью в душе сообщаю эту весть. Помню, какие чувства охватили меня, когда – праздно бродя по Интернету 16 сентября 2007 года – узнал о его смерти. Я был потрясен, оглушен и впал в уныние. Из жизни ушел замечательный человек, который для меня, как писателя, был настоящим героем. Мир внезапно стал совершенно другим.

Впервые «Око мира» попало мне в руки в 1990 году – тогда я был подростком, увлеченным книгами жанра фэнтези, и не упускал случая зайти в угловой книжный магазинчик. Я сразу же стал поклонником «Колеса Времени» и с нетерпением ожидал выхода «Великой охоты». За минувшие годы я не раз перечитывал книги эпопеи, и бывало, что после выхода очередного тома заново прочитывал весь цикл с начала. Со временем я решил, что хочу писать фэнтези – в значительной мере под влиянием и очарованием так полюбившегося мне «Колеса Времени». Тем не менее я и предположить не мог, что однажды мне позвонит Харриет. Ее просьба оказалась для меня полной неожиданностью. Я о таком не просил, не смел желать, и даже мысли о подобной возможности у меня не возникало – но ответил на просьбу сразу же, не раздумывая. Я люблю этот цикл, как никакой другой, и герои «Колеса Времени» – все равно что старые и дорогие друзья детства.

Заместить Роберта Джордана я не могу. Никому не по силам написать эту книгу так, как смог бы написать только он один. От этого простого факта никуда не денешься. К счастью, он оставил многочисленные заметки, наброски, законченные эпизоды и надиктовал множество объяснений и замечаний жене и помощникам. Незадолго до своей кончины Роберт Джордан попросил Харриет найти того, кто завершит цикл – ради читателей, поклонников его творчества. Он очень любил вас всех и в последние недели своей жизни надиктовывал события последнего тома «Колеса Времени». Книга должна была называться «Память Света».

И вот минуло полтора года. Роберт Джордан обещал, что последняя книга цикла будет большой. Однако рукопись вскоре стала непомерно громадной; она в три раза превышала по объему обычную книгу «Колеса Времени», и поэтому Харриет и издательство «Тор» совместно приняли решение разделить «Память Света» на три части. Имелось несколько великолепных по драматизму и сюжетной напряженности эпизодов, которые придали бы каждой трети определенную законченность. «Грядущую бурю»

и две последующие книги можно считать тремя томами «Памяти Света» или последними тремя книгами «Колеса Времени». И то и другое верно.

Что же касается «Памяти Света», то на данный момент я наполовину завершил вторую треть. Мы трудимся так быстро, насколько возможно, и мы приложим все усилия, чтобы вам не пришлось слишком долго ждать окончания эпопеи, которое было обещано почти двадцать лет назад. (Еще до своего ухода Роберт Джордан сам написал окончание цикла, и я читал его. Это просто фантастика!) Я не пытался имитировать стиль Роберта Джордана. Вместо этого я адаптировал свою манеру так, чтобы она соответствовала «Колесу Времени». Главная моя цель – сохранить истинную душу героев цикла. Сюжет по большей части принадлежит Роберту Джордану, хотя многое написано мною. Представьте себе эту книгу как фильм нового режиссера, осуществившего работу над несколькими сценами, но при сохранении тех же актеров и по прежнему сценарию.

Но это большой проект, и для его завершения необходимо время. Я прошу вас потерпеть, пока в течение нескольких лет мы не доведем повествование до конца. Мы держим в руках окончание величайшей фэнтезийной эпопеи нашего времени, и я приложу все силы, чтобы все было сделано правильно. Я намерен ни на шаг не отступать от пожеланий и замечаний Роберта Джордана. Меньшего мне не позволят моя честность как художника и искренняя любовь к книгам. В конечном счете на этом я и остановлюсь, и пусть мои слова станут лучшим доказательством тому, что мы делаем.

Эта книга – не моя. Это книга Роберта Джордана и – в меньшей степени – ваша книга.

Спасибо вам, что читаете ее.

Брендон Сандерсон

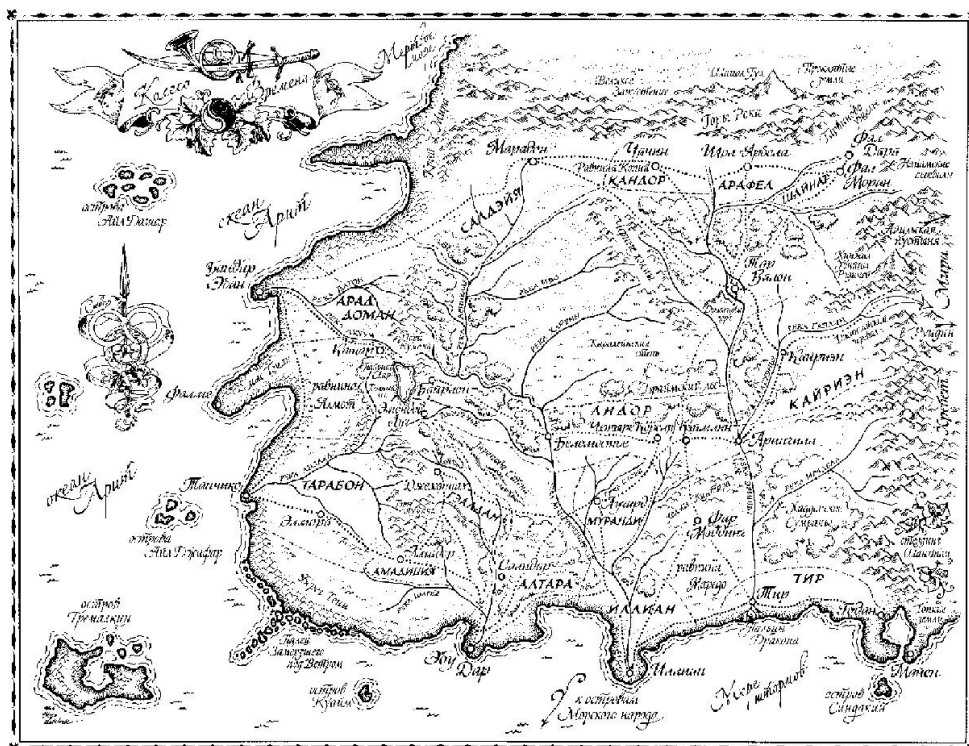
Июнь 2009 г.

Вóроны и ворóны. Крысы. Туманы и облака. Насекомые и гниение. Странные происшествия и необычные явления. Обыденное извращается, становится чуждым. Чудеса!

Мертвые стали ходить среди живых, кое-кто даже их видит. Другие не видят, но всё больше и больше страшимся мы ночи.

Таковы были наши дни. Под мертвым небом они изливались на нас несчастьями, сокрушая нас своей яростью, пока мы все, как один, не взмолились: «Пусть же начнется!»

Дневник неизвестного ученого, запись в Праздник Фрейя, 1000 г. Н. Э.

Пролог

Что означает буря

Ренальд Фанвар сидел у себя на крыльце, грея крепкий стул из чернодуба, сработанный для него внуком два года тому назад. Он смотрел на север.

На черно-серебристые тучи.

Прежде ничего подобного ему видывать не доводилось. Тучи плотным одеялом накрывали горизонт на севере, громоздясь все выше и выше на небосвод. Они не были серыми. Они были одновременно и черными, и серебристыми. Мрачные, громыхающие грозовые облака, темные, точно полночный мрак в погребке. А между тучами ослепительно вспыхивало – там совершенно беззвучно змеились и проскакивали серебристые молнии.

Самый воздух был плотен. В нем тяжело висели густые запахи пыли, земли и чего-то неприятного. Высохшей листвы и не пожелавшего выпасть дождя. Весна прийти-то пришла, но посевы у Ренальда до сих пор так и не взошли. Из почвы не осмелился проклюнуться ни единый росток.

Фанвар медленно встал – стул под ним, скрипнув, слегка покачнулся – и подошел к краю крыльца. Он покусывал мундштук своей почти погасшей трубки, но у него и в мыслях не было вновь раскурить ее. Фанвар не сводил взора с тех темных облаков – таких же черных, как дым от горящего сухого подлеска. Но ни от одного низового пожара клубы дыма никогда не поднимались в воздух на такую высоту. И отчего тучи стали вдруг серебристыми? Между черных облаков виднелись серебристые округлости – так сверкает полированная сталь в проплешинах нагара на закопченном металле.

Фанвар, оглядывая свой двор, потер подбородок. За невысокой беленой оградой приютились на травянистом пятачке низкие кусты. Сейчас кусты, все до единого, были мертвы – они не выдержали той суровой зимы. Надо будет вскорости выкорчевать погибшие кусты. А трава... ну, трава стала все равно что прошлогодняя солома. Даже сорняки не уцелели – ни одного не видно.

От громового раската Фанвар вздрогнул. Отчетливый, резкий удар, словно бы громадным листом металла грохнули по железу. От грома задрезжали стекла в окнах, тряхнуло крыльцо, дрожь пробежала по доскам настила и будто передалась человеку – у Фанвара кости едва ли не завибрировали.

Он отшатнулся. Этот удар прогремел совсем рядом – может, молния ударила даже где-то у него на участке. Надо бы проверить – не случилось ли чего, не повредило ли что-то в хозяйстве. Огненная стрела способна убить человека, сжечь его на месте. Здесь, в Пограничных землях, немало есть того, что способно вспыхнуть как трут, – сухая трава и высохшие деревья, пересохшие доски и иссохшие семена.

Но облака по-прежнему были далеки. Нет, тот удар грома никак не мог прийти по его участку. Серебристо-черные грозовые тучи перекачивались и клубились, пожирая и вскармливая друг друга.

Фанвар прикрыл глаза, потом, стараясь успокоиться, глубоко вдохнул. Неужели ему этот гром почудился? Он сам его выдумал? Неужели он так постарел и потому с головой у него не все ладно, как в шутку вечно твердит Гаффин? Он открыл глаза.

И облака оказались тут как тут, нависнув будто над самым его домом.

Они словно бы разом прокатились по небосводу, собираясь обрушить свой удар, стоит только ему отвести прикованный к ним сейчас взор. Теперь тучи словно захватили все небо, проносясь вдалеке, обкладывая со всех сторон, громадные и грозные. Фанвар будто наяву ощу-

щал, как под их тяжестью на него давит воздух. Он глубоко вдохнул внезапно отяжелевший от влаги воздух, и лоб у него покрылся испариной.

Облака смешались, мрак и чернота грозowych туч закрутились вокруг серебристых прожилок, содрогаясь от белых взрывов. Внезапно круговерть облаков, точно облачная воронка смерча, устремилась вниз, рванувшись было к Фанвару. Он вскрикнул, вскинул руку, словно бы заслоняясь от нестерпимо яркого свечения. Та чернота... Та безграничная, удушающая чернота... Она хочет поглотить его – он знал.

А потом облака пропали.

Выпавшая трубка с негромким стуком ударилась о настил крыльца, осыпав ступеньки тлеющим табаком. Фанвар даже не понял, как выронил ее изо рта. Мужчина растерянно всматривался в пустое голубое небо, понимая, что боится невесть чего.

Облака теперь снова клубились у горизонта, лигах в сорока от дома. Слышался слабый рокот.

Трубку Фанвар поднял дрожащей рукой – испещренной старческими крапинками, потемневшей от многих лет, что он провел в поле под солнцем. «Напридумывал себе всякого, Ренальд, – упрекнул он себя. – Стареешь, как пить дать, головой слабее становишься».

Его очень тревожило, каков будет урожай и будет ли он вообще. Всходов не было, что заставляло Ренальда нервничать. Хотя он и подбадривал сыновей преисполненными оптимизма словами, происходящее было неестественным. Хотя какие-то всходы да должны были уже взойти. Он же трудится на земле четыре десятка лет! Никогда так не бывало! Ячменю, чтобы дать всходы, не нужно столько времени! Чтоб ему сгореть, быть такого не может! Что вообще творится в мире в эти дни? Растения никак не пускали всходы, и тучи на положенном им месте усидеть не могут.

Усилием воли Фанвар заставил себя усесться в кресло. Ноги дрожали. «Да, и впрямь старею...» – подумал он.

Всю свою жизнь Ренальд работал на ферме, поливая землю трудовым потом. Заниматься земледелием в Пограничных землях непросто, но если трудиться упорно, то, выращивая хороший урожай, можно вполне неплохо жить. «У человека столько удачи, сколько он посеет в поле», – говаривал, бывало, отец Ренальда.

Что ж, в округе Ренальд слыл одним из самых удачливых и зажиточных фермеров. Дела у него шли так хорошо, что к своей ферме он прикупил еще парочку и по осени каждый год отправлял на ярмарку по тридцать фургонов. На него нынче трудились шесть крепких работников – пахали поля, следили за оградами. Однако и сам Ренальд не считал зазорным хоть каждый день пачкать ноги в навозе, дабы показать им, как нужно вести хозяйство. Хорошему фермеру нельзя оставлять дела без присмотра, не то глядишь – недолгий успех запросто погубит тебя.

Да, Ренальд возделывал землю, жил, как обычно говаривал его отец, теми плодами, что с нее пожинал. Как и всякий фермер, он кое-что понимал в погоде. Те тучи не были естественными. От них доносился приглушенный рокот – так зверь рычит во мраке ночи. Выжидая. Прячась в ближнем леске.

Фанвар вздрогнул, когда прогремел очередной удар грома, показавшийся слишком близким. Неужели эти облака – в сорока лигах отсюда? Как ему в голову пришла такая мысль? Теперь, приглядевшись повнимательней, он прикинул, что до туч, пожалуй, всего-то лиг десять.

– Нашел о чем думать, – пробурчал Фанвар себе под нос.

Собственный голос показался ему приятным на слух. Да, именно так. Как же хорошо слышать что-то еще, кроме того громахания и редкого поскрипывания ставней на ветру. Вообще-то, он должен слышать и другие звуки – вроде как в доме Ауэйн готовит ужин...

– Ты устал. Вот и все. Просто устал, – пробормотал Ренальд и, сунув в жилетный карман два пальца, выудил оттуда кiset.

Откуда-то справа донеслось приглушенное гроыхание. Сначала Фанвар решил, что это гром. Но гроыхало как-то скрипуче и повторяясь. Это не гром – это постукивают и скрипят колеса.

И действительно, на востоке, на гребень Маллардова холма, въехал запряженный волами большой фургон. Тому холму Ренальд сам дал название. У каждого холма должно быть название. А коли дорога прозывалась Маллардовой, так почему бы не дать то же название и холму?

Фанвар, сидя в кресле, чуть подался вперед и, стараясь не обращать внимания на те тучи, пригляделся к фургону на вершине холма. Щурясь, он силился рассмотреть лицо возчика. Неужели Тулин? Кузнец? Что ему в голову взбрело – куда он едет, к тому же загрузив фургон едва ли не до небес? Он же еще должен выковать Ренальду новый лемех для плуга!

Хотя собратья по кузнечному ремеслу и сочли бы Тулина худым, он все равно был вдвое мускулистее большинства фермеров. Темные волосы и смуглая кожа выдавали в нем кровь Шайнара, да и брился кузнец по шайнарскому обычаю; впрочем, характерного для шайнарцев пучка волос на макушке он не носил. Может, корни семьи Тулина и уходят в Пограничье и среди его предков – множество закаленных воинов, однако сам Тулин от прочих простых селян мало чем отличался. В Дубовом Ручье, что в пяти милях отсюда, у Тулина была кузня. Ренальд с удовольствием коротал зимние вечера за игрой в камни с кузнецом.

Тулин постарел – хотя лет ему было куда меньше, чем Ренальду, но в последние зимы кузнец не раз заговаривал о том, чтобы уйти на покой. Кузнечное ремесло – не для стариков. Впрочем, не стариковское дело и на земле работать. Да вообще, есть ли ремесло, подходящее для стариков?

Повозка Тулина катилась по наезженной дороге, приближаясь к белой изгороди, которой был обнесен двор Ренальда. «А вот это странно», – подумал Ренальд. За фургоном на привязи шла вереница домашней живности: пять коз и две дойные коровы. В задней части повозки были привязаны клетки с черноперыми курицами, а сам фургон был доверху загружен домашним скарбом, мебелью, мешками и бочками. Юная дочурка Тулина, Мирала, сидела на козлах рядом с отцом и матерью – золотоволосой южанкой. Вот уже четверть века, как Галлана замужем за Тулином, а Ренальд до сих пор думает о ней как о «той девушке с юга».

Все семейство – в фургоне, а за фургоном идет их лучший домашний скот. Нет сомнений, куда-то уезжают. Но куда? Погостить к родичам? Играть с Тулином в камни Ренальд не садился вот уже... уже три недели. Да и не время по гостям разъезжать, весна на носу, и надо с севом торопиться. Кто-то же должен подновлять сошники и точить косы. Кто же этим будет заниматься, коли погас огонь в кузне у Тулина?

Пока Ренальд набивал трубку табаком, Тулин остановил фургон у изгороди. Худой седоволосый кузнец передал вожжи дочери, потом спустился с козел. Когда его ноги коснулись земли, в воздух взметнулись облачка пыли. Где-то вдалеке позади кузнеца по-прежнему собиралась гроза.

Тулин открыл калитку, шагнул во двор и направился к крыльцу. Вид у него был взволнованный. Ренальд открыл было рот, собираясь поприветствовать гостя, но тот заговорил первым.

– Лучшую наковальню я зарыл на старых грядках, там, где у Галланы клубника росла, – сказал рослый кузнец. – Не забыл, где это? Там же я припрятал и свои самые лучшие инструменты. Они хорошенько смазаны и уложены в крепкий сундучок, а для сухости в тряпки завернуты. Так что ржавчина до них не доберется. По крайней мере, какое-то время.

Ренальд закрыл рот, держа в руках наполовину набитую трубку. Если Тулин зарыл свою наковальню... М-да, это означает, что в планы кузнеца скорое возвращение не входит.

– Тулин, что?..

– Если я не вернусь, – сказал Тулин, посмотрев на север, – выкопай мое имущество и позаботься о нем. Ладно, Ренальд? Продай тому, кому они нужны будут. Мне бы не хотелось, чтобы по моей наковальне кто попало бил. А те инструменты я два десятка лет подбирал, ты же знаешь.

– Но, Тулин!.. – воскликнул потрясенный Ренальд. – Куда ты собрался?

Кузнец повернулся к нему, оперся рукой о перила крыльца. Взгляд карих глаз был серьезен, как никогда.

– Надвигается гроза, – сказал Тулин. – И я считаю, что должен отправиться на север.

– Гроза? – спросил Ренальд. – Та, что на горизонте? Ты об этом? Да, вид у туч, Тулин, тот еще – и чтоб сгорели мои кости, ничего хорошего они явно не сулят, – но что толку от них бежать? Мы с тобой и не такие бури переживали.

– Нет, старина, эта буря на них не похожа, – промолвил Тулин. – Эта гроза из таких, на какую глаза не закроешь.

– Тулин, о чем ты толкуешь? – воскликнул Ренальд.

Но не успел кузнец ответить, как сидевшая в фургоне Галлана крикнула:

– Ты ему о кастрюлях сказал?

– Ах да! – откликнулся Тулин. – Галлана до блеска отмыла тот набор кастрюль, что так твоей жене нравятся. Мы их оставили на кухонном столе, и если Ауэйн хочет, то пусть себе забирает.

Произнеся эти слова, Тулин кивком попрощался с Ренальдом, повернулся и зашагал обратно к своему фургону.

Потрясенный, Ренальд так и остался сидеть. В речах Тулин всегда был откровенен; обычно он напрямик говорил, что у него на уме, и только потом действовал. Это качество в кузнеце Ренальду всегда нравилось. Но бывало, манера Тулина вести разговор без обиняков наводила на мысль о валуне, прокатившемся через стадо овец. Нередко его собеседники потом еще долго приходили в себя.

Ренальд с трудом поднялся на ноги и, положив трубку на кресло, поспешил за Тулином, через двор к фургону. «Чтоб оно все сгорело», – подумал Ренальд, взглянув по сторонам: вокруг снова одна лишь бурая трава и высохшие кусты. А он так обихаживал свой двор...

Кузнец проверял, надежно ли закреплены клетки с курами на бортах повозки. Ренальд подошел и собирался уже было взять Тулина за рукав, но тут его отвлекла Галлана.

– Вот, Ренальд, возьми, – сказала она, протягивая фермеру корзинку с яйцами. Из скрученного на затылке узла волос выбилась золотистая прядка. Ренальд взял корзинку. – Передай яйца Ауэйн. Знаю, у вас куриц маловато осталось, из-за набегов лис минувшей осенью.

Ренальд заглянул в корзинку: какие-то яйца были белыми, другие – коричневыми.

– Конечно, Галлана, передам. Но вы-то сами куда собрались?

– На север, дружище, – сказал Тулин. Подойдя, он положил руку Ренальду на плечо. – Сдается мне, там армия собирается. Им нужны кузнецы.

– Погодите! – сказал Ренальд, указывая на корзинку с яйцами. – Обождите хотя бы несколько минут. Ауэйн соберет вам хлеба в дорогу. У нас остались те караваи на меду, которые ты так любишь. А за партией в камни и обсудить все можно будет.

Тулин явно испытывал колебания.

– Нам лучше в путь отправиться, – тихо промолвила Галлана. – Гроза надвигается.

Тулин кивнул и забрался в фургон.

– Ренальд, может, и тебе на север отправиться захочется. Тогда бери с собой все, что только сможешь. – Кузнец помолчал, потом сказал: – Как инструмент в руках держать, ты знаешь, и с работой по металлу справишься. Так что возьми свои лучшие косы и сделай из них алебарды. Две лучшие косы – не жадничай, не бери что-то похуже. Возьми самые лучшие, потому что это оружие тебе придется пустить в дело.

Ренальд нахмурился:

– Откуда ты знаешь, что там собирается армия? Тулин, чтоб мне сгореть, какой из меня солдат!

Тулин продолжал, словно бы не слышал слов Ренальда:

– Алебардой можно стащить всадника с лошади и прикончить его. И вот что еще я подумал: может, из лучшей косы из оставшихся тебе стоит смастерить пару мечей.

– Да я и не знаю, как мечи делать! Да коли о мечах речь, то и пользоваться мечом не умею!

– Научишься, – промолвил Тулин, повернув голову и устремив взор на север. – Нужны будут все, Ренальд. Все. Ты придешь к нам. – Он оглянулся на Ренальда. – А меч ковать – нехитрое дело. Берешь лезвие косы и выпрямляешь, потом подбираешь деревяшку и делаешь из нее гарду, чтобы вражеский меч, скользя по твоему клинку, не отсек тебе руку. Так что ничего хитрого – по большей части делаешь то, что уже и так умеешь.

Ренальд заморгал. Задавать вопросы он перестал, но в голове кружилось множество мыслей. Они сбивались в кучу, словно домашний скот, стремящийся выбраться из загона через единственные ворота.

– Уведи всю свою скотину, Ренальд, – сказал Тулин. – Или сам ее съешь, или своих людей мясом накормишь, да и молока тебе тоже захочется. А если сам скотину под нож непустишь, то наверняка найдутся люди, кому можно будет продать говядину или баранину. С едой скоро будет туго, вон как все портится, а припасенное на зиму к концу подходит. Забирай всё, что сможешь. Сушеные бобы, засушенные фрукты, всё.

Ренальд привалился спиной к створке ворот. Колени у него вдруг подогнулись, и силы будто покинули его. В конце концов он сумел выдавить из себя вопрос:

– Почему?

Тулин помешкал, потом сделал шаг от фургона и вновь положил ладонь Ренальду на плечо.

– Извини, коли я слишком резок. У меня... ну, ты же знаешь, Ренальд, каков я в речах. Я не знаю, что такое эта гроза. Но я знаю, что она значит. Я никогда не держал в руке меча, но мой отец сражался в Айильскую войну. Я родом из Порубежья. И эта гроза означает, Ренальд, что конец близится. А когда наступит это время, нам нужно быть там. – Он умолк, потом повернулся и посмотрел на север, глядя на гроздящиеся тучи так, как подручный на ферме мог бы глядеть на обнаруженную посреди поля ядовитую змею. – Да хранит нас Свет, дружище. Нам нужно там быть.

И с этими словами Тулин опустил руку, повернулся и снова забрался в фургон. Ренальд смотрел, как повозка тронулась с места, как следом за нею потянулась домашняя скотина. И Ренальд еще долго провожал взглядом удалявшийся на север фургон. У него было такое чувство, будто все тело охватывает онемение.

Прогрохотал отдаленный гром – словно бы где-то за холмами щелкнул огромный кнут.

Дверь дома открылась и закрылась. К Ренальду подошла Ауэйн, ее седые волосы были зачесаны на затылке в пучок. Седина давно уже припорошила ее волосы; она рано поседела, но Ренальду всегда нравился их цвет. Даже не серо-седой, а серебристый. Такой же оттенок, как у тех туч.

– Это был Тулин? – спросила Ауэйн, высматривая фургон в клубах поднятой колесами и копытами пыли. Над дорогой одиноко кружилось черное куриное перо.

– Да.

– Так и уехал? Даже не задержался, чтобы поболтать с тобой?

Ренальд отрицательно покачал головой.

– О, Галлана яйца прислала! – Ауэйн взяла корзинку и принялась перекладывать яйца из нее себе в передник. – Она такая милая! Не уноси потом корзинку, оставь где-нибудь тут. Она кого-нибудь наверняка за нею пришлет.

Ренальд же продолжал смотреть на север.

– Ренальд! – окликнула мужа Ауэйн. – Что застыл, как старый пень? О чем задумался?

– Она начистила для тебя кастрюли, – произнес он. – Те, которые с медным дном. Оставила их у себя на кухонном столе. Сказала, если хочешь, забирай себе.

Ауэйн замолчала. Потом до слуха Ренальда донесся какой-то треск, и он оглянулся через плечо. Ауэйн не удержала ослабевшими вдруг пальцами яйца в фартуке, и некоторые с отчетливым треском попадали наземь.

Поразительно спокойным голосом Ауэйн спросила:

– Она еще что-нибудь сказала?

Ренальд почесал голову – волос на ней оставалось уже совсем мало.

– Она сказала, что надвигается гроза и что они отправляются на север. Тулин сказал, что и нам тоже туда двигаться надо бы.

Какое-то время фермер с женой стояли молча. Ауэйн крепко сжала край фартука, приподняв повыше, чтобы уберечь яйца от падения. На разбившиеся она даже и не взглянула. Ауэйн не сводила взора с горизонта на севере.

Ренальд обернулся. Гроза будто снова одним прыжком оказалась рядом. И тучи выглядели как-то даже темнее.

– Думаю, Ренальд, нам лучше к ним прислушаться, – заметила Ауэйн. – Я... Пойду-ка разберусь, что нужно будет с собой из дому взять. А ты можешь пока мужчин собрать. Тулин с Галланой не сказали, долго ли нас не будет?

– Нет, – отозвался Ренальд. – Они даже почему не сказали. Только то, что нам нужно из-за грозы идти на север. И... и еще – что это конец.

Ауэйн резко и коротко вдохнула:

– Ну, ты просто созови мужчин. О доме я позабочусь.

Она поспешила в дом, и Ренальд вынужден был отвернуться от грозовых туч. Обойдя вокруг дома, он вошел в амбар и подозвал к себе работавших там мужчин – всех, как один, крепких и сильных. Сыновья Ренальда пытались счастья вдали от отчего дома, но к своим шести работникам он относился почти что по-родственному, как к приемным детям. Мерк, Фавидан, Риннин, Вешир и Адамад окружили хозяина. До сих пор не пришедший в себя окончательно, Ренальд отослал двоих из них за домашней скотиной, двум другим поручил уложить в мешки и корзины зерно и съестные припасы, что еще оставались после зимы, а последнего отправил за Гелени, который ушел в деревню за новыми семенами – на тот случай, если их посевы не взойдут.

Пятеро работников разбежались в разные стороны. Ренальд постоял пару минут во дворе фермы, а затем сходил в сарай и выкатил на солнечный свет небольшую легкую кузню. Здесь была не одна наковальня, это была пусть и маленькая, но настоящая передвижная кузня, установленная на раме с колесиками, – ведь не станешь же работать с кузнечным горном в амбаре! От малейшей искры вмиг вспыхнет мучная пыль. Ренальд взялся за ручки и откатил кузню в дальнюю часть двора, в огороженный и выложенный добрым кирпичом уголок, – тут, когда выпадала нужда, он обычно всяким мелким ремонтом занимался.

Через час в горне уже билось жаркое пламя. Мастерством Ренальд намного уступал Тулину, но благодаря отцу знал: если хоть немного владеешь кузнечным ремеслом, то для тебя это громадный плюс. Нередко бывает так, что фермер не может позволить себе такую роскошь, как на несколько часов съездить в городок, чтобы починить сломанную дверную петлю.

Тучи по-прежнему клубились вдалеке. Ренальд, направившись от кузни в сарай, старался на них не смотреть. От этих туч у него возникало такое чувство, будто кто-то все время заглядывает ему через плечо.

Солнечный свет, пробивавшийся в сарай через щели в стенах, полосами расчерчивал сеновал и припорошенный пылью пол. Этот сарай Ренальд выстроил с четверть века назад

своими руками. Он давно хотел заменить покоробившиеся и разошедшиеся доски крыши, но теперь на починку нет времени.

Со стены, где висели инструменты, он собрался было снять одну хорошую косу, но замер в задумчивости. Потом, сделав глубокий вдох, Ренальд взял самую лучшую из своих кос. Вернувшись к горну, он сбил железное лезвие с деревянной рукоятки.

Когда Ренальд отставил в сторону длинную деревяшку, на дворе, ведя за собой пару коз, появился Вешир – самый старший из работников. Увидев хозяина у кузни и снятую с черенка стальную косу, он помрачнел. Вешир привязал коз к столбу и поспешил к Ренальду, однако ничего не сказал.

Как делается алебарда? Тулин сказал, что ею хорошо сбрасывать всадников с лошадей. Что ж, значит, надо будет насадить клинок на древко подлиннее и попрямее, из доброго ясеня. Конец древка должен заходить за пятку клинка, а тому нужно придать форму копейного накопечника. Вдобавок древко у клинка надо бы укрепить, обив полосой тонкой жести. Понадобится разогреть косу и в нижней части отбить металл, выковав там крюк, которым можно стащить человека с лошади, одновременно нанося резаные раны. Ренальд сунул клинок косы в раскаленные угли, надел кожаный фартук и стал возиться с завязками.

Стоявший рядом Вешир молча наблюдал за Ренальдом, а потом подошел и, взяв его за локоть, спросил:

– Ренальд, что мы делаем?

Ренальд высвободил руку и ответил:

– Мы собираемся на север. Надвигается гроза, и мы отправляемся на север.

– Уйти на север? Просто из-за грозы? Что за безумие!

Почти то же самое Ренальд говорил Тулину. Пророкотал далекий гром.

Тулин был прав. Вскосы... небо... Еда портится непонятно почему. Еще до разговора с Тулином Ренальд все понимал. Где-то в глубине души он уже все знал. Эта гроза не простая, она не пройдет бесследно, не кончится, пронесшись над головой. Нужно встать у нее на пути, сразиться с ней.

– Вешир, – сказал Ренальд, поворачиваясь к горну и наковальне, – на этой ферме ты трудишься уже... Сколько? Пятнадцать лет? Ты был первым, кого я взял в работники. Как я обращался с тобой и с остальными?

– Хорошо... – сказал Вешир. – Но чтоб мне сгореть, Ренальд, прежде ты никогда и не думал бросать ферму! А посеы? Они же засохнут, если мы оставим их без присмотра! Тут же земля не так богата влагой, как на юге! Как можно все бросить и уйти?

– Потому что, – ответил Ренальд, – если мы не пойдем на север, то будет совсем не важно, посеем мы что-то или нет.

Вешир нахмурился.

– Сынок, – промолвил Ренальд, – делай, как говорю, и этого нам довольно. Ступай пригони остальную скотину.

Вешир зашагал прочь, но сделал то, что ему велели. Он был славным парнем, пусть и вспыльчивым.

Ренальд вытащил косу из горна – раскалившийся металл светился белым. Положив косу на маленькую наковальню, он принялся бить по ней молотом – по тому месту, где острая кромка косы переходила в пятку, – точными ударами расплющивая железо. Звон кузнечного молота казался почему-то громче обычного. Он отдавался в ушах громовыми раскатами, и звон металла смешивался с громом – будто бы каждый удар молота был отзвуком отдаленной грозы.

Ренальд работал, и раскаты грома словно бы складывались в слова. Как будто в голове у него бормотал чей-то голос, раз за разом повторяя одну фразу.

«Гроза грядет. Гроза грядет».

Ренальд продолжал бить молотом, не трогая острия косы, но выпрямляя ее и выковывая сбоку крюк. Он по-прежнему не знал зачем. Но это было не важно.

Надвигается буря, и он должен быть готов к ней.

Глядя на то, как кривоногие солдаты, перебросив через седло, приторачивают к нему завернутое в одеяло тело Танеры, Фалендре с трудом сдерживала рыдания, едва перебарывая подступающую тошноту. Она была старшей и должна держать себя в руках, если хочет, чтобы четыре другие выжившие *сул'дам* сохраняли какое-никакое самообладание. Она пыталась убедить себя, что ей доводилось выдвигать и худшее, когда в сражениях гибли не одна и не две сул'дам, не говоря уже о погибших *дамани*. Но подобные попытки невольно приводили к мысли, которую Фалендре отчаянно гнала от себя: о том, как именно Танера и ее Мири встретили свою смерть. И эта мысль страшно пугала ее.

Фалендре гладила по голове уткнувшуюся ей в бок хныкающую Ненси и старалась утешить бедняжку, через *ай'дам* посылая той чувство спокойствия. Такое, как казалось, нередко срабатывало, но сегодня получалось плохо. В душе у самой Фалендре царило полное смятение. Если бы только она могла забыть, что дамани отсечены щитом – и кем! И чем... Ненси снова всхлипнула.

– Ты передашь мое послание, как я велел? – раздался за спиной Фалендре мужской голос.

Нет, голос этот принадлежал вовсе не обычному мужчине. От звука этого голоса в животе у Фалендре точно озерцо кислоты взбурлило. Она заставила себя повернуться лицом к этому человеку, взглянуть в его холодные, безжалостные глаза. Когда он наклонял голову, они меняли цвет, становясь то серыми, то голубыми, но всегда оставались похожими на отшлифованные драгоценные камни. Фалендре знала много сильных и волевых людей, но никогда не встречала такого, который, лишившись руки, спустя считанные мгновения вел бы себя как ни в чем не бывало, будто он потерял перчатку. Фалендре отвесила церемонный поклон, дернув за ай'дам и заставив поклониться и Ненси. До сих пор с пленницами, учитывая все обстоятельства, обращались хорошо, им даже дали воды, чтобы умыться, и, похоже, оставаться в плену им суждено недолго. Но из-за этого мужчины ни за что не скажешь, что случится в следующую минуту. Обещанная свобода вполне может обернуться частью некоей интриги.

– Я сделаю все, что потребуется, чтобы доставить ваше послание... – начала Фалендре, а потом запнулась. Как ей следует обратиться к нему? И она поспешно добавила: – Милорд Дракон.

От таких слов у нее во рту пересохло, но он кивнул, так что, наверное, подобного обращения достаточно.

Через ту невероятную дыру в воздухе появилась одна из *марат'дамани* – молодая женщина с заплетенными в длинную косу волосами. Украшений на ней было под стать кому-то из Высокородных, и что самое примечательное – на лбу у нее, в самой середине, красовалось круглое красное пятнышко.

– Ранд, долго ты тут оставаться собираешься? – спросила она требовательным тоном, словно бы юноша с жесткими глазами был ее слугой, а не тем, кем он являлся в действительности. – Разве мы не совсем рядом с Эбу Дар? Если не знаешь, так шончан тут кишмя кишат. Наверняка и *ракены* кругом летают.

– Тебя Кадсуане об этом прислала спросить? – отозвался тот, и щеки его окрасились легким румянцем. – Нет, Найнив, уже недолго. Еще несколько минут.

Молодая женщина перевела взор на остальных сул'дам и дамани, которые, по примеру Фалендре, притворялись, будто рядом нет ни разглядывающей их марат'дамани, ни – тем более – никаких мужчин в черных куртках. Женщины, как сумели, привели себя в порядок. Сурия смыла кровь с лица и заодно умыла и Таби, а Малиан наложила им повязки, отчего казалось,

будто они надели какие-то чудные шапочки. Киар кое-как отчистила свое испачканное рвотой платье.

– Думаю, мне все же стоило бы их Исцелить, – вдруг промолвила Найнив. – От ударов по голове с людьми всякие странные вещи случаются. Бывает, и не проходят.

Сурия, окаменев лицом, спрятала Таби себе за спину, словно бы защищая дамани. Словно бы могла ее защитить. От ужаса светлые глаза Таби чуть из орбит не вылезли.

Фалендре умоляющим жестом протянула руку к высокому юноше. К Дракону Возрожденному, выходит.

– Прошу вас, не надо! Им помогут наши лекари, как только мы доберемся до Эбу Дар.

– Брось, Найнив, – сказал юноша. – Коли не хотят Исцеления, значит не хотят. – Насупившись, марат'дамани воззрилась на него и так крепко стиснула в кулаке косу, что у нее аж костяшки побелели. А он снова обратил свое внимание на Фалендре. – Дорога на Эбу Дар проходит восточнее, в часе пути отсюда. Если поспешите, то к ночи доберетесь до города. Щиты, которые наложены на дамани, исчезнут через полчаса. Так, Найнив? Это ведь верно для щитов, сплетенных из *саидар*? – (Женщина молча вперила в него сердитый взгляд.) – Ведь так, Найнив?

– Да, через полчаса, – в конце концов промолвила она. – Но все это неправильно, Ранд ал'Тор. Отсылать обратно этих дамани. Это неправильно, и ты это знаешь.

На какой-то миг его взгляд стал холоднее. Не жестче. Это было бы просто невозможно. Но какое-то долгое-долгое мгновение его глаза казались кусочками вечного льда.

– О том, что правильно, легко было говорить, когда мне приходилось заботиться лишь о полудюжине овец, – тихо промолвил он. – А ныне иногда куда сложнее бывает. – Отвернувшись, он возвысил голос: – Логайн, уводи всех через переходные врата. Нет, Мериса, нет! Я вовсе не пытаюсь тобой командовать. Хотя, возможно, ты соизволишь присоединиться к нам? Врата скоро закроются.

Марат'дамани, те, кто называл себя Айз Седай, начали друг за дружкой проходить через ту небывалую дыру в воздухе, а вместе с ними – мужчины в черных куртках, Аша'маны. К ним присоединились и крючконосые солдаты, в том числе те, кто только что закончил привязывать Танеру к седлу. Лошадей предоставил Дракон Возрожденный. Как странно, что после всего случившегося он еще способен делать подарки.

Мужчина с жестким взглядом снова повернулся к Фалендре и сказал:

– Повтори, что ты должна сделать.

– Я возвращаюсь в Эбу Дар с посланием для наших командиров.

– Для Дочери Девяти Лун, – строго поправил ее Дракон Возрожденный. – Мое послание ты передашь ей.

Фалендре испытывала сомнения. Она ни в коей мере не достойна говорить с кем-то из Высокородных, не говоря уже о верховной леди, дочери самой императрицы, да живет она вечно! Но лицо и тон этого мужчины не допускали никаких возражений. Фалендре придется отыскать способ встретиться с верховной леди.

– Я передам ей ваше сообщение, – продолжила Фалендре. – Я скажу ей, что... что вы не таите на нее обиду за нападение и что вы желаете с нею встречи.

– Я по-прежнему желаю встречи, – отметил Дракон Возрожденный.

Насколько было известно Фалендре, Дочь Девяти Лун вообще ведать не ведала о первой встрече – ее втайне устроила Анат. И именно поэтому Фалендре знала наверняка, что этот человек должен быть Драконом Возрожденным. Ибо кто, как не сам Дракон Возрожденный, способен был бы противостоять одной из Отрекшихся? И не просто остаться после этого в живых, но и выйти из схватки победителем?

Неужели Анат была... Была одной из Отрекшихся? Разум Фалендре пасовал перед этой мыслью. Невозможно! И все же вот – Дракон Возрожденный. Если он реален, если вон он

стоит, живой и во плоти, то тогда почему бы и Отрекшимся не явиться в мир. В голове у нее все совершенно смешалось, мысли бестолково носились по кругу, и она понимала это. Фалендре едва сдерживала обуревавший ее ужас – с этим придется разбираться позже. Сейчас она должна держать себя в руках.

Сделав над собой усилие, Фалендре заставила себя взглянуть в те замерзшие драгоценные камни, что были у того человека вместо глаз. Ей нужно сохранять хотя бы капельку достоинства – хотя бы ради того, чтобы успокоить четырех других уцелевших сул'дам. И дамани, разумеется. Если сул'дам вновь утратят самообладание, то дамани лишатся всяких надежд.

– Я ей передам, – стараясь, чтобы голос не дрожал, сказала Фалендре, – что вы по-прежнему желаете с нею встретиться. Что вы считаете, что между нашими народами должен быть установлен мир. И я расскажу ей, что леди Анат была... была одной из Отрекшихся.

Краешком глаза она заметила, как несколько марат'дамани уводят через дыру в воздухе Анат, которая, несмотря на плен, сохраняла величественный вид. Она всегда стремилась подчинять других и смотрела на всех свысока. Неужели она и в самом деле та, кем назвал ее этот мужчина?

Как Фалендре осмелится взглянуть в глаза *дер'сул'дам* и объяснить той произошедшую трагедию, все эти жуткие, ужасные события? Фалендре нестерпимо хотелось оказаться подальше отсюда, убежать куда-нибудь, где-то спрятаться.

– Мы *должны* заключить мир, – сказал Дракон Возрожденный. – Я предвижу, что так будет. Передай своей госпоже, что она найдет меня в Арад Домане. Я прекращу там сражения против ваших войск. Дай ей понять, что я поступаю так в знак доброй воли, точно так же, как я честь по чести отпускаю вас. Нет в том позора, если тобою манипулирует кто-то из Отрекшихся, особенно если это... та тварь. Теперь у меня с души камень свалился. Я боялся, что кто-то из них затесался в шончанскую знать. Мне следовало догадаться, что это будет Семираг. Она всегда предпочитала браться за непростые задачи.

Он говорил об Отрекшейся с невероятным чувством – словно был знаком с ней целую вечность! У Фалендре будто мороз по коже прошел.

Он взглянул на нее и промолвил:

– Ступай.

Затем Дракон Возрожденный, пройдя мимо шончанки, шагнул в ту прореху в воздухе. Много бы отдала Фалендре, чтобы Ненси научилась такому трюку – вот бы им уметь так путешествовать! Последняя из марат'дамани прошла через проем, и тот закрылся. Фалендре и ее спутницы остались одни. Они представляли собой жалкое сборище. Талха продолжала плакать, у Малиан был такой вид, как будто ее вот-вот стошнит. Несколько женщин хотя и сумели смыть кровь с лица, но не до конца – на коже до сих пор виднелись бледные красные разводы и пятна засохшей крови. Фалендре порадовалась, что не позволила их Исцелить. Она собственными глазами видела, как один из тех мужчин Исцелял людей из отряда Дракона. Кто знает, какая порча запятнает того, кого коснутся эти нечистые руки?

– Соберитесь и не раскисайте! – велела Фалендре спутницам, хотя сама не чувствовала в себе ни сил, ни уверенности. Он и в самом деле ее отпустил. Она едва смела на такое надеяться. И лучше бы поскорее отсюда убраться. Как можно скорее. Фалендре приказала побыстрее садиться на лошадей, которых им оставил Дракон Возрожденный, и спустя считанные минуты все сул'дам уже сидели в седлах, рядом с ними шагали их дамани – колонна направлялась на юг, к Эбу Дар.

Сегодняшние события вполне могут обернуться тем, что у Фалендре отберут ее дамани, запретив отныне надевать ай'дам. Поскольку Анат в плену, то о наказании нужно просить у кого-то другого. Что скажет верховная леди Сюрот? Дамани мертва, Дракону Возрожденному нанесено оскорбление.

Нет сомнений, худшее, что с нею может случиться, – ее лишат доступа к ай'дам. Не превратят же кого-то вроде Фалендре в *да'ковале*? Или... При этой мысли у нее внутри словно желчь разлилась.

Рассказывать о событиях этого дня ей нужно будет очень осторожно. Фалендре должна представить случившееся в таком свете, чтобы у нее оставался шанс сохранить себе жизнь.

Она пообещала Дракону Возрожденному, что поговорит с самой Дочерью Девяти Лун. И она исполнит данное обещание. Но возможно, она сделает это не сразу. Необходимо хорошенько поразмыслить. И обдумать все надо очень и очень тщательно.

Фалендре склонилась к шее лошади, слегка подгоняя ее и заставляя опередить остальных. Так никто не увидит ни слез разочарования и безнадежности у нее на лице, ни боли и ужаса в глазах.

Сидя верхом, Тайли Хирган, лейтенант-генерал Непобедимой армии, глядела с вершины поросшего лесом холма на север. Как непохожа эта земля на ее родной край – засушливый остров Марам Кашор возле самой юго-восточной оконечности Шончан. Там высятся громадные деревья лумма, с прямыми ровными стволами, чьи растущие на макушке листья напоминают прическу-гребень высокопоставленных Высокородных.

По сравнению с лумма то, что в здешних краях сходило за деревья, представляло собой узловатые и кривые раскидистые кусты. Их сучья напоминали пальцы старого вояки, окостеневшие и страдающие подагрой после многолетнего тесного знакомства с эфесом меча. Как же местные называют эти растения? Вроде бы хворостинниковые деревья? Как странно. И не подумаешь, что кто-то из предков Хирган, отправившийся через океан в Шончан вместе с Лютейром Пейндрагом, мог быть родом из таких мест.

Войска Хирган двигались походным маршем по дороге, идущей у подножия холма. В воздухе висели тучи пыли, поднятой ногами тысяч и тысяч солдат. Меньше, чем было у нее прежде, но не намного. Прошло две недели после ее сражения с айильцами, когда превосходно сработал план Перрина Айбара. Сражаться рядом с таким человеком, как он, всегда и горестно, и радостно. Радостно оттого, что оказался рядом с настоящим гением. Горечи же добавляет тревога, что возможен день, когда они вынуждены будут сойтись лицом к лицу на поле битвы. А Тайли вовсе не относилась к числу тех, кто радостно ввязывается в бой, дабы испытать свои силы. Побеждать она всегда предпочитала наверняка.

Есть военачальники, которые утверждают, будто путь к лучшему лежит через борьбу, через преодоление и никак иначе. Тайли же полагала, что она со своими людьми совершенствоваться будет на поле боя, а там уж пусть враги, как могут, борются и преодолевают.

Сражаться с Перрином ей бы не хотелось. Нет, не хотелось бы. И не потому, что он ей симпатичен.

Земля донесла до слуха Тайли неспешный стук копыт. Она оглянулась и увидела, что к ней подъезжает Мишима на светлом мерине. Шлем его был приторочен к седлу. На исчерченном шрамами лице Мишимы явственно читалась задумчивость. Вообще-то, они оба были под стать друг другу. И у самой Тайли на лице виднелись старые шрамы.

Мишима отсалютовал ей – ныне, когда Тайли возвысили до Высокородной, с большим почтением. То особое послание, что доставили на ракене, оказалось совершенно неожиданным. Это была честь, и к такому обхождению Тайли пока что не привыкла.

– Все еще раздумываешь о битве? – спросил Мишима.

– Да, – отозвалась Тайли. Минуло уже две недели, но эти мысли по-прежнему больше всего занимают ее ум. – А что ты думаешь?

– Ты хочешь сказать – об Айбара? – поинтересовался Мишима. Как и прежде, он говорил с нею как друг, пускай и старался не поднимать на нее глаз. – Он хороший воин. Может, слишком сосредоточен на одном, словно упертый. Но крепок и надежен.

– Да, – промолвила Тайли, а потом покачала головой. – Мир меняется, Мишима. И так, как мы не в силах предугадать. Сначала Айбара, потом разные странности.

Мишима глубокомысленно покивал:

– Люди не хотят о них говорить.

– Дело не в галлюцинациях, не в обманутых чувствах – все случается слишком часто, – заметила Тайли. – Разведчики *что-то* видят.

– Люди не могут просто исчезать, – промолвил Мишима. – По-твоему, тут замешана Единая Сила?

– Не знаю, что это, – сказала Тайли. Она устремила взгляд поверх окружавших ее деревьев. На нескольких деревьях, мимо которых Тайли проезжала раньше, уже начинали пробиваться новые отростки, но здесь, на холме, она не заметила ни одного побега. Видом эти деревца напоминали скелеты, хотя воздух вроде бы вполне прогрелся для поры сева. – А в Халамаке есть такие деревья, как эти вот?

– Ну, не такие в точности, – отозвался Мишима. – Но очень похожие мне прежде встречались.

– А разве к этому времени почки на них не должны уже распуститься?

Мишима пожал плечами:

– Я солдат, генерал Тайли.

– Не замечала, – сухо обронила она.

Тот только хмыкнул:

– Я к тому, что мне нет дела до деревьев. Кровью деревья не истекают. Может, им и пора почки давать, а может, и нет. По эту сторону океана мало что имеет смысл. Деревья, на которых весной нет почек, – это просто еще одна странность. Лучше так, чем мараг’дамани, которые ведут себя подобно Высокородным и перед которыми нужно раскланиваться и расшаркиваться. – Мишима заметно вздрогнул.

Тайли кивнула, хотя и не разделяла его отвращение. Не вполне. Она не могла разобраться в своих мыслях о Перрине Айбара и его Айз Седай, не говоря уже о его Аша’манах. И о деревьях она знала вряд ли больше Мишимы. Но ей почему-то казалось, что почки уже должны были появиться. И те люди в полях, которые попадают на глаза разведчикам... Как они могут исчезать так быстро, даже если действует Единая Сила?

Сегодня квартирмейстер открыл один из тюков с походными пайками и обнаружил в нем только пыль. Тайли готова была предпринять розыск вора или шутника, но квартирмейстер настаивал, что проверял содержимое этого тюка несколькими минутами ранее. Карм был человеком серьезным и служил при Тайли квартирмейстером много лет. Ошибиться он не мог.

Провизия быстро портилась, и это было тут обычным делом. Карм во всем винил жару, стоявшую в этих странных землях. Но походные пайки не могут портиться или гнить, по крайней мере, без всяких на то причин. Предзнаменования в эти дни были дурными. Сегодня, немногим ранее, Тайли попались на глаза две дохлые крысы, они лежали брюхом кверху, и одна держала во рту хвост второй. Худшего знамения она в жизни не видывала, и при мысли о том, что предвещает этот знак, по спине пробежал ледяной холод.

Что-то случилось. Перрин не желал многого говорить, но она видела: его что-то гнетет. Он явно знал больше, чем сказал.

«Мы не можем позволить себе сражаться с этими людьми», – подумала Тайли. Мысль была бунтарская – из тех, что она не высказывала вслух Мишима. Она даже не смела долго об этом размышлять. Императрица, да живет она вечно, приказала вернуть утраченное под руку империи. Руководство походом в эти земли императрица возложила на Сюрот и Галгана – до тех пор, пока не явит себя Дочь Девяти Лун. Тайли замыслы верховной леди Туон знать не могла, а Сюрот и Галган были едины в своем желании привести страны по эту сторону океана к подчинению. В сущности, это было единственное, в чем соглашались эти двое.

Ни один из них даже слушать бы не стал предположений, что в живших в этих краях людях следует искать не врагов, а союзников. Подобные мысли опасно близки к измене. По меньшей мере, к неповиновению. Тайли вздохнула и повернулась к Мишиму, собираясь распорядиться об отправке разведчиков – пора искать место, чтобы разбить на ночь лагерь.

Едва взглянув на Мишиму, Тайли застыла. Шея Мишима была пробита стрелой – жуткого вида и с зазубринами. Тайли не слышала ни того, как прилетела стрела, ни того, как она вонзилась в плоть. Ошеломленный, Мишима встретился с ней взглядом, пытаясь заговорить, но изо рта вырвалась лишь кровь. Он соскользнул с седла и тяжело рухнул наземь, а из низких кустов неподалеку от Тайли на всадницу, ломая корявые ветви, устремилось нечто громадное. Она едва успела выхватить из ножен меч и закричать, а потом Пыльник – добрый, крепкий боевой конь, ни разу не подводивший ее в сражениях, – испуганно взвился на дыбы и сбросил Тайли на землю.

Вероятно, падение спасло ей жизнь, так как нападавший со всего маху обрушил свой тяжелый толстый клинок на седло – где только что сидела Тайли. Гремя доспехами, она вскочила на ноги и зычным голосом заорала:

– К оружию! На нас напали!

К ее крику присоединились сотни других – тревогу разом подняли многие. Кричали люди. Ржали лошади.

«Засада, – подумала Тайли, поднимая меч. – И мы напоролись прямо на нее! Куда смотрели разведчики? Что произошло?»

Она бросилась на того, кто пытался ее убить. Фыркая, враг крутанулся на месте.

И тут она в первый раз разглядела, кто же ее атаковал. Это был совсем не человек – какая-то чудовищная и уродливая тварь; голову покрывала грубая бурая шерсть, толстая кожа на чересчур широком лбу собралась в складки. Глаза слишком походили на человеческие, что рождало отвращение и тревогу, но приплюснутый нос смахивал на кабанье рыло, а изо рта торчали два длинных клыка, как у вепря. Тварь зарычала на Тайли, брызгая слюной, слетавшей с почти что человеческих губ.

«Кровь моих Позабытых Предков! – подумала она. – Во что мы вляпались?»

Чудовище было кошмаром, обретшим плоть и выпущенным на волю с неутолимой жаждой убивать. Пред Тайли стояло нечто такое, к чему она всегда относилась как к ничемному суевию.

Шончанка накинута на тварь, отбив в сторону толстый меч, когда клыкастый попытался ее атаковать. Тайли крутанулась, переходя в стойку «Бить по кустам» и отсекала врагу руку у самого плеча. Она ударила вновь, и вслед за рукой на землю покатилась отрубленная голова. Обезглавленный противник запнулся, но, перед тем как упасть, непостижимым образом умудрился пройти еще три шага.

В лесу раздавались треск и шорох, падали обломанные ветки. С холма Тайли видела, как из кустов и подлеска внизу выскакивают сотни тварей, подобных той, что она сразила, и атакуют центр колонны ее войска. Из-за деревьев в порожденном внезапным нападением хаосе появлялись всё новые и новые чудовища.

Как такое случилось? Как эти твари сумели подобраться к Эбу Дар так близко? Войска Тайли находились далеко за оборонительным периметром шончан, в тылу, всего в дневном переходе от столицы!

Тайли бросилась вниз по склону холма, зычным голосом созывая свой эскорт, а из-за деревьев позади нее с ревом и рычанием выпрыгивали чудовищные твари.

Грендаль лениво восседала в кресле, а вдоль выложенных камнем стен выстроились мужчины и женщины, облаченные всего лишь в накидки из прозрачной белой ткани; каждый из них, преисполненный преклонения перед госпожой, представлял собой безупречный образ

чик своего рода. От пылавшего в камине огня исходило приятное тепло, и отсветы пламени ложились на кроваво-красный ковер тонкой работы. Вытканые на ковре фигуры юношей и девушек самым причудливым образом сплетались между собой, и подобный узор бросил бы в краску смущения даже самую искусную и искусственную куртизанку. Свет клонящегося к вечеру дня вливался в распахнутые окна дворца, из которых открывался замечательный вид на сосны внизу и сверкающее под солнцем озеро.

Облаченная в светло-голубое платье доманийского покроя – ей стала нравиться мода этой страны, хотя ее платье было намного прозрачней, чем обычно носили местные жители, – Грендаль неспешно пила сок сладкощети́тника. К тому же эти доманийцы слишком уж любили шептаться, когда бы сама Грендаль предпочла громкий, от души крик. Она сделала еще один глоток сока. Какой у него необычно кислый привкус. В нынешнюю эпоху этот напиток считается редкостью и экзотикой, поскольку теперь такие деревья произрастают только на отдаленных островах.

Вдруг без всякого предупреждения в центре комнаты развернулся портал переходных врат. Грендаль едва слышно выругалась, заметив, что из-за раскрывшихся врат пострадал один из ее наиболее превосходных трофеев – молодая, в самом соку женщина по имени Тураса, член доманийского купеческого совета, едва не лишилась руки по локоть. В проем врат ворвался поток душного зноя, испортивший совершенное сочетание прохладного горного воздуха и теплых волн от пылавшего в камине пламени, которого добивалась Грендаль. Но она подавила вспышку гнева и сохранила самообладание, продолжая сидеть, откинувшись на спинку бархатного кресла с чрезмерно мягкой обивкой. Через портал шагнул посланец в черном, и чего тот хочет, она поняла раньше, чем он заговорил. Только Моридин знал, где ее искать, – только он один, так как Саммаэль теперь мертв.

– Миледи, вас требует к себе...

– Да-да, – промолвила она. – Встань прямо и дай-ка мне взглянуть на тебя.

Юноша замер смирно, пройдя по комнате всего два шага. О, как же он был привлекателен! Волосы светло-золотистого оттенка, столь редкие во многих уголках мира, зеленые глаза сверкают, словно поросшие ряской озерца, а фигурка гибкая, несмотря на мускулистость. Грендаль прищелкнула языком. Неужели Моридин пытается прельстить ее, посылая самого симпатичного своего красавчика, или же подобный выбор гонца – простое совпадение?

Нет. У Избранных для совпадений и случайностей места нет. Грендаль едва удержалась, чтобы не сплести узел Принуждения и самой не завладеть мальчишкой. Но она обуздала свой порыв. Если на мужчину воздействовать Принуждением такого уровня, то вернуть все к исходному состоянию будет невозможно, и Моридин, того гляди, разгневется. Впрочем, его капризы – не ее забота. Он никогда, даже в прежние-то годы, не отличался уравновешенностью. Если она сама намерена однажды стать Ни́блисом, важно не раздражать Моридина понапрасну, пока не придет время нанести удар.

Грендаль отвернулась от посланца – если она не способна заполучить его, то никакого интереса он для нее не представляет, – и взглянула в открытые врата. Она ненавидела, когда ее принуждали встречаться с кем-то из Избранных на чужих условиях. Она ненавидела, когда обстоятельства вынуждали ее покидать свою крепость и оставлять своих любимцев. Больше всего она ненавидела, когда ее заставляли унижаться перед тем, кто должен был сам находиться у нее в подчинении.

Но делать нечего. Моридин был Ни́блисом. Пока что. А значит, сколь бы ненавистно это ни было, у Грендаль нет выбора – она обязана откликнуться на призыв. Посему Грендаль отставила бокал, встала и прошла через врата, сверкая золотом вышивки, которая украшала ее почти прозрачное светло-голубое платье.

По ту сторону врат оказалось безумно жарко. Грендаль немедленно сплела пряди Воздуха и Воды, охлаждая окружающий ее воздух. Она находилась в здании из черного камня, в окнах,

в которых не было стекол, дрожал ярко-красный свет. Эти красноватые отсветы наводили на мысли о закате, но в Арад Домане день только-только перевалил за середину. Она оказалась настолько далеко?.. Неужели? Или все же нет?

Всю обстановку комнаты составляли жесткие стулья из черного-пречерного дерева. Определенно, Моридину в последнее время заметно недостает воображения. Все черное и красное, и все крутится лишь вокруг того, как бы убить тех глупых мальчишек, что родом из деревни Ранда ал'Тора. Неужели только ей, одной-единственной, понятно, что настоящая угроза – сам ал'Тор? Почему бы просто не убить его и разом не покончить со всем?

И ей не доставляли радости размышления о самом очевидном ответе на этот вопрос: ни один из Избранных до сих пор не выказал себя достаточно сильным, чтобы сокрушить ал'Тора.

Грендаль подошла к окну и обнаружила причину кроваво-красного свечения снаружи. На напоминавшей глину земле проступали красные пятна от содержащегося в почве железа. Она находилась на втором уровне черной-пречерной башни, и камни буквально впитывали в себя обжигающий жар небес. Снаружи почти ничего не росло, и немногие растения были испещрены черными пятнами. Выходит, это Запустение, причем самый далекий северо-восточный уголок. Немало времени минуло с тех пор, как она тут бывала. Надо же, Моридин, по-видимому, как-то обнаружил бывшую цитадель.

В тени крепости стояла кучка жалких хибарок, вдалеке виднелись участки с посадками, что свидетельствовало о возделанных полях; растения несли на себе печать Запустения. Наверное, пытались вывести новый сорт, способный произрастать и давать урожай в подобном месте. Вероятно, речь шла даже о нескольких разных сортах – это объясняло отличавшиеся по виду посевы. Поля патрулировали стражники, облаченные, несмотря на жару, в черную форму. Солдаты были необходимы, чтобы отражать нападения разнообразных исчадий Тени, которые населяли отдаленные места Запустения. Этим созданиям не был ведом иной хозяин, кроме самого Великого повелителя. Что вообще все это время тут делал Моридин?

Размышления Грендаль вскоре прервали шаги, возвестившие о прибытии других Избранных. Демандред вошел в комнату через двери на южной стороне, его сопровождала Месана. Выходит, они явились вместе? Они полагали, будто Грендаль неизвестно об их ничемном союзе, причем в их комплоте участвовала и Семираг. Но, говоря по правде, если бы эта парочка хотела сохранить свой альянс в тайне, неужели они не смогли бы явиться на призыв поодиночке?

Грендаль, пряча улыбку, поприветствовала Демандреда и Месану кивком, а потом нашла взглядом самый большой и самый с виду удобный стул в комнате и уселась на него. Она провела пальцем по гладкому темному дереву, ощущая его структуру под слоем лака. Демандред с Месаной холодно взирали на нее, и она достаточно хорошо знала обоих, чтобы различить промелькнувшую в их взглядах тень изумления, которое им не удалось скрыть при виде Грендаль. Вот, значит, как. Выходит, они заранее знали о встрече? Но не о том, что на ней будет и Грендаль? Лучше всего притвориться, что сама она нисколько не удивлена. Грендаль одарила обоих Избранных понимающей улыбкой и подметила полыхнувший в глазах Демандреда гнев.

Хоть сама Грендаль ни за что бы не призналась в этом во всеуслышание, Демандред был помехой ее планам. Месана проникла в Белую Башню, прикинувшись одной из тех, кто считается в эту эпоху Айз Седай. Она была предсказуема, и ее ходы легко просчитывались; агенты Грендаль в Белой Башне держали хозяйку в курсе деятельности Месаны. И разумеется, очень полезной для Грендаль оказалась не так давно сформированная ею связь с Аран'гар. Последняя вела свою игру с мятежными Айз Седай – теми, кто осаждал Белую Башню.

Да, Месана не мешала замыслам Грендаль, да и остальных было столь же просто отслеживать. Моридин собирал силы Великого повелителя для Последней битвы, и у него, занятого приготовлениями к войне, оставалось мало времени на то, чтобы обращать внимание на события на юге – впрочем, двое его ставленников, Синдани и Могидин, от случая к случаю там

показывались. Они проводили время, сплачивая приверженцев Тьмы, и изредка пытались исполнить распоряжение Моридина, приказавшего убить двух *та'веренов* – Перрина Айбара и Мэтрима Коутона.

Грендаль была уверена, что Саммаэль пал от руки Ранда ал'Тора в ходе сражения за Иллиан. На деле – теперь, когда у Грендаль появились сведения о том, что у шончан за ниточки дергает Семираг, – она была убеждена, что ей ведомы планы каждого из семерых уцелевших Избранных.

Всех – за исключением Демандреда.

Что же замыслил этот треклятый мужчина? Она бы с радостью отдала все, что ей известно о делишках Месаны и Аран'гар, в обмен на намек о планах Демандреда. Вон он, стоит там, красавчик с орлиным носом, поджав губы в вечном гневе. Демандред никогда не улыбался, казалось даже, никогда и ничему не радовался. Хотя среди Отрекшихся он был наиболее выдающимся военачальником, война, судя по всему, не доставляла ему никакого удовольствия. Однажды Грендаль слышала, как он сказал, что засмеется в тот день, когда свернет шею Льюсу Тэрину. Только тогда – и не раньше.

Ну и глупец, раз таскает за пазухой такой камень. Подумать только – он считает, будто мог бы оказаться на другой стороне – возможно, даже сам мог бы стать Драконом, – и что тогда все обернулось бы совершенно иначе. Тем не менее глупец Демандред или нет, он в высшей степени опасен, и Грендаль категорически не нравилось, что она не осведомлена о его планах. Интересно, где же он окопался? Демандред любил иметь под своим командованием войска, но в мире вроде не оставалось для него армии.

Не считая, возможно, тех порубежников. Сумел бы он затесаться в их ряды? Определенно, это был бы удачный ход. Но Грендаль наверняка что-то да слышала бы; у нее есть шпионы и в том лагере.

Грендаль покачала головой, жалея, что ей нечем смочить губы. Северный воздух был слишком сух; она предпочитала доманийскую влажность. Демандред скрестил руки на груди и остался стоять, когда села Месана. У той были бледно-голубые глаза и коротко, до середины шеи, подстриженные волосы. Украшений она не носила, и на длинном, до пола, платье не было ни стежка вышивки. Книгочей до мозга костей, ученый сухарь. Порой у Грендаль мелькала мысль, что Месана потому перешла на сторону Тени, что там для нее открывались более широкие и интригующие возможности для исследований.

Теперь же Месана была всецело предана Великому повелителю, как и все другие Избранные, но среди них она казалась особой второго сорта. Хвастаясь и давая обещания, которые не могла выполнить, вставая на сторону более сильных, для манипулирования которыми не обладала необходимым умением. Она творила зло во имя Великого повелителя, но никогда не добивалась грандиозных успехов, как Семираг или Демандред. Не говоря уже о Моридине.

И стоило Грендаль вспомнить о Моридине, как тот вошел в комнату. О, какое это было красивое создание! По сравнению с ним Демандред выглядел каким-то невзрачным селянином. Да, это тело намного лучше предыдущего. Привлекательностью он вполне мог бы соперничать с некоторыми из любимцев Грендаль, хотя все впечатление от лица портил подбородок. Чересчур выдающийся, чересчур мощный. Но все же... эти абсолютно черные волосы, высокий рост, широкие плечи... Грендаль улыбнулась, представив себе, как он склоняется перед ней на колени, в полупрозрачном белом одеянии, в слепом восхищении взирая на нее, а разум его опутан и оплетен Принуждением до той степени, что для него не существует никого – и ничего, – кроме одной лишь Грендаль!

Когда вошел Моридин, Месана поднялась со стула, и Грендаль неохотно последовала ее примеру. Он не ее домашняя собачка, пока еще нет. Он – Ни'блис и в последнее время стал требовать от них все большего и большего повиновения, словом и делом. Власть ему вручил Великий повелитель. Трое Избранных нехотя склонили перед Моридином головы; из всех

людей одному ему они выказывали почтение. Он отметил их покорность, окинув суровым взором, и широким шагом прошествовал в центральную часть комнаты, где в стене, сложенной из антрацитово-черных камней, был сделан камин. Что за безумие владело человеком, которому взбрело в голову возвести крепость из черного камня посреди жары и духоты Запустения?

Грендаль села на место. Ждать ли прочих Избранных? А если нет, то что это означает?

Месана заговорила раньше, чем Моридин успел вымолвить хоть слово.

– Моридин! – сказала она, шагнув вперед. – Нам нужно спасти ее.

– Месана, я не давал тебе разрешения говорить, – холодно ответил тот. – Ты еще не прощена.

Она испуганно съежилась, потом явно рассердилась на себя за проявленный страх. Моридин отвернулся от нее и, прищурившись, окинул взглядом Грендаль. К чему бы этот взгляд?

– Можешь продолжать, Месана, – наконец промолвил он, – но помни свое место.

Губы Месаны стянулись в ниточку, но перечить она не стала.

– Моридин! – произнесла она куда менее требовательным тоном. – Ты поступил мудро, согласившись встретиться с нами. Несомненно, ты потрясен не меньше нас. Сами мы ей помочь не можем, у нас нет для этого сил и средств. Наверняка ее хорошо охраняют и Айз Седай, и эти Аша’маны. Ты должен помочь нам освободить ее.

– Семираг вполне заслужила то, что оказалась в плену, – заметил Моридин, положив руку на каминную полку. Он по-прежнему не смотрел на Месану.

Как?! Семираг захвачена в плен?! Только-только Грендаль узнала, что та действовала под личиной высокопоставленной шончанки! Что она сотворила такого, раз позволила пленить себя? А коли речь зашла об Аша’манах, то она, похоже, умудрилась угодить в лапы к самому ал’Тору!

Вопреки потрясению, Грендаль сумела сохранить на лице многозначительную улыбку. Демандред покосился на нее. Если о встрече просил он с Месаной, то почему Моридин послал и за Грендаль?

– Подумай только, что может выдать Семираг! – сказала Месана, не обращая внимания на Грендаль. – Кроме того, она – одна из Избранных! Наш долг – помочь ей.

«А кроме того, – подумала Грендаль, – она участвует в том жалком союзе, который вы вдвоем сколотили. И возможно, она – самая сильная сторона. Ее утрата – удар по вашим планам подчинить себе Избранных».

– Она ослушалась, – сказал Моридин. – Она не должна была пытаться убить ал’Тора.

– Она и не собиралась! – поспешила заметить Месана. – Там был наш человек – и она считает, что стрелой Огня Семираг инстинктивно ответила на внезапное нападение. И Семираг вовсе не намеревалась его убивать.

– Демандред, что ты скажешь по этому поводу? – произнес Моридин, глянув на уступавшего ему ростом мужчину.

– Мне нужен Льюс Тэрин, – отозвался Демандред. Как всегда, голос его был глубоким, а выражение лица – мрачным. – Семираг это известно. А еще Семираг знает, что если бы она его убила, то я отыскал бы ее и потребовал в расплату ее жизнь. Никто не убьет ал’Тора. Кроме меня – никто.

– Кроме тебя, Демандред, – или Великого повелителя, – с грозными нотками в голосе заметил Моридин. – Его воля – превыше всех наших желаний.

– Да-да, разумеется, превыше, – вмешалась Месана, шагнув вперед. Край простого платья с еле слышным шорохом скользнул по отполированному до зеркального блеска черному мрамору пола. – Моридин, фактом остается то, что она вовсе не намеревалась его убивать! Она хотела только захватить его. Я...

– Ну конечно, она собиралась захватить его! – взревел Моридин, отчего Месана вздрогнула и отшатнулась. – Именно это ей и приказали! И она не справилась, Месана. Провалила

дело, с феерическим треском! Нанеся ему рану, вопреки моему строжайшему приказу! С него и волоска не должно было упасть! И за свою некомпетентность ей суждено страдать. Для ее освобождения я ничем не стану вам помогать. На самом деле я даже *запрещаю* вам посылать ей помощь. Понятно?

Месана опять вздрогнула. Но Демандред даже бровью не повел; не дрогнув, он встретил взгляд Моридина, потом кивнул. Да, в хладнокровии и выдержке ему не откажешь. Пожалуй, Грендаль его недооценивала. Из той троицы он вполне может оказаться самым сильным, причем намного опаснее Семираг. Верно, та бесстрашна и сдержанна, но иногда проявление чувств вполне уместно. Такого мужчину, как Демандред, эмоции способны подтолкнуть к действиям, о которых более уравновешенный человек даже и помыслить неспособен.

Моридин опустил взгляд, сгибая и разгибая левую руку, словно бы она затекла. Грендаль уловила в выражении его лица тень боли.

– Пусть Семираг гниет заживо, – прорычал Моридин. – Пусть на себе испытает, каково это – допросы и пытки. Возможно, Великий повелитель в ближайшие недели отыщет для нее какое-то применение, но это решать будет *он*. А сейчас... Расскажите мне, как идут ваши приготовления.

Месана слегка побледнела, кинула взгляд на Грендаль. Демандред покраснел, словно бы не поверил, что их станут расспрашивать в присутствии другой Избранной. Грендаль улыбнулась им.

– Я полностью готова, – сказала Месана, вновь поворачивая голову к Моридину. – Белая Башня и те дуры, что ею правят, вскоре станут моими. Я преподнесу нашему Великому повелителю не просто расколотую Белую Башню, но и целый выводок способных направлять Силу женщин, которые – так или иначе – послужат нашим целям в Последней битве. На сей раз Айз Седай станут сражаться за нас!

– Смелое заявление, – обронил Моридин.

– Я добьюсь своего, – спокойно пообещала Месана. – Мои последователи наводнили Башню – так незримая болезнь изнутри отравляет здорового с виду человека. Наше дело обретает все новых и новых приверженцев. Кто-то присоединяется к нам сознательно, кто-то – и сам того не желая. Но в обоих случаях результат один и тот же.

Грендаль слушала внимательно. Аран'гар утверждала, что рано или поздно мятежные Айз Седай овладеют Башней, хотя сама Грендаль и сомневалась в таком исходе. Кто же одержит победу, ребенок или дура? Впрочем, какая разница!

– А ты? – обратился Моридин к Деманреду.

– Мое владычество крепко и устойчиво, – без затей заявил Демандред. – Я собираю силы для войны. Мы будем готовы.

Грендаль сгорала от желания узнать больше о планах Демандреда, но Моридин не настаивал на более развернутом ответе. Тем не менее она узнала намного больше тех крох, что ей удалось собрать прежде. Судя по всему, Демандред завладел тронном, и у него есть армия. И он продолжает собирать войска. Все более и более вероятными становились колонны порубежников, маршем проходящие через восточные страны.

– Вы двое можете удалиться, – сказал Моридин.

Получив разрешение уйти, Месана что-то прошипела, но Демандред просто повернулся и зашагал прочь. Грендаль кивнула про себя: ей надо будет за ним присмотреть. Великий повелитель любит действия, и зачастую большую награду получали те, кто приводил для него армии. Наиболее вероятно, что именно Демандред может стать ее главным соперником – после Моридина, разумеется.

Он не разрешил ей уходить, поэтому Грендаль так и сидела, следя за тем, как покидают комнату двое других Избранных. Моридин оставался на том же месте, опершись рукой о каминную полку. Какое-то время в чересчур черной комнате царила тишина, а потом вошел,

неся два кубка, слуга в ярко-красной ливрее. Он был безобразен, с плоским лицом и густыми бровями, и едва ли заслуживал даже мимолетного взгляда.

Грендаль взяла поднесенный кубок и попробовала молодое вино, слегка терпкое, но весьма неплохое. Отыскать хорошее вино становилось все сложнее; прикосновение Великого повелителя к миру на всем оставляло свой отпечаток, портилась не только еда, но и то, что никогда не должно было претерпевать разрушение и разложение.

Моридин, так и не взяв кубка, взмахом руки отослал слугу прочь. Грендаль, естественно, опасалась яда. Она всегда была настороже, когда ей предлагали питье в чужих кубках. Но Моридину незачем подсовывать ей отраву; он же был Ни'блисом. В то время как большинство Избранных не желало подобострастно перед ним преклоняться, он все больше и больше стремился навязывать им свою волю, обращаясь как с подчиненными и ставя гораздо ниже себя. Она подозревала, что Моридин, пожелай он того, мог бы казнить ее сотней различных способов по своему усмотрению, а Великий повелитель ему бы это разрешил. Поэтому Грендаль отпила из кубка и молча ждала, что он скажет.

– Грендаль, много ли ты узнала из того, что услышала? – спросил Моридин.

– Столько, сколько смогла, – уклончиво ответила она.

– Я знаю, с какой жадностью ты собираешь интересующие тебя сведения. Могидин всегда считали паучихой, издавека дергающей за ниточки, но во многих отношениях ты гораздо лучше ее. Она сплетает так много паутины, что сама запутывается в своих хитростях. Ты куда более осмотрительна. Ты наносишь удар только в нужный момент, но ввязаться в драку не боишься. Великий повелитель одобряет твою предприимчивость.

– Мой дорогой Моридин, – промолвила она, улыбаясь про себя, – ты мне льстишь.

– Не играй со мной, Грендаль, – сказал он суровым голосом. – Прибереги свои комплименты для других и помалкивай.

Она отшатнулась, как от пощечины, но не проронила ни слова.

– В награду я даю тебе дозволение подслушивать этих двух, – промолвил Моридин. – Ни'блис избран, но в царстве Великого повелителя найдутся и иные места подле его престола, в сиянии его славы. Причем некоторые много выше прочих. Сегодня тебе позволили ощутить сладость привилегий, которыми ты можешь быть одарена.

– Я живу, чтобы служить Великому повелителю.

– Тогда послужи ему так, – сказал Моридин, в упор глядя на Грендаль. – Ал'Тор двинется в Арад Доман. Он должен оставаться жив и невредим, пока в тот последний день не предстанет передо мной лицом к лицу. Но нельзя допустить, чтобы он принес мир в твою страну. Он попытается восстановить мир и порядок. Ты должна найти способ воспрепятствовать ему.

– Будет исполнено.

– Тогда ступай, – промолвил Моридин, коротко взмахнув рукой.

Грендаль встала и, начав размышлять на ходу, направилась к двери.

– И еще, Грендаль! – окликнул ее Моридин.

Она остановилась, оглянувшись на него. Он стоял у камина, почти что спиной к ней. Казалось, он смотрел в никуда, просто уставившись взором в черные камни противоположной стены. Как ни странно, но, стоя вот так, он во многом походил на ал'Тора – которого Грендаль знала по многочисленным наброскам, что ей доставляли шпионы.

– Конец близок, – сказал Моридин. – Колесо со скрипом совершает свой последний оборот, у часов кончается завод, змей выпускает последние вздохи. Он должен узнать душевную боль. Должен познать разочарование, крах надежд. Он должен испытать муки и страдания. Доставь их ему. И ты будешь вознаграждена.

Грендаль кивнула, потом прошла через открытые для нее переходные ворота и вернулась в свою крепость в холмах Арад Домана.

Чтобы плести интриги.

Матушка Родела Итуралде, уже тридцать лет как обретшая покой среди родных для него глинистых доманийских холмов, особенно любила одну поговорку: «Дела всегда идут хуже некуда перед тем, как пойти на лад». Так она приговаривала, когда в детстве вырывала ему испорченный зуб, жутко разболевшийся после игр и сражений на детских мечях с деревенскими мальчишками. Так она твердила, когда он потерял свою первую любовь, которая предпочла его какому-то юнцу-лорду в шляпе с перьями, чьи мягкие нежные ладони и изукрашенный самоцветами меч доказывали, что в настоящей битве тот никогда не бывал. И она непременно вспомнила бы эту поговорку, окажись сейчас с Роделом на гребне холма, откуда тот наблюдал, как походная колонна шончан направляется к городу, лежавшему в неглубокой долине внизу и носившему название Дарлуна.

Сидя на своем спокойном мерине, он рассматривал город в зрительную трубу, левой ладонью прикрыв дальний ее конец от лучей вечернего солнца. Вместе с несколькими своими доманийцами Итуралде прятался в этой маленькой рощице; чтобы заметить их среди деревьев, даже с помощью зрительных труб, шончанским дозорным понадобилась бы вся удача Темного.

Дела всегда шли хуже некуда перед тем, как пойти на лад. Разожженный под шончан костер он раздул в настоящий пожар, разгромив и уничтожив вражеские склады с припасами на всей равнине Алмот и в Тарабоне. Тогда чего же удивляться, если на тушение пожара отправили этакое вот огромное войско, числом по меньшей мере в сто пятьдесят тысяч человек. Мощь армии демонстрирует меру уважения. Да, эти шончанские захватчики отнеслись к нему без излишней самонадеянности. Лучше бы они недооценили его.

Итуралде навел зрительную трубу на группу верховых в центре шончанской армии. Они ехали парами, в каждой паре одна из женщин была одета в серое платье, другая – в красносинее. Всадники находились слишком далеко, и даже со зрительной трубой он не мог ни разглядеть вышитые молнии на сине-красных платьях, ни увидеть цепочки, которыми были соединены женщины в парах. Дамани и сул'дам.

При этой армии их было никак не меньше тридцати пар, если не больше. Вдобавок к ним Итуралде успел заметить в воздухе и одну из шончанских крылатых тварей – она приблизилась настолько, чтобы ее наездник смог сбросить послание для командира. Рассылая разведчиков верхом на этих летающих созданиях, шончанская армия получала беспрецедентное преимущество. Итуралде променял бы десять тысяч солдат на одну из таких крылатых тварей. Возможно, кто-то из военачальников пожелал бы иметь в своей армии дамани, способных метать молнии и взрывать землю, но в сражениях – как и в войнах – побеждают не только силой оружия. Не реже победы одерживают благодаря верным и своевременно полученным сведениям о противнике.

Конечно же, наряду с превосходной разведкой шончан имели и превосходное оружие. А также и великолепные войска. Хотя Итуралде гордился своими доманийцами, многие его люди были недостаточно обучены или слишком стары для сражений. К последним он причислил бы и себя, поскольку годы начинали брать свое, ложась на плечи точно кирпичи. Но о том, чтобы удалиться на покой, он и не помышлял. Мальчишкой Итуралде частенько испытывал чувство, будто опоздал родиться, – он волновался, что когда повзрослеет, то все великие битвы уже отгремят и вся слава достанется другим.

Иногда Итуралде завидовал мальчишкам – за их детскую глупость и наивность.

– Идут скорым шагом, Родел, – произнес Лидрин – молодой еще парень, щеголявший тонкими, по нынешней моде, черными усами. Левую сторону его лица пересекал шрам. – Очень им хочется захватить этот городок.

До начала кампании Лидрин, хоть и был офицером, не имел никакого боевого опыта. Теперь же он – испытанный в сражениях ветеран. Хотя практически в каждом столкновении с шончан Итуралде и его войска одерживали победы, Лидрин видел, как погибли три офицера

его отряда, и в их числе – бедняга Джаалам Нишур. Благодаря смерти сотоварищей Лидрин усвоил один из горьких уроков войны: победа не означает того, что ты останешься в живых. И если солдат следует приказам, то это вовсе не значит, что он непременно победит или останется в живых.

На Лидрине не было привычного мундира. Впрочем, форменной одежды не носили ни Итуралде, ни те, кто был с ним. Мундиры тут были не нужны, так что довольствовались они обычными ношенными куртками и серо-коричневыми штанами, в большинстве своем купленными или позаимствованными у местных жителей.

Итуралде вновь поднял зрительную трубу, размышляя о замечании Лидрина. И в самом деле, шончан двигались быстро; они планировали одним броском захватить Дарлуну. Они понимали, какое преимущество даст занятый ими город. Что ж, шончан – умный враг, вновь заставивший Итуралде испытать то волнение и возбуждение, которые, как ему казалось, давным-давно остались в прошлом.

– Да, они спешат, – произнес он. – А что бы предпринял ты, Лидрин? Вражеская армия в двести тысяч у тебя за спиной, еще сто пятьдесят тысяч поджидают впереди. Неужели в такой ситуации ты, со всех сторон окруженный противником, не спешил бы? Глядишь, еще и подгонял бы своих людей, если б знал, что в конце перехода тебе будет где укрыться.

Лидрин не ответил. Итуралде повел зрительной трубой в сторону, рассматривая весенние поля, где трудились на севе многочисленные работники. Для этих краев Дарлуна была крупным городом. Конечно же, ни один город на западе не сравнится со стольными градами востока и юга, что бы там ни твердили люди из Танчико или Фалме. Тем не менее Дарлуну окружала крепкая гранитная стена добрых двадцати футов высотой. Красотой укрепления не отличались, но стена была прочной и надежной и защищала немаленький город – на такую громадину какой-нибудь деревенский паренек смотрел бы широко раскрытыми от изумления глазами. В юности Итуралде назвал бы Дарлуну огромным городом. Но те годы давно миновали – еще до того, как он отправился сражаться с айильцами у Тар Валона.

Так или иначе, в Дарлуне были лучшие в округе фортификационные сооружения, и несомненно, шончанские командиры это знали. Они могли принять иное решение и занять позицию на вершине холма; бой в окружении позволял бы в полной мере воспользоваться имеющимися в их распоряжении дамани. Но тогда не только не оставалось вариантов для отступления, но и до минимума сокращались возможности для снабжения. В городе наверняка есть колодцы, и, по всей вероятности, за городскими стенами найдутся остатки зимних запасов. И Дарлуна, чей гарнизон отправили нести службу в другое место, была слишком мала, чтобы оказать шончанским войскам серьезное сопротивление.

Итуралде опустил зрительную трубу. Она ему ни к чему – он и так знает, что происходит: шончанские разведчики подъезжают к городским воротам, требуют открыть их перед захватчиками. В ожидании Итуралде прикрыл глаза.

Рядом с ним Лидрин тихонько выдохнул, а потом прошептал:

– Они не заметили... Прошли мимо наших главных сил, к самым стенам, и ждут, пока их не впустят!

– Приказ: начинать, – произнес Итуралде, открывая глаза.

В случае с теми летающими разведчиками на ракемах есть одна проблема. Когда у тебя имеется такой полезный инструмент, ты слишком на него полагаешься. И твою самоуверенность могут обернуть против тебя самого.

Вдалеке на полях «фермеры» откладывали лопаты, мотыги и грабли и доставали из борозд и ям припрятанные там до времени луки. Городские ворота распахнулись, открыв взорам скрывавшихся за ними солдат – солдат, которые, по донесениям шончанских разведчиков на ракемах, находились в четырех дневных конных переходах от Дарлуны.

Итуралде приложил к глазу зрительную трубу. Сражение началось.

Пророк карабкался на вершину поросшего лесом холма, и пальцы его оставляли в земле глубокие борозды. Следом за ним с трудом двигались его последователи. Как мало их осталось. Очень мало! Но все еще вернется, все будет как раньше! Слава Дракона Возрожденного следует за ним, и где бы пророк Дракона ни очутился, он везде найдет открытые его слову души. Души тех, чьи сердца чисты, тех, у кого от стремления уничтожить Тень руки точно огнем горят.

Да! Надо не о прошлом думать, а о будущем, когда всеми землями станет править лорд Дракон! Когда люди будут подвластны только ему одному – и его пророку, стоящему подле него. Это время и впрямь будет славным, время, когда никто не посмеет пренебрегать пророком или отвергать его волю. Дни, когда пророку не придется терпеть подобного унижения: жить в одном лагере – чуть ли не бок о бок! – с отродьем Тени, вроде того презренного существа, Айбара. О, славное время. Близится славное время.

Но картины грядущей славы и великолепия непросто было удерживать в голове, мысли расплзались. В мире вокруг так много скверного и мерзкого. Люди, отвергающие Дракона и поддающиеся под Тень. Даже его собственные последователи. Да! Должно быть, именно поэтому они потерпели поражение. Должно быть, именно поэтому столь многие погибли при штурме города Малден, который защищали предавшиеся Тени Айил.

Пророк был так уверен. Он считал, что Дракон защитит верных ему людей, поведет их к грандиозной победе. Затем пророк наконец бы исполнил свое желание. Он убил бы Перрина Айбара собственными руками! Обхватил пальцами его толстую, как у быка, шею и свернул бы ее! Сжимал и стискивал, выворачивая, чувствуя, как ломаются кости, как сминается плоть, как прерывается дыхание.

Пророк выбрался на гребень холма и стряхнул грязь с ладоней. Тяжело дыша, он оглядывал все вокруг. Немногие его уцелевшие последователи с треском продирались через подлесок, поднимаясь на холм и обступая своего вождя. Сквозь густой полог леса едва пробивались солнечные лучи. Свет. Ослепительный свет.

В ночь перед атакой ему явился Дракон. Явился во всем величии славы! Излучающая свет фигура, вся в сиянии и сверкающих одеждах. Убей Перрина Айбара! – повелел Дракон. Убей его! И тогда пророк использовал свое самое лучшее оружие – отправил к этому Айбара его лучшего друга.

Этот мальчишка – его оружие! – потерпел неудачу. Айрам погиб. Люди пророка подтвердили его смерть. Что за трагедия! Поэтому-то они не добились успеха? Поэтому-то из тысяч последователей теперь у пророка осталась лишь горстка? Нет. Нет! Должно быть, они обратились против него, тайно поклоняясь Тени. И Айрам! Точно, он – приспешник Темного! Вот почему он не справился.

На вершине холма появились первые из взбравшихся по крутому склону сторонники пророка – грязные и побитые, окровавленные и измотанные, в заношенной и рваной одежде. Не наряды выделяли их среди прочих – одеяние простоты и добродетели.

Пророк пересчитал их. Меньше сотни. Так мало. В этом проклятом лесу, несмотря на солнечный день, было так темно. Толстые стволы стояли почти вплотную друг к другу, а небо над головой, затянутое набежавшими облаками, потемнело. Кусты колючих ветвей густо сплелись тонкими ветвями, образуя почти противоестественную преграду, и царапали кожу, точно когтями.

Из-за крутизны восточного склона и густого подлеска войско не сможет пуститься за ним следом. И хотя пророк сбежал из лагеря Айбара едва ли час назад, он уже чувствовал себя в безопасности. Нужно отправиться на север, где Айбара со своими приспешниками Тьмы их не найдет. Там пророк вновь накопит силы. С Айбара он оставался только потому, что у пророка хватало последователей, чтобы не подпускать к себе приспешников Тьмы, свивших гнездо под крылышком у Айбара.

Верные последователи пророка – храбрые и все до единого ему преданные. И все убиты приспешниками Темного. Он принялся оплакивать их, склонив голову и шепча молитву. К нему присоединились и остальные. Они устали, но глаза их горели рвением. Тот, кто был слаб, тот, кто не был предан до конца, давным-давно либо бежал, либо погиб. С ним были лучшие, сильнейшие – и самые верные. И каждый сразил множество приспешников Тьмы, сразил во имя Дракона Возрожденного.

С их помощью он воспрянет вновь. Но сначала нужно скрыться от Айбара. Сейчас пророк слишком слаб, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Но потом... Потом он убьет его. Да... Сомкнуть пальцы у него на шее... О да...

Пророк еще мог припомнить время, когда его звали иначе. Ах да – Масима. Те дни для него словно бы прятались в густеющем тумане, как воспоминания из прошлой жизни. И в самом деле, Масима переродился – как перерождаются в Узоре все люди. Отбросив свою прежнюю, недостойную жизнь, он превратился в пророка.

Последние из его людей взобрались на вершину по обрывистому склону. Он плюнул им под ноги. Они подвели его. Труссы! Они должны были сражаться лучше! Он должен был захватить тот город.

Повернувшись, пророк двинулся на север. Местность начала казаться ему знакомой, хотя в Пограничных землях ничего похожего не встречалось. Нужно подняться к предгорьям, перебраться через них и выйти на равнину Алмот. Там были преданные Дракону, они последуют за пророком, пусть даже многие о нем и не слыхали. Там он очень быстро снова станет силен.

Пророк продрался через заросли темного подлеска и вышел на маленькую поляну. За ним спешили его люди. Им вскоре понадобится какая-никакая пища, и нужно будет отправить кого-то на охоту. Но костров не разжигать. Им нельзя привлекать к себе внимания...

– Эй, Масима, – раздался чей-то негромкий голос.

Он зашипел, разворачиваясь; его люди, сбившиеся вокруг в кучу, потянулись за оружием. У кого-то были мечи, у кого-то – ножи или боевые посохи, нашлась даже пара-тройка секир. Пророк обвел взглядом освещенную тусклым дневным светом прогалину, высматривая обладателя незнакомого голоса. Вскоре он увидел ее – невдалеке, на скалистом выступе, стояла, сложив руки на груди, женщина – с характерным салдэйским носом, чуть раскосыми глазами и короткими, по плечи, черными волосами. Одетая она была в зеленое платье для верховой езды.

Фэйли Айбара, жена этого исчадия Тени, Перрина Айбара.

– Взять ее! – завопил пророк, указывая на Фэйли.

Несколько его последователей устремились было к девушке, но большинство замешкалось. Они видели то, чего не заметил он, – Тени в лесу позади жены этого Айбара, полукругом охватившие поляну. Тени имели человеческие очертания, и виднелись поднятые луки с направленными на поляну стрелами.

Фэйли резко взмахнула рукой, и в воздухе мелькнули стрелы. Те из сторонников пророка, кто по его приказу бросился вперед, упали первыми. Перед тем как рухнуть на глинистую землю, они еще успели что-то выкрикнуть в сторону безмолвного леса. Пророк взревел, каждая стрела словно бы пронзала его собственное сердце. Его возлюбленные последователи! Его преданные сотоварищи! Его дорогие братья!

Стрела ударила его, швырнув навзничь на землю. Рядом, как и раньше, умирали люди. Почему, почему Дракон не защитил их? Почему?! Вдруг прежний ужас вновь вернулся к нему – тот самый страх, что охватил его, когда он увидел, как гибнут его люди, как выкашивают их ряды эти айильские приспешники Тьмы.

В этом виноват Перрин Айбара. Знал бы пророк об этом раньше – в те самые первые дни, еще до того, как он признал лорда Дракона!

– Я виноват, – прошептал пророк, когда пали остатки его последователей. Чтобы остановить некоторых, потребовалась не одна стрела. Это преисполнило его гордостью.

Медленно, преодолевая себя, пророк сумел подняться на ноги, держась рукой за пронзенное стрелой плечо. Слишком много крови он потерял. Голова закружилась, и, не устояв, он упал на колени.

Фэйли спустилась с каменной проплешины и вышла на поляну. Следом за ней шли две женщины в штанах. Вид у них был обеспокоенный, они хотели, чтобы Фэйли оставалась на месте, но та отмахнулась от их протестов и возражений. Приблизившись к пророку, Фэйли плавным движением вытянула нож из висящих у нее на поясе ножен. Превосходный тонкий клинок, с отлитой в виде волчьей головы рукоятью. Это хорошо. Глядя на нож, пророк вспомнил день, когда заслужил право на собственный меч. Тот день, когда отец вручил ему меч.

– Спасибо, Масима, что помог в штурме Малдена, – промолвила Фэйли, остановившись прямо перед ним. Затем она подняла руку и со всей силы вонзила нож Масиме в сердце.

Он завалился на спину, горячая кровь заливала грудь. Полузакрытые веки дрожали. Потом он услышал, как Фэйли говорит своим спутницам:

– Иногда жена должна делать то, чего не может муж. В этот день мы сделали нехорошее дело, но нужное. И моему мужу – ни слова об этом. Он ничего не должен знать.

Голос ее становился все дальше и тише. Пророк пал.

Масима – вот как его когда-то звали. Права на меч он удостоился в свой пятнадцатый день рождения. Отец так им гордился.

«А теперь все кончено», – подумал он. Не в силах удержать веки, будто бы налившиеся свинцовой тяжестью, Масима закрыл глаза. Он словно падал в бесконечной пустоте. «У меня получилось, отец, или я не справился?»

Ответа не было. И он слился с пустотой, погружаясь в бездонное море мрака.

Глава 1

Слезы стали

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, которая давно миновала, возле шпиля цвета алебастра, известного как Белая Башня, родился ветер. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Но это было началом.

Ветер закружился вокруг величественной Башни, оглаживая идеально пригнанные камни кладки и хлопая громадными знаменами. Белоснежное сооружение каким-то образом одновременно выглядело изящным и воплощало собой мощь; возможно, оно служило некоей метафорой для тех, кто более трех тысяч лет населял его. Мало кто из взиравших на Башню хотя бы догадывался, что в сердцевине своей она раздроблена и прогнила. Расколота до основания.

Ветер дул, проносясь через город, который казался скорее произведением искусства, чем обычной столицей. Каждое здание было чудом; даже гранитные фасады заурядных лавок, обработанные руками добросовестных каменотесов-огиров, не могли не вызывать восхищения своей поразительной красотой. Там купол был выполнен в виде восходящего солнца. Здесь с самой верхушки здания, крыша которого живо напоминает столкнувшиеся в своем разбеге гребни двух волн, бьет фонтан. Разделенные булыжной мостовой, напротив друг друга стоят высокие трехэтажные дома, которым искусно придан облик девушек. Мраморные творения – наполовину статуи, наполовину жилища, – будто приветствуя, протягивали друг другу каменные руки; их волосы застыли недвижимыми волнами, но при этом они были столь искусно и тонко вырезаны, что казалось, будто на ветру трепещет каждая прядь.

Сами же улицы выглядели куда как менее величественно. О, их расположение было тщательно продумано, они разбегались от Белой Башни точно лучи солнца. Но солнечное сияние меркло из-за груд мусора и отбросов, этих свидетельств людской скученности, вызванной осадой. И вероятно, укрывшиеся в городе беженцы были не единственной причиной столь удручающего небрежения. Вывески и навесы давно нуждались в чистке и мытье. Кучи сваленного где придется мусора гнили в переулках, привлекая мух и крыс и отвращая всех прочих. По улицам, почти не таясь, праздно шатались какие-то подозрительные субъекты, а стены домов на перекрестках подпирали фигуры не менее злодейского вида. Когда-то подобного сорта личности не смели показываться из темных закоулков и уж точно не вели себя настолько нагло.

И куда смотрит Белая Башня? Где ее закон? Юные балбесы смеялись, утверждая, что в городских бедах виновата осада и что все наладится, стоит только подавить мятеж. Люди постарше лишь качали поседевшими головами и ворчали, мол, никогда еще дела не были так плохи, даже когда свирепые Айил лет двадцать тому назад осадили Тар Валон.

Купцы и торговцы не слушали ни стариков, ни юнцов. У них своих забот хватало, и особенную тревогу вызывала у них Южная гавань – вся торговля, которую вели там с городом по реке, практически замерла. В порту, под присмотром Айз Седай в шали с красной бахромчатой оторочкой, напряженно трудились широкоплечие и дюжие рабочие. Используя Единую Силу, она удаляла плетения малых стражей и уменьшала прочность камня, а рабочие откалывали куски скалы и оттаскивали их прочь.

Работали они, засучив рукава и открыв взорам поросшие курчавым волосом мускулистые руки. Взмахивая молотами, ломami и кайлами, они обрушивали сталь на древнюю скалу. Пот обильно орошал камень или воду, пока рабочие упорно пробивались через скальную толщу

к укорененному в ней началу цепи, перекрывавшей проход в город по реке. Половина этой цепи теперь превратилась в неразрушимый *квейндияр*, прозываемый также камнем мужества. Попытка высвободить и разорвать цепь и открыть гавань Тар Валона для речных судов оказалась крайне утомительным делом; сложенные из камня портовые сооружения – великолепные и крепкие, возведенные при помощи самой Силы, – были единственными зримыми и наиболее заметными для постороннего взора потерями в безмолвной войне между мятежными Айз Седай и их противницами, удерживавшими Башню.

Ветер дул через гавань, где стоявшие без дела грузчики наблюдали за тем, как рабочие долбят каменную кладку, осыпая бело-серой пылью подернувшуюся рябью воду. Кто был поумнее – хотя, наверное, это и не слишком-то умно, – шептались, что такие предзнаменования означать могут лишь одно. Должно быть, близится Тармон Гай’дон, Последняя битва, и ждать ее недолго.

Ветер покружил и отправился прочь от причалов, миновав высокие белые валы и бастиины, носящие название Сияющих Стен. По крайней мере здесь можно было надеяться на чистоту и бдительность гвардии Башни – гвардейцы стояли на своих постах, сжимая в руках луки. Чисто выбритые, в белоснежных, без единого пятнышка или следа износа накидках-табарах, часовые внимательно смотрели из-за зубцов стен, своей настороженностью напоминая готовую ужалить змею. Преисполненные решимости защищать Тар Валон, лучники считали своим долгом стоять насмерть, но не допустить врага в город. Тар Валон всегда отбивал нападения врага. Да, троллокам удалось прорваться за стены, но их разгромили на городских улицах. Артур Ястребиное Крыло не сумел взять Тар Валон. Даже айильцы в черных вуалях, опустошившие окружающую местность во время Айильской войны, так и не захватили город. Многие называли случившееся тогда великой победой. Впрочем, были и те, кто задумывался, что бы случилось, если бы Айил и в самом деле захотели войти в город.

Ветер промчался над западным рукавом реки Эринин, оставляя позади остров Тар Валон, а по правую руку – Алиндейрский мост, высоко повисший над водой и словно бы приглашавший врагов пересечь его – и умереть. Миновав мост, ветер влетел в Алиндейр – одну из многих деревень в ближайших окрестностях Тар Валона. Она практически обезлюдела, так как жители целыми семьями бежали за мост, стремясь найти убежище в городе. Вражеская армия появилась вдруг, неожиданно-негаданно, будто бы принесенная выюгой. Мало кто этому удивился. Возглавляли эту мятежную армию Айз Седай, а те, кто жил в тени Белой Башни, вряд ли стали бы спорить о том, что могут делать Айз Седай, а на что они не способны.

Армия мятежниц находилась в боевой готовности, но в то же время была в ней какая-то неуверенность. Она насчитывала свыше пятидесяти тысяч человек, и ее огромный лагерь – целый городок из палаток – кольцом окружал не столь многочисленные шатры Айз Седай. Между внутренним и внешним лагерями пролегла строгая граница, этот барьер установили недавно, и он предназначен был не пропускать дальше мужчин, особенно таких, кто способен владеть *саудин*.

Можно было подумать, что обитатели мятежного лагеря обосновались тут надолго. В нем царил атмосфера обыденности, жизнь текла по привычной колее. Повсюду встречались спешащие по каким-то делам фигуры в белом, причем кое-кто был в положенном послушницам платье, а многие носили лишь похожую на него одежду. Если присмотреться, то можно было заметить, что среди последних встречалось немало женщин далеко не юного возраста. У некоторых даже седина в волосах пробивалась. Но ко всем обращались «дитя мое», и они послушно исполняли порученное: стирали белье, выбивали ковры и чистили палатки и шатры под приглядом невозмутимых Айз Седай. И хотя эти Айз Седай и посматривали излишне часто на силуэт Белой Башни, издалика похожей на гвоздь, то ошибся бы тот, кто предположил, будто они нервничают или чем-то встревожены. Айз Седай всегда сохраняют спокойствие. Всегда.

Даже сейчас, когда они потерпели страшное поражение: Эгвейн ал'Вир, Престол Амерлин восставших Айз Седай, захвачена в плен и заточена в темницу в подземелье Башни.

Ветер потрепал полдесятка платьев, кое-где сорвал развешанное после стирки белье, а потом быстро продолжил свой путь на запад. И мчался он дальше на запад, мимо грозно высящейся Драконовой горы, над чьей зазубренной вершиной курился дым. Пролетел над Черными холмами и через широко раскинувшуюся Каралейнскую степь. Там укрывшийся во впадинах снег еще цеплялся за тени под скалистыми уступами или прятался в глубине редких рощиц горного чернодрева. Уже давно должна была прийти весна, и в эту пору из-под прошлогодней травы должна была пробиваться молодая поросль, а на тоненьких ветвях ив – распускаться почки. Кое-где так и случилось. Тем не менее весь этот край еще дремал, будто не высвободившийся из пут зимней спячки. Земля словно чего-то ждала, затаив дыхание. Неестественно жаркая прошлая осень отхватила добрый кусок от отведенной для зимы поры, иссушив край долгой засухой и уничтожив всю растительность, кроме самой живучей и неприхотливой. Когда же наконец-то наступила зима, то обрушилась она свирепыми ледяными дождями и яростными снежными бурями, принеся долгие убийственные морозы. Теперь, когда холод все-таки отступил, немногочисленные фермеры еще тешили себя напрасными надеждами.

Ветер растревожил бурую после зимы прошлогоднюю траву, раскачал голые до сих пор ветви деревьев. На запад он дул, ворвавшись в страну, известную как Арад Доман: гряды холмов и невысокие горные пики, – как что-то вдруг ударило по нему. Нечто невидимое, нечто порожденное отдаленным мраком на севере. Нечто, что текло совершенно против естественных воздушных потоков и течений. Ветер был поглощен этим «нечто», дувшим на юг резкими порывами, над вершинами низких гор и гребнями бурых предгорий, – к большому бревенчатому дому, одиноко затерявшемуся среди поросших соснами холмов восточного Арад Домана. Ветер дул мимо усадьбы и шатров, расставленных на обширном поле рядом с ним; от сильных порывов шуршала хвоя и сотрясались палатки.

Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный, стоял и глядел в окно, заложив за спину руки. Он по-прежнему думал о них как о «руках», хотя по-настоящему рука теперь у него осталась только одна. Левая оканчивалась култей. Коснувшись ее пальцами здоровой руки, он ощутил гладкую, исцеленную посредством саидар кожу. Но его чувства говорили ему, что вторая кисть должна быть на месте.

«Сталь, – подумал Ранд. – Я – сталь. Случившегося не исправить, и я должен идти дальше».

Особняк – сложенный из толстых сосновых и кедровых бревен, в излюбленном богатыми доманийцами стиле, – постанывал и словно бы приседал под порывистым ветром. Что-то в этом ветре несло с собой запах тухлого мяса. Впрочем, в эти дни в таком запахе не было ничего необычного. Бывало, мясо портилось совершенно неожиданно, иногда всего несколько минут спустя после свежевания туши. Попытки вялить или засаливать мясо ни к чему не приводили. Все дело в прикосновении Темного к миру, и с каждым днем его воздействие нарастало. Сколько времени осталось до того, как оно охватит всё и вся, маслянисто-тошнотворное, как порча, что некогда мерзкой пленкой затягивала *саидин*, мужскую половину Единой Силы?

Ранд стоял в просторной и длинной комнате, внешняя стена которой угадывалась по округлости бревен. Остальные стены обшивали сосновые доски – все еще хранившие слабый аромат смолы, древесины и морилки. Скучную обстановку составляли меховой коврик на полу, повешенная крест-накрест над камином пара древних мечей и деревянная мебель, с нарочито оставленной кое-где корой. Весь интерьер словно бы говорил: этот дом – идиллический уголок в тихом лесу, вдали от суеты больших городов. И не какая-то там хижина, разумеется, – дом для этого был слишком велик и обихожен. Скорее, уединенное убежище.

– Ранд? – раздался тихий голос.

Он не обернулся, но почувствовал, как пальцы Мин коснулись его предплечья. Через миг ее руки скользнули по его бокам, и девушка обняла юношу, и Ранд почувствовал, как ее голова легла ему на плечо. Через связывающие их узы он ощущал ее озабоченность. Она волновалась за него.

«Сталь», – подумал Ранд.

– Я знаю, тебе не нравится... – заговорила Мин.

– Сучья, – промолвил Ранд, кивком указывая в окно. – Видишь те сосны? Вон там, у самого лагеря Башира?

– Да, вижу. Но, Ранд...

– Они клонятся не в ту сторону, – сказал Ранд.

Мин притихла, и хотя ни единым движением себя не выдала, узы донесли до Ранда колючки тревоги. Окно комнаты, находившейся на самом верхнем этаже дома, смотрело на воинский лагерь, рядом с ним на флагштоках гордо развевались стяги: знамя Света и Рандово знамя Дракона. О присутствии главы Дома Башир свидетельствовал третий флаг, намного меньше других: на голубом поле – три простых красных цветка под названием «королевский пенни». И все три знамени полоскались на ветру... вот только в считанных шагах от них иголки на сосновых ветвях клонились в *противоположную* сторону.

– Темный шевелится, Мин, – сказал Ранд.

Он бы подумал, что странности с ветрами связаны с тем, что он сам – та'верен, но события, которые он вызывал, всегда относились к числу возможных. Но чтобы ветер дул одновременно в двух разных направлениях... нет, он чувствовал неправильность в движении тех сосновых иголок, даже если рассмотреть отдельные иголки и не получалось. Зрение у Ранда по сравнению с тем, каким оно было до нападения в тот день, когда он потерял руку, стало определенно хуже. Он как будто... как будто смотрел через слой воды на что-то искаженное. Впрочем, зрение, постепенно и понемногу, но улучшалось.

Этот дом являлся лишь очередным пристанищем в длинной череде дворцов, усадеб и прочих уединенных особняков, служивших в последние несколько недель прибежищами Ранду. После неудачной встречи с Семираг он не хотел задерживаться на одном месте и постоянно менял свои убежища. Ему требовалось время – для того, чтобы подумать, поразмышлять и по возможности сбить со следа ищущих его врагов. Очень жаль, что стало известно о поместье лорда Алгарина в Тире. Хорошее было убежище. А теперь Ранду не стоит подолгу оставаться на одном месте.

Внизу, на лугу – открытом пространстве зеленой травы возле особняка, окруженном рядами елей и сосен, – салдэйцы Башира занимались обустройством походного лагеря. Впрочем, называть в нынешние дни луг «зеленым» можно лишь из иронии. Даже до прибытия армии он не был зеленым – сквозь заплатки прошлогодней бурой травы лишь кое-где неохотно пробивалась новая поросль. Да и та выглядела болезненной и имела желтоватый цвет, а теперь ее совсем вытоптали лошадиные копыта и солдатские сапоги.

Луг покрылся палатками и шатрами. С высоты второго этажа Ранд видел аккуратные ряды маленьких островерхих палаток, напомнивших ему расчерченные на квадраты доски для игры в камни. Станный ветер не остался незамеченным солдатами. Кое-кто указывал пальцем на необычно ведущие себя ветки, остальные же продолжали заниматься обыденными делами: чистили, опустив головы, доспехи, носили к коновязям ведра с водой, точили мечи или острили наконечники кавалерийских пик. Ладно хоть не снова явление оживших мертвецов. Даже самые крепкие духом могут утратить волю, коли мертвые восстанут из могил, а Ранду необходима сильная и боеспособная армия.

Необходимость. Давно уже не было речи о том, чего хочет сам Ранд, о том, каковы его желания. Отныне он сосредоточен только на том, что необходимо, а больше всего ему нужны жизни тех, кто пошел за ним. Нужны солдаты, которым суждено сражаться и погибать ради

того, чтобы приготовить мир к Последней битве. Тармон Гай'дон все ближе. И ему нужно, чтобы все они были сильны – дабы победить.

Вдалеке, на левой стороне луга, по склону невысокого холма, на котором стоял дом, бежал ручей. Поток вился среди пожелтевшего цепкого камыша и падуболистных дубов, на которых только-только набухали почки. Вообще-то говоря, ручей был не слишком полноводен, но для небольшой армии служил превосходным источником свежей воды.

Возле самого окна ветер вдруг исправился, и знамена захлопали и развернулись в другую сторону. Выходит, сосновые ветки были ни при чем, а это знамена развевались неправильно. Мин испустила едва слышный вздох, и Ранд почти физически ощутил ее облегчение, хотя она и не перестала волноваться за него. В последнее время девушка постоянно испытывала беспокойство. Ранд ощущал, что это чувство не оставляет всех четырех женщин, каждая из них представляла собой клубок эмоций, которые он поглубже запрятал в закоулки своего сознания. Трем женщинам он сам позволил соединиться с ним узами, а последняя связала его с собой узами против его желания. Одна из них сейчас приближалась к нему. Авиенда – она вместе с Руарком направлялась в усадьбу на встречу с Рандом.

Все четыре женщины пожалеют, что решили связать себя узами с ним. Ранду хотелось, чтобы он сам жалел о том, что позволил им так поступить – или, по крайней мере, позволил так поступить тем, кого любил. Но правда в том, что ему необходима Мин, нужна ее сила и ее любовь. И он использует ее так, как использовал многих других. В его душе нет места сожалениям. Ему лишь хотелось, чтобы он с той же легкостью смог избавиться от чувства вины.

«Илиена! – в голове Ранда прозвучал далекий-далекий голос. – Любовь моя...» Сегодня Льюс Тэрин Теламон, Убийца Родичей, вел себя сравнительно тихо. Ранд старался не задумываться о том, что наговорила Семираг в тот день, когда он лишился кисти руки. Она была одной из Отрекшихся; она сказала бы все, что угодно, если бы считала, что брошенные ею слова причинят боль.

«Как-то, дабы показать, на что способна, она подвергла пыткам целый город, – прошептал Льюс Тэрин. – Она убила тысячу человек тысячью различными способами, чтобы проверить, чем отличаются крики жертв. Но она редко лжет. Очень редко».

Ранд поглубже загнал этот голос.

– Ранд, – произнесла Мин тише, чем прежде.

Он повернулся и посмотрел на девушку. Она была гибкой, из-за ее изящного сложения ему нередко казалось, будто он намного выше Мин ростом. Ее волосы лежали короткими темными локонами – но не такими темными, как ее бездонные заботливые глаза. Как и всегда, на ней были куртка и штаны – сегодня она предпочла темно-зеленый цвет, очень напоминающий оттенок сосновой хвои. И, будто бы в противоречие ее простому выбору, сама одежда Мин подчеркивала линии ее фигуры. Серебряная вышивка в виде парных колокольчиков украшала обшлага, из-под которых выглядывали кружевные манжеты. От девушки исходил слабый аромат лаванды – наверное, от мыла, с которым она недавно умывалась.

Непонятно, зачем носить штаны и при этом отделять одежду кружевами? Ранд давно уже отказался от попыток понять женщин. Все равно это не поможет ему добраться до Шайол Гул. Кроме того, чтобы использовать женщин, ему незачем их понимать. Особенно если они обладают необходимыми ему сведениями.

Он скрипнул зубами. «Нет, – подумал Ранд. – Нет, есть черта, которую я не переступлю. Есть вещи, которые даже я не буду делать».

– Снова о ней думаешь, – промолвила Мин едва ли не обвиняющим тоном.

Ранду нередко приходила в голову мысль, а не существуют ли такие узы, которые действуют только в одну сторону? Жаль, что он о них не знает, иначе многое бы отдал за то, чтобы ими воспользоваться...

– Ранд, она Отрекшаяся! – продолжила Мин. – Она не задумываясь убила бы всех нас.

– Меня она убивать не собиралась, – тихо произнес Ранд, отворачиваясь от Мин и вновь устремляя взор в окно. – Она хотела забрать меня себе.

Мин передернуло от отвращения. Боль, тревога. Она думала о том мерзком мужском ай'дам, который тайно принесла Семираг, выдав себя за Дочь Девяти Лун. Маскировка с Отрекшейся была сорвана благодаря *тер'ангриалу* Кадсуане, что позволило Ранду опознать Семираг. Или, вернее, дав Льюсу Тэрину возможность ее опознать.

За пленение одной из Отрекшихся Ранду пришлось расплатиться потерей руки. Когда он в прошлый раз оказался в схожей ситуации, все кончилось не слишком хорошо. Ранд по-прежнему не знал, куда девался Асмодиан, и не понимал, с какой стати этому скользкому проныре вообще вздумалось сбежать, но подозревал, что тот выдал многие его планы и намерения.

«Нужно было убить его. Нужно было всех их убить».

Ранд кивнул, а потом замер. Это были мысли Льюса Тэрина или его собственные? «Льюс Тэрин, ты здесь?» – подумал Ранд.

Ему показалось, что он услышал смех. Или же, возможно, то были всхлипы.

«Чтоб тебе сгореть! – подумал Ранд. – Поговори со мной! Времени все меньше. Мне необходимо знать то, что знаешь ты! Как ты запечатал узилище Темного? Что пошло неверно и почему узилище оказалось с изъяном? Говори же!»

Да, это определенно рыдания, а не смех. Порой трудно было понять, плачет Льюс Тэрин или смеется. Что бы там ни утверждала Семираг, Ранд продолжал думать о мертвце как о другом человеке, отделяя его от себя. Он же очистил саидин! Порча исчезла, и больше она не могла влиять на его разум. Нет, он не сойдет с ума.

«Он может погрузиться в полное и окончательное безумие... в любой момент». Ранд вновь слышал слова Семираг, сказанные ею во всеуслышание. В конце концов его тайна перестала быть тайной. Но у Мин было видение, что Ранд сольется с другим мужчиной. Разве это не означает, что он и Льюс Тэрин – два разных человека, две личности, заключенные в одно тело?

«И не важно, что этот голос реален, – говорила Семираг. – Это, скорее, даже к худшему...»

Ранд наблюдал за отрядом из шести солдат, проверявших коновязи, что тянулись вдоль правой стороны луга, между последним рядом палаток и опушкой леса. Солдаты по одному осматривали копыта у лошадей.

Ранд не мог думать о своем безумии. И о том, что с Семираг делала Кадсуане, он тоже думать не мог. Так что размышлять оставалось лишь о своих планах. «Север с востоком должны стать едины. Запад и юг должны стать едины. Двое должны стать одним целым». Такой ответ он получил от необычных существ по ту сторону портала из красного камня. Это-то он и обязан сделать.

Север и восток. Он должен заставить эти страны примириться, хотя бы того или нет. На востоке у него сохранялось шаткое равновесие, и в том или ином виде он контролировал Иллиан, Майен, Кайриэн и Тир. Шончан господствовали на юге, взяв под свою власть Алтару, Амадицию и Тарабон. В скором времени Муранди может оказаться в их руках, если они двинутся в том направлении. Так что остаются Андор и Илэйн.

Илэйн. Она находилась далеко на востоке, но он по-прежнему ощущал ее присутствие – как клубок чувств у себя в голове. На таком расстоянии сложно определить, но ему казалось, что она испытывает... облегчение. Значит ли это, что борьба Илэйн за власть в Андоре идет успешно? А те армии, что обложили ее? И каких целей добиваются те порубежники? Они оставили свои посты и гарнизоны и, объединившись, направились маршем на юг, на поиски Ранда, но так и не дав объяснений, чего от него хотят. Эти воины – из лучших к западу от Хребта Мира. В Последней битве их помощь была бы неоценима. Но они покинули северные страны. Почему?

Но Ранд не хотел встречаться с ними, опасаясь, что встреча может вылиться в еще одно столкновение. Сейчас он не вправе допускать новое сражение. О Свет! Он-то думал, что на кого-кого, а на порубежников можно будет положиться! В борьбе с Тенью он рассчитывал на их поддержку.

Ну, не важно – пока не важно. Относительное спокойствие – или нечто к этому близкое – установлено в большинстве стран. Ранд старался не вспоминать о недавно усмирившем восстании, что подняли против него в Тире, или о неустойчивости границ с занятыми шончан землями, или о тех интригах и заговорах, что плетет в Кайриэне знать. Всякий раз, когда он полагал, будто в какой-то стране добился спокойствия, то чуть ли не десяток других охватывали разброд и смута. Как можно принести мир людям, которые не желают мириться с этим миром?

Пальцы Мин крепче сжали его руку, и Ранд глубоко вдохнул. Он делает, что может, и на данный момент у него есть две цели. Мир в Арад Домане и перемирие с шончан. Слова, услышанные им по ту сторону портала, теперь понятны: он не в состоянии сражаться разом и с шончан, и с Темным. Он должен удержать шончан от наступления, пока не завершится Последняя битва. А потом – да сожжет их всех Свет.

Почему шончан упорно игнорируют его просьбы о встрече? Неужели обозлены тем, что он захватил Семираг? Он же отпустил сул'дам. Разве это не свидетельствует о его честных намерениях? Арад Доман подтвердит его устремления. Если Ранд сумеет положить конец боям на равнине Алмот, то продемонстрирует шончан, что серьезно настроен в своем стремлении к миру. Он заставит их в этом убедиться!

Ранд вздохнул, по-прежнему глядя в окно. Солдаты восьмитысячного отряда Башира устанавливали островерхие палатки, обносили луг земляной стеной и окапывали его рвом. Растущий темно-коричневый вал резко контрастировал с белизной шатров и палаток. Ранд распорядился, чтобы Аша'маны помогали в земляных работах, и хотя он сомневался, что возиться с землей им доставляет удовольствие, они в значительной мере их ускоряли. Кроме того, Ранд подозревал, что Аша'маны – как и он сам, – не выказывая того, втайне радуются любой возможности обратиться к саидин. Он видел, как немногочисленную группу в плотных черных куртках обвивали потоки плетений, когда Аша'маны прокапывали очередную траншею. В лагере их было десять человек, хотя звание полного Аша'мана имели только Флинн, Наэфф и Нарисша.

Салдэйцы в коротких куртках трудились споро: кто чистил лошадей, кто расставлял коновязи. Другие, вооружившись лопатами, выравнивали и утрамбовывали оставшиеся после действий Аша'манов груды земли, превращая их в оборонительный бастион. На многих лицах горбоносых салдэйцев Ранд читал недовольство. Им не нравилось, что лагерь разбит практически в лесу, пусть даже в таком редком, как этот сосняк на вершине холма. Деревья мешают кавалерийской атаке и дают противнику возможность подобраться незамеченным.

По лагерю неспешно ехал верхом сам Даврам Башир, коротко и властно раздавая приказы из-под густых усов. Рядом с Баширом ступал тучный мужчина в длинном кафтане и с тонкими, на доманийский манер, усиками. Это был знакомец Башира, лорд Теллаэн.

Приняв у себя Ранда и дав пристанище войскам Дракона Возрожденного, лорд Теллаэн сильно рисковал – подобное могли расценить как измену. Но кто покарает его? Арад Доман погряз в хаосе, трону угрожают несколько мятежных фракций. И еще есть знаменитый доманийский военачальник Родел Итуралде, который на удивление успешно ведет на юге войну с шончан.

Как и его солдаты, Башир был сейчас без доспехов и оружия. Одежду его составляли короткая синяя куртка и излюбленные им мешковатые штаны, заправленные ниже колен в сапоги. Интересно, как относится Башир к тому, что оказался пойман в паутину та'верена, которым был Ранд? Он ведь поступал если не наперекор воле своей королевы, то, по крайней мере, не согласуя с нею свои действия. Что не могло не вызывать тревогу. Когда в последний раз

Башир отправлял доклад своему законному правителю? Разве он не обещал Ранду поддержки своей королевы и скорого прибытия от нее подмоги? Сколько месяцев минуло с той поры?

«Я – Дракон Возрожденный, – подумал Ранд. – Я разбиваю все скрепы, освобождаю от всех обетов. Верность прежним сеньорам не имеет значения. Важен лишь Тармон Гай’дон». Тармон Гай’дон – и слуги Тени.

– Не удивлюсь, если мы обнаружим тут Грендаль, – задумчиво произнес Ранд.

– Грендаль? – спросила Мин. – С чего ты взял, что она тут окажется?

Ранд покачал головой. Про Грендаль в Арад Домане говорил Асмодиан, пусть и было то много месяцев назад. Может, она покинула страну? Представлялось вполне правдоподобным, что Отрекшаяся по-прежнему оставалась в Арад Домане – в одном из крупных государств, которые она могла сделать своей базой. Тайные убежища Грендаль предпочитала устраивать подальше от тех земель, где скрывались прочие Отрекшиеся; посему она не стала бы выбирать для себя Андор, Тир или Иллиан. И вряд ли Грендаль обосновалась бы где-нибудь на юго-западе, поскольку страны там подверглись вторжению шончанских войск.

У нее должно быть укромное логово где-то в другом месте. Так она обычно действовала. Вероятно, в горах, в глухом уголке, где-то на севере. Ранд не мог уверенно сказать, что Грендаль находится в Арад Домане, однако такой вывод казался верным, судя по тому, что ему известно о ней. Что о ней известно Льюсу Тэрину.

Но это всего-навсего лишь возможность. В розысках Грендаль нужно соблюдать осторожность. Каждый Отрекшийся, от которого он избавится, намного облегчит и упростит ему Последнюю битву. А если это будет...

До его слуха донеслись тихие шаги – кто-то приближался к закрытой двери, ведущей в комнату.

Ранд отпустил Мин, и оба они резко развернулись к двери; он потянулся было за мечом – совершенно напрасный теперь жест. Утрата кисти, пусть и левой, а не правой руки – главной для фехтовальщика, – сделала его уязвимым в бою с опытным противником. И хотя саидин служила Ранду намного более могучим оружием, самым первым его порывом было схватиться за меч. Он должен побороть этот свой инстинкт. Из-за него в один не самый прекрасный день Ранда могут и убить.

Дверь отворилась, и через порог шагнула Кадсуане – темноглазая, с угловатым лицом, красивая и уверенная в себе, будто королева в окружении придворных. Ее темно-серые волосы были уложены в пучок, с которого свисало с дюжину крохотных золотых украшений – каждое из них было либо тер’ангриалом, либо *ангриалом*. Платье Кадсуане носила простое, из толстой шерсти, перехваченное на талии желтым поясом, и желтая же вышивка украшала ворот. Само платье было зеленого цвета, что совершенно неудивительно, поскольку именно к Зеленой Айя и принадлежала Кадсуане. У Ранда же порой возникало чувство, что ее суровое лицо – без всякого признака возраста, как и у любой Айз Седай, долгое время имевшей дело с Силой, – куда лучше подошло бы сестре из Красной Айя.

Ранд расслабил пальцы, сжимавшие эфес меча, но руку с оружия убирать не спешил. Он провел пальцами по обмотке рукояти. Длинный клинок был слегка изогнут, лакированные ножны украшены рисунком – изгибающийся красно-золотой дракон. Меч выглядел так, будто специально был сделан для Ранда, однако изготовили его многие столетия тому назад и обнаружили зарытым в земле лишь совсем недавно. «Как странно, что его отыскали именно сейчас, – подумал Ранд, – и преподнесли мне в дар, совершенно не понимая, что это такое...»

Получив этот меч, Ранд сразу же стал носить его при себе. Оружие, которого он касался пальцами, казалось, заняло положенное ему место. Никому, даже Мин, он не сказал, что узнал клинок. И что удивительно, знание это пришло к нему не из воспоминаний Льюса Тэрина – оно явилось из памяти самого Ранда.

Кадсуане была не одна. Вместе с ней – вполне ожидаемо – пришла и Найнив; нередко в последнее время она неотступно следовала за Зеленой сестрой, чем напоминала Ранду кошку, настороженно сопровождающую конкурентку, которой вздумалось посягнуть на чужую территорию. Вероятно, так Найнив поступала из-за него. Темноволосая Айз Седай, что бы сама ни говорила, не переставала быть Мудрой Эмондова Луга и готова была дать отпор всякому, кто, по ее мнению, обижал ее подопечных. Учить их уму-разуму и ругать имела право, разумеется, только одна Найнив.

Сегодня она надела серое платье, повязав на талии желтый кушак поверх пояса – по последней доманийской моде, как слыхал Ранд, – и на лбу у нее красовалась уже ставшая привычной красная точка. К тому же на ней сверкали длинное золотое ожерелье и тонкий золотой поясок, им по стилю соответствовали усыпанные алыми, зелеными и синими самоцветами браслеты и кольца. Украшения были тер’ангриалами – вернее, несколько из них были вдобавок и ангриалами, – сравнимыми с теми, что имелись у Кадсуане. Ранду доводилось слышать, как Найнив ворчала, что к ее тер’ангриалу, с этими-то безвкусно яркими камнями, почти невозможно подобрать подходящую одежду.

Так что появление Найнив сюрпризом не было, чего нельзя было сказать в отношении Аливии. Ранд не знал, что бывшую дамани привлекли к... получению сведений. Однако поскольку она, как предполагали, превосходит Найнив по уровню Единой Силы, то, вероятно, ее позвали для поддержки. Когда дело касается Отрекшихся, никакая предосторожность не будет лишней.

В волосах Аливии виднелись белые пряди, и ростом она была лишь чуть выше Найнив. Ее седые волосы говорили о многом – любой признак седины у женщины, владеющей Единой Силой, свидетельствовал о возрасте. О значительном возрасте. Аливия утверждала, что ей четыреста лет. Сегодня бывшая дамани нарядилась в вызывающе красное платье, словно бы нарочно стремясь выделиться. Большинство дамани, будучи освобождены от привязи, все равно продолжали вести себя робко и пугливо. Но не Аливия – в ней крылись сила и целеустремленность, которые заставляли вспомнить о белоплащниках.

Ранд ощутил, как напряглась Мин, почувствовал ее недовольство. Рано или поздно Аливия должна помочь ему умереть. Таково было одно из видений Мин – а видения Мин всегда сбывались. Если не считать того, что, по собственному признанию Мин, в отношении Морейн она оказалась не права. Возможно, это означает, что ему не придется...

Нет. Все, что заставляет его задумываться о том, как уцелеть в Последней битве, все, что вселяет надежду, опасно. Нужно быть твердым, чтобы встретить уготованную ему судьбу. Нужно быть твердым, чтобы не дрогнув принять смерть, когда придет его час.

«Ты говорил, что мы умрем, – произнес в глубинах его сознания Льюс Тэрин. – Ты обещал!»

Кадсуане, ни слова не промолвив, пересекла комнату и налила себе кубок приправленного пряностями вина, что стояло на маленьком прикроватном столике. Потом Айз Седай уселась на стул, сработанный из древесины можжевельника. Ладно хоть она не потребовала, чтобы он ей вина налил. С нее такое станется.

– Ну, что вы узнали? – спросил Ранд, отходя от окна и наливая кубок вина себе.

Мин подошла к кровати – с рамой из кедровых плах и с передней спинкой из окорённого дерева, протравленного до глубокого красновато-коричневого цвета, – и села, сложив руки на коленях. Девушка внимательно следила за Аливией.

Резкий тон Ранда заставил Кадсуане приподнять бровь. Он вздохнул, загоня раздражение подальше. Он попросил Кадсуане стать его советницей, ценой чему стало согласие с ее условиями. Мин говорила, что в будущем он научится у Кадсуане чему-то важному – таково было другое видение Мин, – и, говоря начистоту, данные ею советы не раз оказывались полез-

ными. Так что с ее постоянными требованиями блюсти приличия вполне можно было примириться.

– Как прошли допросы, Кадсуане Седай? – осведомился Ранд более спокойным тоном. Она отстраненно улыбнулась.

– Неплохо.

– Неплохо? – взорвалась Найнив. Хорошо ей – она-то не давала Кадсуане обещаний быть любезной. – Эта женщина кого угодно из себя выведет!

Кадсуане потягивала вино.

– Любопытно, дитя мое, чего еще другого ждать от Отрекшейся. У нее с избытком было времени на то, чтобы научиться... людей из себя выводить.

– Ранд, эта... эта тварь – все равно что камень, – поворачиваясь к нему, заявила Найнив. – Сколько дней ее допрашивали, а она из себя выдавала в лучшем случае одно-единственное предложение, от которого есть для нас хоть какой-то толк! Она лишь объясняет, насколько мы ей не ровня, какие мы отсталые и неразвитые. Ну, порой еще высказывается, что намерена в конце концов всех нас убить.

Найнив потянулась было к своей длинной косе – но, спохватившись, отдернула руку. В последнее время она вполне успешно боролась с привычкой дергать себя за косу в гневе или раздражении. Ранд терялся в догадках, с какой стати обеспокоена Найнив, ведь ярости своей она и не скрывает.

– Судя по живописному описанию этой девочки, – заметила Кадсуане, кивком указав на Найнив, – суть ситуации она ухватила весьма точно. Пфф! Когда я сказала «неплохо», то нужно было воспринимать это как «настолько хорошо, как можно ожидать, учитывая стесняющие нас ограничения». Если художнику глаза завязать, то потом нечего удивляться, что он ничего не нарисовал.

– Речь не об искусстве, Кадсуане, – сухо произнес Ранд. – А о пытках.

Мин посмотрела ему в глаза, и он ощутил ее беспокойство. Беспокойство за него? Не его же пытаться должны.

«Сундук, – прошептал Льюс Тэрин. – Нам надо было умереть в сундуке. Тогда бы... Тогда бы все кончилось».

Кадсуане потягивала вино. Ранду незачем было пробовать его на вкус – он и так знал, что пряности такие жгучие, что вино превратилось в донельзя противное питье. Но лучше так, чем что-то альтернативное.

– Ты требуешь от нас результатов, мальчик мой, – сказала Кадсуане. – И в то же время сам лишаешь нас необходимых инструментов. Можешь называть это пыткой, допросом, хоть *запеканием*, но, по-моему, это глупость. Вот если бы нам было позволено...

– Нет! – прорывал Ранд, обрывая ее взмахом руки... нет, культи. – Вы не будете ей ни угрожать, ни причинять боль.

«Посаженный в темный сундук, откуда время от времени выволакивают наружу и избивают». Он не позволит, чтобы таким образом обращались с женщиной, оказавшейся в его власти. Пусть даже это Отрекшаяся.

– Допрашивайте ее сколько угодно, но некоторых вещей я не допущу.

Найнив презрительно фыркнула:

– Ранд, это же Отрекшаяся! Она опасна, опаснее некуда!

– Что она опасна, я и так знаю, – тихим голосом произнес Ранд, подняв покалеченную левую руку и показывая ей культю. В свете лампы металлом блеснул ало-золотой вытатуированный дракон. Голову дракона поглотил Огонь, который едва не погубил самого Ранда.

Найнив сделала глубокий вдох и сказала:

– Что ж, тогда ты должен понять, что к ней обычные правила неприменимы!

– Я сказал «нет»! – ответил Ранд. – Допрашивай ее, но ничего с ней не делай!

«Только не с женщиной. Я буду держаться за этот лучик света в своей душе. Я уже и так принес смерть и горе слишком многим женщинам».

– Если таково твое требование, мальчик мой, – скупно заметила Кадсуане, – тогда так и будет. Только не хнычь, когда нам не удастся вытащить из нее то, что она ела вчера на завтрак, а тем более – сведения о местонахождении других Отрекшихся. Можно только задаваться вопросом, почему ты вообще настаиваешь на продолжении подобного фарса. Вероятно, нам стоит просто передать ее Белой Башне и покончить с этим делом.

Ранд отвернулся. Солдаты на лугу уже закончили оборудовать коновязи. Выглядели те хорошо – выровненные и прямые, и каждой лошади отведено ровно столько места, сколько нужно.

Отдать ее Белой Башне? Такого не будет никогда. Кадсуане не выпустит Семираг из своих рук, пока не добьется от Отрекшейся ответов на интересующие ее вопросы. За окном по-прежнему дул ветер, и знамена развевались у Ранда перед глазами.

– Передать ее Белой Башне, говорите? – произнес он, поворачиваясь и глядя на Кадсуане и Найнив. – Какой Белой Башне? Вы готовы доверить ее присмотру Элайды? Или имеете в виду других? Сомневаюсь, что Эгвейн обрадуется, если я вдруг подкину ей одну из Отрекшихся. С Эгвейн станется просто отпустить Семираг, а вместо нее схватить меня, дабы заставить преклониться перед правосудием Белой Башни. Где меня потом укротят, превратив в очередной охотничий трофей.

– Ранд! – нахмурившись, воскликнула Найнив. – Эгвейн никогда...

– Она – Амерлин, – отозвался он и осушил свой кубок с вином одним глотком. Вино было таким же отвратительным на вкус, каким он его помнил. – Айз Седай до мозга костей. Я для нее лишь пешка.

«Да, – откликнулся Льюс Тэрин. – Нам нужно держаться подальше от них. Знаешь, они отказались нам помочь. Отказались! Сказали, что мой план безрассуден. Вот я и остался лишь с Сотней спутников, и не было ни одной женщины, чтобы сформировать круг. Предательницы! Это всецело их вина. Но... но ведь именно я убил Илиену. Почему?»

Найнив что-то сказала, но Ранд не обратил внимания на ее слова. «Льюс Тэрин? – обратился он к голосу. – Что ты сделал? Женщины не стали помогать? Почему?»

Но Льюс Тэрин вновь принялся всхлипывать, и голос его стал отдаляться.

– Скажи мне! – закричал Ранд, швыряя кубок на пол. – Чтоб тебе сгореть, Убийца Родичей! Ответь мне!

В комнате воцарилась тишина.

Ранд заморгал. Он никогда... ни разу не пытался разговаривать вслух с Льюсом Тэрином там, где его могли услышать. И они знали. Семираг говорила о голосе, который он слышит, и притом не обращала внимания на Ранда, словно бы тот был заурядным безумцем.

Ранд поднял руку, чтобы провести пятерней по волосам. Вернее, попытался... так как это была та рука, что превратилась в культяпку, и все окончилось ничем.

«О Свет! – мысленно воскликнул он. – Я теряю над собой контроль. Зачастую я не понимаю, чей это голос – мой или его. Когда я очистил саидин, все же должно было стать лучше! Я вроде бы должен был оказаться вне опасности...»

«Кругом опасность, – пробормотал Льюс Тэрин. – Мы уже безумны. Теперь возврата нет». Он захихикал, но смешок быстро перешел в рыдания.

Ранд обвел взглядом комнату. В темных глазах Мин он увидел такую тревогу, что поторопился отвернуться. Аливия, наблюдавшая за разговором о Семираг так, будто видела собеседников насквозь, ответила Ранду всепонимающим взглядом. Даже слишком понимающим. Найнив наконец-то уступила давней привычке и то и дело подергивала косу. Кадсуане же на сей раз не стала бранить юношу за гневную вспышку. Вместо этого она просто поднесла к губам кубок с вином. Как она пьет эту отраву?

Мысль была обыденной. Нелепой. Ранду хотелось рассмеяться. Только он был не в состоянии издать ни звука. Даже мрачный юмор не помогал ему, вообще ничего не помогало. «О Свет! Я так больше не могу. Перед глазами все как в тумане, рука обожжена и искалечена, а старые раны в боку открываются, стоит только вдохнуть поглубже. Я высох, точно вычерпанный до дна колодец. Нужно заканчивать тут свои дела и отправляться к Шайол Гул».

«Иначе от меня ничего не останется. И что тогда убивать Темному?»

Подобная мысль веселого смеха не вызовет. От нее впору впасть в отчаяние. Но Ранд не плакал, ведь он – сталь, а стали слезы неведомы.

Наверное, покамест им на двоих хватит рыданий и слез одного Люуса Тэрина.

Глава 2

Сущность боли

Эгвейн встала и выпрямилась, спина словно в огне горела от ставших уже привычными ударов, нанесенных рукой наставницы послушниц. Она чувствовала себя ковром, из которого старательно выбивали пыль. Несмотря на это, девушка спокойно расправила белые юбки и, повернувшись к зеркалу, аккуратно промокнула уголки глаз. Всего лишь по слезинке в каждом глазу. Эгвейн улыбнулась своему отражению и вместе с ним одобрительно кивнула себе.

Серебристая поверхность зеркала отражала маленькую, отделанную темным деревом комнату за спиной девушки. Обстановка была весьма строгой – прочный табурет в углу, сиденье которого потемнело и истерлось от многолетнего использования. Массивный письменный стол наставницы послушниц с единственным толстым фолиантом на нем. Другой стол – узкий, стоявший позади Эгвейн, – украшала резьба, но гораздо большее внимание он привлекал к себе кожаной обивкой столешницы. Именно на нее ложились многие послушницы – и даже принятые, – чтобы понести наказание за непослушание. Эгвейн могла себе представить, как от бесконечных потоков слез постепенно темнеет столешница. Сама Эгвейн тоже не раз проливали здесь слезы.

Но не сегодня. Всего две слезинки, и ни одна не скатилась со щек. Не оттого, что ей не было больно, – нет, все тело просто пылало от побоев. Ведь чем дольше она отвергала власть над собой Белой Башни, тем сильнее становились избиения. Но с частотой и жестокостью наказаний росла и крепла решимость Эгвейн перенести побои. Она еще не научилась принимать боль так, как айильцы, но чувствовала, что близка к этому. Айильцы могли смеяться и под самыми жестокими пытками. Что ж, Эгвейн могла улыбаться после очередного наказания.

Каждый удар ремня, каждая вспышка боли были победой. А победа – всегда причина для радости, и притом не важно, насколько уязвлена гордость или как сильно горит кожа.

В отражении в зеркале Эгвейн также увидела стоявшую у стола позади нее женщину. То была сама наставница послушниц. Хмурясь, Сильвиана смотрела на кожаный ремень у себя в руках. На ее квадратном, лишенном возраста лице отражалась лишь тень удивления. Она рассматривала ремень как нож, который вдруг отказался резать, или лампу, которая не стала светить.

Сильвиана принадлежала к Красной Айя, о чем говорили кайма ее простого серого платья и бахромы шали на плечах. Она была высокой и крепкой, черные волосы зачесаны назад и собраны в узел на затылке. Во многих отношениях Эгвейн считала ее едва ли не образцом наставницы послушниц. Даже притом, что та назначала Эгвейн невероятное число наказаний. Возможно, именно поэтому. Сильвиана исполняла свой долг. Видит Свет, как мало в Башне тех, о ком можно так сказать в последнее время!

Сильвиана подняла взор и встретила в зеркале взглядом с Эгвейн. Наставница послушниц поспешно отложила ремень и стерла с лица даже намек на какие-то эмоции. Эгвейн спокойно повернулась.

Сильвиана вздохнула, что было ей несвойственно.

– Когда же ты сдашься, дитя мое? – спросила она. – Должна признать, то, как ты отстаиваешь свою точку зрения, достойно восхищения, но ты ведь хорошо знаешь, что я буду наказывать тебя, пока ты не подчинишься. Должный порядок необходимо соблюдать.

Эгвейн постаралась не выдать удивления. Наставница послушниц редко заговаривала с ней, ограничиваясь обычно лишь распоряжениями или порицаниями. Хотя и раньше случались такие моменты...

– Должный порядок, Сильвиана? – переспросила она. – Можно подумать, он соблюдается в Башне повсеместно.

Сильвиана поджала губы, растянув их в тонкую ниточку. Она повернулась и сделала пометку в своей книге.

– Мы еще увидимся утром. Ступай ужинать.

Утром наказание последует за то, что Эгвейн обратилась к наставнице послушниц по имени, не добавив почтительного «Седай». И наверное, еще и за то, что, уходя, Эгвейн не присядет в реверансе. Они обе это знали.

– Я приду утром, – сказала Эгвейн, – но ужин подождет. Мне велено прислуживать Элайде за трапезой сегодня вечером.

Встреча с Сильвианой затянулась – Эгвейн принесла с собой внушительный список нарушений, – и теперь у девушки не оставалось времени поесть. Желудок протестующе ворчал.

На миг какие-то чувства отразились на лице Сильвианы. Это что, удивление?

– И ты раньше ничего мне не сказала?

– А это что-то изменило бы?

Сильвиана оставила вопрос без ответа.

– Значит, поешь, когда вернешься от Амерлин. Я дам распоряжение госпоже кухонь, чтобы тебе оставили поесть. Учítывая, как часто ты нынче подвергаешься Исцелению, дитя мое, тебе нужно питаться. Ни к чему, чтобы ты в обморок от голода падала.

Жестоко, но справедливо. Жаль, что она избрала для себя Красную Айя.

– Хорошо, – сказала Эгвейн.

– А когда поешь, – заметила Сильвиана, воздев палец, – ты вернешься ко мне – потому что проявила неуважение к Престолу Амерлин. Для тебя она никогда не будет просто Элайдой, дитя мое. – Она повернулась к своей учетной книге, добавив: – Кроме того, один Свет ведает, в какие неприятности ты к вечеру успеешь угодить.

Покинув тесную комнату и выйдя в широкий коридор с серыми каменными стенами и с выложенным красно-зелеными плитками полом, Эгвейн задумалась о последней реплике Сильвианы. Похоже, та ничуть не удивилась, узнав о визите Эгвейн к Элайде. Возможно, посочувствовала. Вряд ли Элайде понравится, коли Эгвейн будет так же перечить ей, как и всем остальным в Башне.

Не потому ли Сильвиана велела Эгвейн вернуться после ужина для последней порки? Учítывая приказ Сильвианы, Эгвейн обязана будет поесть перед наказанием, даже если Элайда назначит ей сотню плетей.

Это была маленькая милость, но Эгвейн была благодарна и за такое. Переносить ежедневные истязания было нелегко, а если вдобавок еще и оставаться без обеда или ужина...

Пока девушка размышляла, к ней приблизились две Красные сестры – Кэтрин и Барасин. Кэтрин несла в руках медную чашу. Очередная порция настоя из корня вилочника. Похоже, Элайда желала убедиться, что Эгвейн не сможет направить ни капли Силы, пока она сама будет ужинать. Эгвейн без возражений приняла зелье и выпила чашу одним глотком, ощутив слабый, но характерный привкус мяты. Небрежным жестом девушка вернула чашу Кэтрин, и той не оставалось ничего другого, как принять ее – словно она была королевским виночерпием.

В покои Элайды Эгвейн направилась не сразу. По иронии, затянувшееся наказание лишило ее ужина, но дало несколько свободных минут – и она не хотела приходить раньше времени, так как это сочли бы проявлением почтения к Элайде. Поэтому девушка и осталась возле двери наставницы послушниц с Кэтрин и Барасин. В кабинет должен был зайти еще кое-кто. Придет ли она?

Вдалеке по красно-зеленым плиткам коридора шли, сбившись в небольшие группы, сестры. Они опасливо поглядывали по сторонам, как зайцы, которым хочется выбежать на поляну пощипать травы, но они боятся таящихся в тених хищников. Теперь сестры в Башне

постоянно носили шали и больше не ходили поодиночке. Некоторых даже окружал ореол Силы, словно бы они опасались внезапного нападения злоумышленников даже здесь, в самой Белой Башне.

– И вам нравится все это? – неожиданно для себя спросила Эгвейн. Она посмотрела на Кэтрин и Барасин. Обе по совпадению были в той группе Айз Седай, которая захватила тогда Эгвейн.

– Что такое, дитя мое? – холодно спросила Кэтрин. – Задаешь вопросы сестре прежде, чем она позволит тебе заговорить? Тебе мало наказаний?

Основным цветом в ее одежде был красный, и носила женщина ярко-алое платье с черной отделкой в разрезах. Темные, слегка выующиеся волосы каскадом спадали по спине.

Эгвейн пропустила угрозу мимо ушей. Что еще они могут ей сделать?

– Забудь на минуту о раздоре, Кэтрин, – сказала она, глядя, как проходившая мимо стайка Желтых ускорила шаг, увидев двух Красных сестер. – Забудь об угрозах и перестань упиваться властью. Отложи все это в сторону и взгляни вокруг. Ты гордишься этим? На протяжении столетий в Башне не было Амерлин, возвысившейся из Красной Айя. Теперь, когда у вас наконец-то появился шанс, вот что ваша предводительница делает с Башней. Женщины прячут взгляд от всех, с кем незнакомы, сестры не ходят по одной. Айя ведут себя так, словно воюют друг с другом!

Кэтрин фыркнула в ответ, но худошавая Барасин колебалась, бросая через плечо взгляды на группу спешивших дальше по коридору Желтых сестер. Некоторые из них косились на Красных.

– В этом виновна не Амерлин, – заявила Кэтрин. – А твои глупые бунтарки и их предательство!

«Мои бунтарки? – подумала Эгвейн, мысленно улыбнувшись. – Значит, теперь ты называешь их „моими“, а не считаешь меня несчастной принятой, которой задурили голову? Это что-то новенькое».

– Разве мы свергли с престола прежнюю Амерлин? – спросила Эгвейн. – Разве мы заставили Стражей пойти друг против друга? Мы не сумели сдержать Дракона Возрожденного? Или мы избрали Амерлин, настолько жадную до власти, что она приказала построить для себя дворец? Ту, из-за которой едва ли не каждая сестра боится, что может оказаться следующей, кого лишат шали?

Кэтрин не ответила, видимо считая ниже своего достоинства вступать в спор с простой послушницей. Барасин до сих пор посматривала вслед Желтым сестрам. Глаза ее расширились, в них читалось беспокойство.

– Мне кажется, – промолвила Эгвейн, – Красные должны быть не защитницами Элайды, а ее самыми яростными критиками. Поскольку все наследие, что оставит после своего правления Элайда, достанется вам. Не забывайте об этом.

Кэтрин посмотрела на девушку, яростно сверкнув глазами, и Эгвейн подавила досаду. Наверное, последние слова были излишне откровенными.

– Вечером явишься к наставнице послушниц, дитя мое, – распорядилась Кэтрин, – и объяснишь, как ты продемонстрировала свое неуважение к сестрам и самой Амерлин.

Эгвейн промолчала. Зачем она тратит время, пытаясь убедить Красных?

Старая деревянная дверь с шумом захлопнулась, заставив девушку вздрогнуть и обернуться. Гобелены по обе стороны двери слегка колыхнулись и замерли. Только сейчас Эгвейн поняла, что, выйдя из кабинета наставницы послушниц, неплотно прикрыла дверь. Слышала ли их разговор Сильвиана?

Дальше тянуть было нельзя. Похоже, Алвиарин сегодня не появится. Где же она? Алвиарин всегда приходила для наказания сразу после того, как наставница послушниц заканчивала разбираться с Эгвейн. Девушка покачала головой и двинулась по коридору. Обе Красные

сестры не отставали – теперь они находились при ней постоянно, смотрели и следили за ней, за исключением того времени, когда Эгвейн посещала для обучения апартаменты других Айя. Девушка старалась делать вид, будто это ее почетный эскорт, а не тюремщицы. И старалась не замечать, как болит спина.

Все говорило о том, что Эгвейн побеждала в своей войне против Элайды. За обедом она слышала, как послушницы шептались о том, что старания Элайды удержать в плену Ранда с треском провалились. Произошло это несколько месяцев назад, и случившееся должно было оставаться в тайне. А еще ходили слухи об Аша'манах, связавших узами сестер, которых послали их уничтожить. Об этом задании Элайды тоже никто не должен был знать. Эгвейн предприняла шаги, чтобы обитатели Башни узнали об этих неудачах и не забывали о них, как и о несправедливом обращении Элайды с Шимерин.

О чем бы ни сплетничали послушницы, мимо Айз Седай слухи пройти не могли. Да, Эгвейн побеждала. Но она начинала терять удовольствие, которое когда-то испытывала от осознания своей победы. Какая радость в том, чтобы видеть, как Айз Седай трещат по швам и расползаются, как старая ткань? Кто станет радоваться, что Тар Валон, величайший из великих городов, переполнен отбросами и подонками? Какую бы ненависть ни испытывала Эгвейн к Элайде, она не могла торжествовать оттого, что Престол Амерлин правит так бездарно.

И вот сегодня вечером она встретится с Элайдой лично. Эгвейн медленно шла по коридорам, сдерживая шаг, чтобы не прийти раньше времени. Как ей вести себя за ужином? За девять дней в Башне Элайду она видела лишь мельком. Встреча с этой женщиной опасна. Если Эгвейн оскорбит Амерлин-самозванку, хоть на волосок преступив черту, то ее, того гляди, просто-напросто и казнить могут. Но унижаться и пресмыкаться она не станет. Эгвейн ни за что не склонит голову перед Элайдой, даже если это будет стоить ей жизни.

Эгвейн свернула за угол и резко остановилась, едва не упав. Коридор оказался неожиданно перегорожен каменной стеной, которую украшала красочная мозаика с изображением древней Амерлин. Она восседала на богато украшенном золотом троне и, обращаясь к королям и королевам, в предостерегающем жесте простирала перед собой руку. Табличка внизу гласила, что тут изображена Карайган Маконар, положившая конец восстанию в Мосадорине. Мозаика была смутно знакома Эгвейн, – когда девушка в последний раз видела ее, та находилась на стене в библиотеке Башни. Однако в тот раз лицо Амерлин не представляло собой кровавой маски. И с потолочных балок не свисали мертвые тела.

Кэтрин, побледнев, застыла рядом с Эгвейн. Никто не хотел говорить о том, как неестественным и пугающим образом менялись местами помещения и коридоры Башни. Происходившие трансформации служили безмолвным напоминанием о том, насколько внутренние раздоры и борьба за власть незначительны по сравнению с намного более страшными бедами, которые угрожают миру. Эгвейн же впервые видела, как не только переместился коридор, но и изменилась сама картина. Это шевельнулся Темный, и сам Узор содрогнулся.

Эгвейн повернулась и широким шагом пошла прочь от перегордившей коридор мозаики. Сейчас она не может думать об этих проблемах. Любая уборка начинается с того, что нужно выбрать одно место и сначала навести порядок там. Она свое место выбрала. Нужно во что бы то ни стало вернуть Белой Башне целостность.

К сожалению, путь в обход займет гораздо больше времени. Эгвейн с неохотой ускорила шаг; являться раньше не стоило, но и опаздывать нельзя. Обе ее надсмотрщицы тоже спешили следом, шурша юбками. Им пришлось вернуться, пройдя обратно через несколько коридоров, и по пути Эгвейн заметила свернувшую за угол Алвиарин. Она шла торопливым шагом, понурившись и направляясь в сторону кабинета наставницы послушниц. Значит, она все-таки пришла за наказанием. Но что заставило ее задержаться?

Миновав еще два поворота и пролет холодной каменной лестницы, Эгвейн оказалась в той части Башни, которая была отведена Красной Айя. Сейчас здесь пролегал кратчайший

путь к покоям Амерлин. На стенах висели гобелены различных оттенков красного, пол был выложен плитками кармазинового цвета. Женщины ступали по коридорам с одинаково строгим выражением на лицах, словно то было элементом некоей форменной одежды, и тщательно укутав плечи шальями. Здесь, в апартаментах собственной Айя, где Красные сестры должны чувствовать себя в безопасности, они настороженно и подозрительно косились даже на деловито снующих мимо слуг с эмблемой Пламени Тар Валона на груди. Эгвейн шагала по коридору, жалея, что ей приходится торопиться – спешка придает ей испуганный вид. Но тут уж ничего не поделаешь. Добравшись до центра Башни, она поднялась по нескольким лестничным пролетам и наконец достигла коридора, ведущего к покоям Амерлин.

Занятость уроками и поручениями не оставила ей времени обдумать, как вести себя с самозванной Амерлин. Именно эта женщина свергла Суан, это она схватила Ранда, это она привела Айз Седай на край гибели. Элайда должна узнать ее гнев, должна испытать стыд и унижение! Она...

Эгвейн остановилась перед вызолоченной дверью, ведущей в личные апартаменты Элайды. «Нет».

Она легко могла представить, что будет тогда. Разъяренная Элайда бросит ее в темницы в подземельях Башни. Какая в том польза? Нет, еще рано идти на открытое столкновение. Иначе за кратким мигом торжества последует сокрушительное поражение.

Но Света ради, она не склонится перед Элайдой! Никогда Амерлин так не поступала!

Нет... не так. Амерлин делает то, что от нее требуется. Что важнее? Белая Башня или гордость Эгвейн? Выиграть эту битву можно, только если позволить Элайде думать, будто она близка к победе. Нет... Нет, выиграть можно только тогда, если Элайда решит, что битвы нет вовсе. Это единственный способ.

Хватит ли у Эгвейн сил весь вечер держать себя в руках и обуздать свои речи? Она не была в этом уверена. Но ей нужно, чтобы после ужина Элайда полагала, будто все у нее в руках, будто Эгвейн приведена к покорности. Лучший способ добиться подобного результата и сохранить хоть какое-то достоинство – вообще ничего не говорить.

Молчание. Сегодня оно будет ее оружием. Укрепившись духом, Эгвейн постучала.

Первой неожиданностью стало то, что дверь ей открыла одна из Айз Седай. Разве у Элайды нет для этого слуг? Эгвейн не узнала сестру, но лишенное возраста лицо, сразу привлекавшее внимание, не оставляло места сомнениям. Стройная, но пышногрудая женщина была из Серой Айя, на что указывала бахрама ее шали. Золотисто-каштановые волосы спадали до середины спины, но во взгляде читалась затравленность, словно бы в последнее время она находилась под грузом огромного напряжения.

Элайда была внутри. Эгвейн задержалась на пороге, глядя в лицо соперницы впервые с тех пор, как покинула Белую Башню вместе с Найнив и Илэйн, отправившись выслеживать Черных Айя. Казалось, это поворотное событие случилось целую вечность тому назад. Красивая и статная, Элайда будто бы утратила часть присущей ей суровости. Она сидела с царственной осанкой и едва заметно улыбалась, словно какой-то шутке, понятной ей одной. Ее кресло было почти тронem – красного и белого цветов, украшенное резьбой и позолотой. На столе лежал и второй столовый прибор – вероятно, для той самой незнакомой Эгвейн Серой сестры.

Прежде Эгвейн не доводилось бывать в личных покоях Амерлин, но она вполне могла представить себе, как выглядели бы комнаты Суан. Просто, но не строго. Там нашлось бы место украшениям, дабы они демонстрировали значимость владелицы покоев, но притом не отвлекали внимания. При Суан каждая вещь исполняла бы свою функцию – возможно, сразу несколько. Столы с потайными ящиками. Настенные гобелены, одновременно служившие картами. Повешенные над камином скрещенные мечи, наточенные и смазанные – на случай, если понадобятся Стражам.

Наверное, картины, что предстали перед мысленным взором Эгвейн, – это чистой воды фантазии. В любом случае Элайда не только выбрала для себя другие апартаменты, но и роскошь их убранства бросалась в глаза. Просторная комната была обставлена еще не полностью – поговаривали, будто она едва ли не каждодневно прибавляла что-то новое к обстановке своих покоев, – но даже то, что уже тут имелось, просто кричало о богатстве. Стены и потолок украшали новые драпировки из шелковой парчи, исключительно красной. Тайренский напольный ковер с рисунком летящих птиц, был соткан так искусно, что его можно было принять за картину. По всему залу была расставлена мебель дюжины разных стилей и видов, каждый предмет украшали замысловатая резьба и инкрустации из драгоценной поделочной кости. Тут красовались переплетенные лозы, там – выпуклый зубчатый узор или извивающиеся змеи.

Но более, чем вычурная роскошь, возмущал палантин на плечах Элайды. На нем были полосы шести цветов. Шести, а не семи! Хотя сама Эгвейн так и не выбрала Айя, ее выбор наверняка пал бы на Зеленую. Но это обстоятельство не уменьшало ее гнева при виде накидки, с которой исчез голубой цвет. Никто не вправе распустить одну из Айя, никто – даже та, кто занимает Престол Амерлин!

Но Эгвейн удержала яростные слова, так и рвущиеся с языка. Эту встречу необходимо пережить. Ради Башни Эгвейн сумела вынести боль от ударов ремня. Под силу ли ей перенести высокомерие Элайды?

– А где же реверанс? И даже не поклонись? – спросила Элайда, когда Эгвейн вошла в комнату. – Слышала, что ты упряма. Ладно, после ужина зайдешь к наставнице послушниц и расскажешь ей о своей оплошности. Что на это скажешь?

«Скажу, что ты сущее бедствие, грозящее разрушить все построенное прежде, напасть столь же гибельная и разрушительная, как все болезни, вместе взятые, что когда-либо обрушивались на город и его жителей. Скажу, что ты...»

Эгвейн отвела взгляд от Элайды. И – чувствуя, как стыд от содеянного сотрясает ее до костей, – склонила голову.

Элайда рассмеялась, восприняв произошедшее так, как и следовало.

– Честно говоря, думала, от тебя будет больше проблем. Похоже, Сильвиана все-таки знает свое дело. Вот и хорошо. Я уже начала волноваться, что она, как слишком многие ныне в Башне, отлынивает от своих обязанностей. А теперь займись делом. Я не собираюсь ждать ужина всю ночь.

Эгвейн стиснула кулаки, но не произнесла ни слова. У дальней стены стоял длинный сервировочный столик, уставленный серебряными подносами. Полированные круглые крышки, напоминающие купола, затуманились от пара горячих блюд. Там же находилась серебряная супница. Серая сестра по-прежнему стояла у двери. О Свет, у нее на лице явственно читался чистый ужас! Эгвейн редко видела подобное выражение у сестер. Что могло быть его причиной?

– Подойди сюда, Мейдани, – велела Элайда. – Так и будешь торчать у двери? Сядь!

Эгвейн сумела скрыть свое потрясение. Мейдани? Одна из тех, кого Шириам и другие послали шпионить в Белую Башню! Изучая содержимое каждого подноса, Эгвейн бросила взгляд через плечо. Мейдани подошла ко второму, меньше украшенному резьбой, небольшому стулу подле Элайды. Неужели Серые всегда так роскошно одеваются к столу? На шее Серой сестры сияли изумруды, а платье приглушенно-зеленого цвета было сшито из самого дорогого шелка, и покрой подчеркивал грудь Мейдани, казавшуюся особенно пышной при ее хрупкой фигуре.

Беонин утверждала, что предупредила засланных в Башню Серых сестер о том, что Элайда раскрыла шпионок. Так почему же Мейдани не покинула Башню? Что держит ее здесь?

По крайней мере, ужас на ее лице был теперь понятен.

– Мейдани, – отпив вина из кубка, промолвила Элайда, – что-то ты бледна сегодня. Мало бываешь на солнце?

– Я практически дни напролет провожу с летописями и историческими архивами, Элайда, – дрогнувшим голосом ответила Мейдани. – Вы ведь не забыли?

– Ах да, разумеется, – задумчиво протянула Элайда. – Неплохо бы узнать, как в прошлом поступали с изменниками. Обезглавить – слишком просто и безыскусно, на мой взгляд. Те, кто вносят раскол в нашу Башню и гордятся своим предательством, заслуживают особой награды. Что ж, продолжай свои изыскания.

Мейдани села, сложив руки на коленях. Не будь она Айз Седай, ей пришлось бы утирать пот со лба. Эгвейн помешала суп, сжимая разливную ложку так, что побелели костяшки пальцев. Элайда *знала*. Она знала, что Мейдани – шпионка, но тем не менее пригласила ее к себе на ужин. Чтобы поиграть.

– Поживее, девочка! – прикрикнула Элайда.

Эгвейн подхватила супницу за еще теплые ручки и понесла к маленькому столу. Она наполнила суповые тарелки коричневатым бульоном с грибами – «венцами королевы». Бульон столь обильно приправили перцем, что он полностью заглушал прочие ароматы. Столько еды уже испортилось, что без специй суп был бы и вовсе несъедобен.

Эгвейн действовала механически, как вращается колесо телеги, которую тащит запряженный в нее мул. Ей не нужно было что-то решать, что-то говорить. Она просто работала. Аккуратно налив суп, она взяла хлебную корзинку и положила по куску – посвежее – на каждое фарфоровое блюдо. Потом вернулась с двумя кружочками масла, вырезанными из большого куска двумя быстрыми и точными движениями ножа. Она ведь была дочерью владельца гостиницы, так что еду подавать умела.

Но, даже работая, Эгвейн кипела внутри. Каждый шаг был пыткой, и продолжавшая пылать болью спина была ни при чем. Физическая боль, как ни странно, сейчас казалась незначительной. Гораздо мучительнее было молчать, не позволяя себе возразить этой ужасной женщине, такой властной и такой высокомерной.

Когда две женщины приступили к трапезе – старательно не замечая жучков-долгоносиков в хлебном мякише, – Эгвейн отошла к стене и встала неподвижно, сложив руки перед собой. Элайда поглядела на нее и улыбнулась, приняв ее позу за очередной знак покорности. На самом же деле девушка не решалась шевельнуться, опасаясь, что любое ее движение закончится тем, что она ударит Элайду по лицу. О Свет, как это все невыносимо!

– О чем говорят в Башне, Мейдани? – спросила Элайда, макая хлеб в суп.

– Я... у меня нет времени слушать...

Элайда подалась вперед:

– Ну, наверняка тебе что-то известно. У тебя есть уши, и даже Серые сплетничают между собой. Что говорят о тех мятежницах?

Мейдани побледнела еще больше:

– Я... я...

– Хм. Когда мы были послушницами, Мейдани, не припомню, чтобы ты была такой тугодумкой. В последние недели ты меня разочаровываешь. Я начинаю задумываться, почему тебе вообще дали шаль. Может, ты никогда ее и не заслуживала.

Мейдани испуганно распахнула глаза.

– Я просто дразню тебя, дитя мое, – улыбнулась ей Элайда. – Ешь, не волнуйся.

Она шутила! Шутила о том, как вероломно лишила женщину шали, подвергнув таким унижениям, что та сбежала из Башни. О Свет! Что случилось с Элайдой? Эгвейн встречалась с ней раньше, она и тогда отличалась суровостью, но не была тираном. Власть меняет людей. Похоже, в случае с Элайдой престол заменил ее строгость и спокойствие на опьяняющую жажду власти и жестокость.

Мейдани подняла взгляд:

– Я... я слышала, что сестры тревожатся из-за шончан.

Элайда безразлично махнула рукой, прихлебывая суп.

– А-а. Они слишком далеко, чтобы чем-то грозить нам. Интересно, не действуют ли они втайне заодно с Возрожденным Драконом. В любом случае, полагаю, слухи слишком преувеличены. – Элайда бросила взгляд на Эгвейн. – Меня всегда забавляет, как некоторые верят всему, что услышат.

Эгвейн потеряла дар речи. Она и слова не могла вымолвить. Что сказала бы Элайда об этих «преувеличенных» слухах, когда бы холодный шончанский ай'дам сомкнулся на ее глупой шее? Иногда Эгвейн будто снова чувствовала на собственной коже этот ошейник – вызывающий зуд, не дающий пошевелиться. Бывало, от подобного ощущения тошнота подкатывала к горлу, не позволяя свободно двигаться, ее как будто вновь оставили взаперти, простой металлической петлей приковав к штырю в стене.

Эгвейн знала, о чем говорили ее сны, и знала, что они пророческие. Шончан нанесут удар по самой Белой Башне. Элайду же, очевидно, предупреждения Эгвейн не волновали.

– Нет, – произнесла Элайда, знаком велев Эгвейн принести еще супа. – Шончан проблемы не представляют. Настоящая опасность – в том неповиновении, которое выказывают Айз Седай. Что мне еще сделать, чтобы прекратить эти глупые переговоры на мостах? Сколько сестер нужно наказать, чтобы они признали мою власть?

Она сидела, постукивая ложкой по суповой чашке. Эгвейн взяла супницу с дальнего стола и вынула половник из серебряного крепления.

– Да, – вслух размышляла Элайда, – если бы сестры были послушны, в Башне не было бы раскола. Эти бунтовщицы подчинились бы, а не бросились врассыпную, как стая глупых перепуганных птиц. Если бы сестры слушались, Дракон Возрожденный был бы в наших руках и мы бы давно разделились с теми ужасными мужчинами, которые обучаются в своей Черной Башне. Как по-твоему, Мейдани?

– Я... Послушание действительно очень важно, Элайда.

Элайда покачала головой, пока Эгвейн наливала суп ей в тарелку.

– Это любому ясно, Мейдани. Я же спросила, что следует делать. К счастью, у меня самой есть идеи. Тебе не кажется странным, что в Трех клятвах нет упоминания о повиновении Белой Башне? Сестрам нельзя лгать, они не могут создавать оружие, которым одни люди будут убивать других, и не имеют права использовать Силу как оружие, кроме как защищаясь. Эти клятвы всегда представлялись мне слишком слабыми, какими-то необязательными. Почему нет клятвы повиноваться Амерлин? Если бы мы все дали такое простое обещание, скольких мучений и трудностей можно было избежать? Вероятно, уместно это пересмотреть.

Эгвейн стояла неподвижно. Когда-то она и сама не понимала важности клятв. Она подозревала, что многие послушницы и принятые сомневались в их полезности. Но теперь она, как и должно каждой Айз Седай, осознавала их значимость. Три клятвы составляли суть Айз Седай. Они заставляли Айз Седай творить благо для мира и, более того, ограждали их от обвинений.

Изменить клятвы... подобное будет невообразимой катастрофой. Должна же Элайда это понимать. Самозваная Амерлин снова принялась за суп, улыбаясь своим мыслям и, без сомнения, обдумывая четвертую клятву, требующую повиновения. Разве Элайда не видит, что такая клятва подорвет устои Башни? Из главы Айз Седай Амерлин превратится в деспота!

Гнев кипел внутри Эгвейн, дымился, как суп в ее руках. Эта женщина, эта... тварь! Она была причиной всех бед Башни, она разделила всех на лояльных ей сторонниц и тех, кого назвала мятежницами. Она виновна в том, что Ранда захватили и избивали. Она была сущим бедствием!

Эгвейн чувствовала, как ее трясет. Еще миг, и она взорвется и выскажет Элайде всю правду. Все это рвалось из нее, и она едва могла сдерживаться.

«Нет! – подумала Эгвейн. – Если я так поступлю, то моя битва окончена. Я проиграю войну».

И чтобы не дать себе сорваться, девушка сделала единственное, что пришло ей в голову. Она уронила супницу на пол.

Коричневая жидкость расплескалась по искусно вытканному ковру с красными, желтыми и зелеными птицами. Вскочив с кресла, Элайда с проклятиями попятилась от пролившегося супа. На платье ей не попало ни капли – очень жаль. Эгвейн спокойно взяла со стола полотенце и принялась вытирать лужу.

– Тупая неумеха! – рявкнула Элайда.

– Прошу прощения, – сказала Эгвейн. – Я не хотела.

И это было правдой. Она хотела, чтобы ничего этого не было, чтобы сегодняшнего вечера вообще не случилось. Чтобы Элайды не было у власти. Она хотела, чтобы не было раскола Башни. Чтобы ей не пришлось разливать суп по полу. Но ей пришлось так поступить, ничего другого не оставалось. И она разберется со всем этим, поэтому, опустившись на колени, и вытирала пол.

Элайда тыкала в девушку пальцем и брызгала слюной.

– Этот ковер, дичок, стоит больше, чем вся твоя деревня! Мейдани, помоги ей!

Серая сестра повиновалась без малейших возражений. Сорвавшись с места, она схватила ведро ледяной воды, в котором охлаждалось вино, и бросилась помогать Эгвейн. Элайда направилась к двери в дальнем конце комнаты, собираясь позвать слуг.

– Вызови меня к себе, – прошептала Эгвейн, когда Мейдани склонилась рядом с ней, помогая отчищать ковер.

– Что?

– Вызови меня, чтобы дать распоряжения, – тихо сказала Эгвейн, поглядывая на Элайду, стоявшую к ним спиной. – Нужно поговорить.

Поначалу Эгвейн намеревалась избегать солидарских шпионов, позволив Беонин действовать как своей посреднице. Но у нее было слишком много вопросов. Почему Мейдани не покинула Башню? Что планировали шпионки? Был ли еще кто-то из них приближен к Элайде и подвергнут такому же унижению, как Мейдани?

Мейдани взглянула на Элайду, потом вновь на Эгвейн:

– Может, иногда так и не кажется, девочка, но я все еще Айз Седай. Ты не можешь мне приказывать.

– Я – твоя Амерлин, Мейдани, – спокойно сказала Эгвейн, выжимая в ведро пропитанное бульоном полотенце. – И тебе лучше не забывать об этом. Если не хочешь, чтобы Три обета превратились в клятву вечно служить Элайде.

Мейдани посмотрела на нее, потом поморщилась от резких выкриков Элайды, подзывающей слуг. Бедной женщине в последнее время явно приходилось нелегко.

Эгвейн положила руку ей на плечо:

– Элайду можно остановить, Мейдани. Башня вновь будет едина. Я сделаю для этого все, что в моих силах, но мы должны быть бесстрашны. Распорядись, чтобы меня прислали к тебе.

Мейдани подняла голову, устремив на Эгвейн пристальный взгляд.

– Как... как тебе удастся? Слышала, тебя наказывают по три, а то и четыре раза в день, а между наказаниями Исцеляют, чтобы пороть тебя снова. Как ты это терпишь?

– Я терплю, потому что так надо, – сказала Эгвейн, опуская руку. – Мы все делаем то, что должны. Я вижу, как нелегко тебе находиться здесь и следить за Элайдой, но знай, что твоя работа важна и ценима.

Эгвейн не знала, на самом ли деле Мейдани шпионит за Элайдой, но всегда лучше, если женщина считает, что ее страдания служат высшей цели. Похоже, Эгвейн не зря сказала эти слова – Мейдани выпрямилась, заметно приободрившись и кивая:

– Благодарю тебя.

Вернулась Элайда, за нею по пятам ступали три служанки.

– Пришли за мной, – снова велела Эгвейн Серой сестре, опустив голос до тихого шепота. – Я одна из немногих в этой Башне, у кого есть предлог, чтобы бывать в апартаментах разных Айя. Я могу исправить то, что было разрушено, но мне понадобится твоя помощь.

Помедлив, Мейдани кивнула и тихо произнесла:

– Хорошо.

– Ты! – рывкнула Элайда, шагнув к Эгвейн. – Ступай прочь! И передай Сильвиане, чтобы отхлестала тебя так, как ни одной женщине прежде не доставалось! Пусть она накажет тебя, потом сразу же Исцелит и отхлещет снова. Вон отсюда!

Эгвейн встала, передала полотенце одной из служанок. И направилась к выходу.

– И не думай, что твоя неуклюжесть спасет тебя от исполнения обязанностей, – продолжала Элайда ей в спину. – Ты вернешься прислуживать мне в другой день. И если прольешь хоть каплю, я запру тебя в темницу без окон и света на неделю. Тебе ясно?

Эгвейн вышла из комнаты. Была ли вообще эта женщина настоящей Айз Седай, всегда держащей эмоции в узде?

Однако ведь и сама Эгвейн не сумела сдержать своих чувств. Нельзя было допускать того, что ей пришлось пролить суп. Она недооценила, какой гнев у нее способна вызвать Элайда, но больше это не повторится. Продолжая идти, девушка успокаивала себя, сосредоточенно делая медленные вдохи и выдохи. Злость тут не помощница, от нее нет никакого прока. Нет никакого смысла сердиться на лису, которая залезла во двор и съела твоих кур. Нужно просто поставить капкан и избавиться от хищника. Гнев здесь бесполезен.

От рук Эгвейн все еще слабо пахло перцем и пряными травами. Девушка спустилась на самый нижний этаж Башни, где рядом с главными кухнями находилась трапезная для послушниц. В последние девять дней Эгвейн часто приходилось трудиться на этих кухнях; все послушницы обязаны были выполнять порученные им хозяйственные работы. Запахи этого места – уголь и дым, кипящие супы и резкий запах простого мыла – были ей хорошо знакомы. Да и не так уж они отличались от запахов кухни в гостинице отца Эгвейн, в родном для нее Двуречье.

Зал с белыми стенами был пуст, столы стояли неубранными, но на одном из них обнаружился маленький поднос, накрытый, чтобы его содержимое не остыло, большой крышкой. Подушечка тоже оказалась тут, послушницы оставили ее, чтобы мягче было сидеть на жесткой скамье. Эгвейн села, но подушку отодвинула в сторону, как поступала всегда, хотя и была благодарна за этот жест. Она сняла крышку с подноса. К сожалению, ее ждала всего лишь миска того же коричневатого супа. Ни кусочка жаркого, ни подливки или длинной тонкой фасоли с маслом, которые составляли ужин Элайды.

Но все же это была пища, и желудок Эгвейн был ей рад. Элайда не приказывала, чтобы она отправилась за наказанием немедленно, поэтому распоряжение Сильвианы поесть имело более высокий приоритет. Или, по крайней мере, служило достаточным аргументом в ее защиту.

Девушка ела одна, в тишине. Суп и вправду был острым, на вкус и по запаху в нем был один перец, но ничего против она не имела. Не считая излишка специй, суп был вполне неплох. Еще ей оставили несколько ломтей хлеба, пусть это и были горбушки. Если подумать, не худшая еда для того, кто вовсе не рассчитывал на ужин.

Эгвейн ела в задумчивости, слушая, как в соседнем помещении гремят кастрюлями Ларас и посудомойки, и удивляясь тому, какое спокойствие ею владеет. Эгвейн изменилась,

что-то в ней стало другим. Воочию увидев Элайду, встретившись лицом к лицу с той, кто все эти месяцы была ее соперницей, она по-новому взглянула на свои действия.

У нее уже сложился план, каким образом она расшатает владычество Элайды изнутри и возьмет власть над Белой Башней в свои руки. Теперь же Эгвейн поняла, что подрывать авторитет Элайды незачем. Та прекрасно справится с этой задачей сама. Эгвейн без труда могла представить себе реакцию восседающих и глав Айя, когда Элайда объявит о своем намерении изменить Три клятвы!

Рано или поздно Элайда низвергнется с трона, с помощью Эгвейн или же без ее участия. Долг Эгвейн как Амерлин – не ускорить ее падение, а сделать все возможное, чтобы удержать Башню и ее обитателей вместе. Дальнейший раскол недопустим. Ее долг – остановить хаос и разрушение, которые угрожают им всем, и восстановить целостность Башни. Доев суп и обтерев стенки миски последней корочкой хлеба, Эгвейн поняла, что ей понадобятся абсолютно *все* средства, чтобы вернуть силы сестрам в Башне. Времени оставалось все меньше. Что сотворит с миром Ранд без ее руководства? Когда шончан нападут на север? Чтобы добраться до Тар Валона, им нужно пробиться через Андор, и какие беды и разрушения сулит их удар? Несомненно, еще оставалось время, чтобы восстановить Башню до шончанского наступления, но ни минуты нельзя терять понапрасну.

Эгвейн отнесла поднос на кухню, положила в мойку и сама вымыла за собой грязную посуду, заслужив одобрительный кивок от тучной госпожи кухонь. Затем Эгвейн отправилась в кабинет наставницы послушниц. Нужно поскорее покончить с наказанием; она еще собиралась навестить Лиане, что стало для нее обычаем. Постучав, Эгвейн переступила порог и обнаружила, что Сильвиана сидит за столом и при свете двух серебряных ламп листает толстую книгу. Увидев вошедшую Эгвейн, Сильвиана заложила страницу красной ленточкой и закрыла книгу. На потертой обложке виднелось название: «Размышления о разжигании огня» – история прихода к власти многих Амерлин. Любопытно.

Эгвейн села на табурет возле стола – нижняя часть тела тут же отозвалась резкой болью, но девушка даже не поморщилась, – и спокойно рассказала о произошедшем этим вечером, опустив то обстоятельство, что суп она разлила намеренно. Тем не менее Эгвейн не преминула отметить, что супницу она уронила после того, как Элайда заговорила о пересмотре и изменении Трех клятв.

Последние слова Сильвиана выслушала с весьма задумчивым видом.

– Что ж, – заметила наставница послушниц, вставая и беря в руки ремень, – Амерлин все сказала.

– Да, я все сказала. – Эгвейн встала и легла на стол, оголив нижнюю часть спины для битья.

Сильвиана чуть помедлила, а потом приступила к порке. Как ни странно, у Эгвейн не было даже желания кричать. Конечно, было больно, но кричать она просто не могла. Насколько же нелепым и бессмысленным предстало это наказание!

Она помнила свою боль, которую испытывала при виде сестер, когда те спешили по коридорам с затравленными, испуганными, преисполненными подозрительности взглядами. Она помнила, как мучительно было прислуживать Элайде – и молчать. Она помнила безграничный ужас от мысли о том, что все в Башне будут связаны клятвой повиноваться такому тирану.

Эгвейн помнила и свою жалость к бедной Мейдани. Ни одна сестра не заслуживает подобного обращения. Одно дело – заключить под стражу. Но измываться над нею, играть с нею, как кошка с мышкой, запугивать, намекая на предстоящие пытки? Это было невыносимо.

Каждый этот момент отзывался болью в душе Эгвейн, словно нож, вонзающийся в сердце. И пока продолжалось избиение, она понимала, что никакая телесная боль не сравнится с душевными терзаниями, которые она испытывала, видя страдания Белой Башни под властью Элайды. По сравнению с этой вечной пыткой ремень и плеть были просто смешны.

И Эгвейн начала смеяться.

Это был не вымученный смех. Это был не смех протеста. Это был смех неверия. Этому невозможно поверить. Как им в голову пришло, что избиение что-то решит? Это просто абсурд!

Ремень остановился. Эгвейн обернулась, – конечно же, наставница послушниц еще не закончила.

Сильвиана смотрела на девушку с выражением беспокойства на лице.

– Дитя мое, – спросила она. – Ты хорошо себя чувствуешь?

– Вполне нормально.

– Ты... уверена? Что творится у тебя в голове?

«Она думает, я потеряла рассудок от боли, – поняла Эгвейн. – Она бьет меня, а я хохочу».

– С головой у меня все в порядке, – сказала Эгвейн. – Я смеюсь не потому, что ты сломила меня, Сильвиана. Я смеюсь, потому что мое избиение абсурдно.

Лицо Сильвианы помрачнело.

– Разве ты не видишь? – спросила Эгвейн. – Не чувствуешь боли? Мучительной пытки – видеть, как вокруг тебя рушится Башня? Какое наказание с этим сравнится?

Сильвиана не отвечала.

«Теперь я понимаю, – подумала Эгвейн. – Я не осознавала раньше, что делали айильцы. Я думала, что просто должна быть сильнее, и это научит меня смеяться над болью. Но дело вовсе не в этом. Не сила заставляет меня смеяться. Понимание».

Допустить падение Башни, позволить распасться Айз Седай – боль этого уничтожила бы ее. Эгвейн обязана это остановить, ведь именно ей принадлежал Престол Амерлин.

– Я не могу отказаться наказывать тебя, – сказала Сильвиана. – Ты ведь понимаешь.

– Разумеется, – сказала Эгвейн. – Но напомни мне кое о чем. Что ты говорила о Шимерин? Почему Элайда забрала ее шаль и почему это сошло ей с рук?

– Потому что Шимерин согласилась и смирилась с этим, – ответила Сильвиана. – Она вела себя так, словно действительно лишилась шали. Она не боролась.

– Я не повторю ее ошибку, Сильвиана. Пусть Элайда говорит что хочет. Но это не изменит ни моей сути, ни сути любой из нас. Даже если она попытается изменить Три клятвы, найдутся те, кто будет сопротивляться, кто встанет против нее, кто будет держаться за то, что правильно. Поэтому, когда ты бьешь меня, ты бьешь ту, кто занимает Престол Амерлин. И это настолько нелепо, что заставит смеяться нас обеих.

Наказание продолжилось, и Эгвейн встречала боль, принимала ее и отметала как незначительную, с нетерпением ожидая, когда закончится порка.

Ей предстояло немало дел.

Глава 3

Правила чести

Авиенда вместе с сестрами по копыю и несколькими разведчиками из Истинной Крови, затаившись на вершине поросшего травой низкого холма, наблюдала за беженцами внизу. Жалкое сборище представляли собой эти мокроземцы из Арад Домана: грязные лица, месяцами не знавшие воды, и исхудавшие дети, слишком голодные, чтобы плакать. Понурый мул тащил единственную тележку среди сотни изможденных людей. Все, что не уместилось на телеге, бедняги несли на себе, но вообще вещей, и тех и других, было немного. Доманийцы плелись на северо-восток по тропе, которую и дорогой-то назвать было нельзя. Возможно, в том направлении находилась деревня. А возможно, они просто бежали из беспокойных прибрежных земель.

Местность была холмистой, но, не считая редких групп деревьев, открытой. Авиенду и ее спутников беженцы не замечали, несмотря на то что от айильцев их отделяло меньше сотни шагов. Она никогда не понимала, как мокроземцы могут быть так слепы. Неужели у них глаз нет? Неужели они не высматривают опасность на горизонте? Разве они не понимают, что, проходя так близко к вершине холма, превращают себя в превосходные мишени для лазутчиков? Перед тем как приблизиться к холму, им нужно было отправить туда собственных разведчиков.

Неужели им все равно? Авиенда содрогнулась. Как можно с безразличием относиться к тому, что за тобой наблюдают чьи-то глаза – глаза вооруженных копьями мужчины или Девы? Неужели им так не терпится пробудиться ото сна? Смерти Авиенда не боялась, но одно дело – принимать смерть, и совсем другое – желать ее.

«Города, – подумала она, – от них все беды». Города, эти вонючие гниющие ямы, незаживающие нарывы. Некоторые были лучше прочих – остается только восхищаться тем, как Илэйн удалось навести в Кэймлине порядок, – но даже в лучших из городов собиралось слишком много людей, которые приучались к удобствам жизни на одном месте. Будь беженцы привычны к странствиям и научись они полагаться на собственные ноги, а не на лошадей, как то зачастую в обычае у мокроземцев, им не было бы так трудно покидать свои города. У айильцев и ремесленники умели за себя постоять, и дети могли по несколько дней жить тем, что дарит земля, и даже кузнецы с завидной быстротой преодолевали большие расстояния. Целый септ мог бы сняться с места за час, а все, что им нужно, айильцы несли с собой на спинах.

Без сомнения, мокроземцы – странный народ. Но Авиенда испытывала жалость к беженцам. Это чувство удивляло ее. Она не была бессердечной, но связала себя не с этой землей, а с Рандом ал'Тором. У нее не было причин для сочувствия горстке людей, которых она совершенно не знает. Но время, проведенное с Илэйн Траканд, ее первой сестрой, научило Авиенду, что не все мокроземцы – мягкие и слабые. Только большинство из них. А в том, чтобы заботиться о тех, кто не может позаботиться о себе, и состояло *джи*.

Наблюдая за беженцами, Авиенда пыталась смотреть на них глазами Илэйн, но по-прежнему не понимала, как та правит страной. Это же совершенно не то, как просто командовать отрядом Дев Копья во время набега – принимая решения стремительно и повинаясь инстинкту. Илэйн вряд ли бы сразу заподозрила в беженцах переодетых солдат, не стала бы она высматривать в них еще какие-то признаки опасности. Она бы почувствовала ответственность за них, пусть они и не принадлежали ее народу. Она бы нашла способ отправить им продовольствие, возможно, послала бы своих солдат, чтобы обезопасить область, где могли бы поселиться беженцы, – и, поступая так, сделала бы часть этой страны своей.

Когда-то Авиенда предоставила бы размышлять на подобную тему вождям кланов и хозяйкам крова. Но она уже больше не была Девой Копья и приняла то, что с ней случилось. Теперь она жила под другим кровом. И стыдилась, что противилась переменам так долго.

Но в этом и заключалась трудность. В чем теперь ее честь? Она уже не Дева, но еще не Хранительница Мудрости. Вся ее сущность была влита в те копыя, ее «я» было вплавлено в их сталь так же прочно, как уголь, улучшающий свойства металла. С детства она росла в уверенности, что станет *Фар Дарайз Май*. И конечно же, она присоединилась к Девам, едва только появилась такая возможность. Она гордилась своей жизнью и своими сестрами по копыю. Она бы служила своему клану и септу до того дня, пока не пала бы от копыя, пролив последние капли своей крови – воды ее жизни – на опаленную почву Трехкратной земли.

Но здесь не Трехкратная земля, и она слышала, что некоторые *алгай'д'сисвай* сомневаются, что Айил когда-нибудь туда вернутся. Их жизнь изменилась. Авиенда же не доверяла переменам. Их нельзя отследить или пригвоздить копыем; перемены незаметнее любого разведчика и намного опаснее наемного убийцы. Нет, она всегда не доверяла переменам, хотя и принимала их. Она научится жить как Илэйн и научится думать как вождь.

Она непременно найдет честь в своей новой жизни. Рано или поздно.

– Они неопасны, – прошептал Гейрн, затаившийся вместе с воинами Истинной Крови по другую сторону от Дев.

Руарк глядел на беженцев, оставаясь начеку.

– Восстают мертвые, – произнес вождь клана Таардад, – и люди падают без разбора от зла Затмеваящего Зрение, а их кровь осквернена, как вода в дурном колодце. Возможно, это несчастливцы, бегущие от ужасов войны. Или же нечто иное. Будем держаться на расстоянии.

Авиенда взглянула на удаляющуюся вереницу беженцев. Она не думала, что Руарк прав – это не призраки и не чудовища. От тех и других всегда становилось... не по себе. Возникало чувство неизбежной опасности, некий зуд в ожидании неминуемого нападения.

И все же Руарк был мудр. Трехкратная земля, где даже крошечная веточка могла убить, учила быть осторожным. Айильский отряд соскользнул с холма на равнину, покрытую бурой травой. Авиенда даже спустя месяцы, проведенные в мокрых землях, находила пейзаж странным и необычным. Высокие деревья тянули ввысь длинные ветви, усыпанные почками. Когда айильцы пересекали участки желтой весенней травы, пробивающейся сквозь палые зимние листья, то стебли были так наполнены влагой, что, казалось, лопнут у нее под ногами. Как она знала, мокроземцы утверждали, что весна нынче наступала необычно медленно, но даже при этом она была изобильней, чем у нее на родине.

В Трехкратной земле такую равнину – с холмами вокруг, которые обеспечивали наблюдательные пункты и укрытия, – немедленно захватил бы какой-нибудь септ, превратив в возделанные поля и огороды. Здесь же она представляла собой один из тысяч нетронутых участков земли. Виновы в этом тоже города. Даже ближайшие из них находились слишком далеко отсюда, чтобы этот участок мог стать у мокроземцев хорошей и преуспевающей фермой.

Двигаясь стремительно и тихо, восемь айильцев быстро пересекли травянистую ложбину, образованную склонами холмов. Оглушительный галоп лошадей не сравнится с поступью человека. Ужасные животные – почему мокроземцы все время на них ездят? Непостижимо. Авиенда могла попытаться понять, как нужно мыслить вождю или королеве, но знала, что никогда не поймет мокроземцев до конца. Слишком уж они странные. Даже Ранд ал'Тор.

Особенно Ранд ал'Тор. Девушка улыбнулась, вспомнив его прямой горящий взгляд. Авиенда помнила его запах – аромат мокроземского, отдающего растительным маслом мыла, смешанный с тем особым, присущим только Ранду, земляным мускусным запахом. Она выйдет за него замуж. Она была столь же решительно настроена так поступить, как и Илэйн. Теперь, когда они стали первыми сестрами, они обе могут выйти за него, по всем правилам. Вот только как теперь Авиенда может выйти замуж хоть за кого-то? Ее честь прежде заключалась в ее копиях, но их наконечники были переплавлены и перекованы в пряжку, которую Ранд ал'Тор носит на своем поясе и которую она сама ему подарила.

Однажды он предложил ей выйти за него замуж. Мужчина – и сделал предложение о браке! Еще один чудной обычай мокроземцев, один из многих. Даже если отбросить странность этого обычая – и оскорбительность подобного предложения по отношению к Илэйн – Авиенда никогда не смогла бы принять Ранда ал’Тора как своего мужа. Разве он не понимает, что женщина приносит честь в брак? А что может предложить простая ученица Хранительниц Мудрости? Разве он примет ее, коли она будет стоять ниже его? Для нее это обернется настоящим позором!

Должно быть, он ничего не понял. Она не считала его жестоким, просто непонятливым. Она придет к нему, когда будет готова, – тогда и положит свадебный венок к его ногам. Но будет то не раньше, чем Авиенда поймет, кто она есть.

Исполнять *джи’и’тох* – не просто и не легко. Авиенда знала, каковы правила чести у Дев Копья, но у Хранительниц Мудрости был совсем иной подход к вопросам чести. Сама она полагала, что сумела приобрести в их глазах некую толику чести. Например, они позволяли ей проводить много времени со своей первой сестрой в Кэймлине. Но потом – совершенно неожиданно – явились Доринда и Надере и сообщили Авиенде, что она забывает о своем обучении. Они сцапали ее, точно ребенка, тайком подслушивающего у палатки-парильни, и уволокли прочь, в лагерь их клана, который отправлялся в Арад Доман.

Теперь же... А теперь Хранительницы Мудрости и вовсе проявляют к Авиенде еще меньше уважения, чем раньше! Они даже обучать ее перестали. Наверняка она допустила какой-то промах и упала в их глазах. От этой мысли у девушки сводило желудок. Опозорить себя перед другими Хранительницами Мудрости было почти так же ужасно, как проявить страх перед кем-то столь же храбрым, как Илэйн!

Пока что Хранительницы Мудрости позволяли Авиенде восстанавливать честь, исполняя повинности, но она не знала, *в чем* оступилась изначально. Спросив об этом, она – естественно – навлечет на себя еще больший позор. Не разгадав эту загадку, она не исполнит свой *тох*. Что еще хуже, она рискует повторить ошибку. Пока Авиенда не разберется в произошедшем, она останется ученицей и никогда не сможет принести достойный свадебный венок Ранду ал’Тору.

Авиенда стиснула зубы. Другая бы женщина разрыдалась, но какой в этом толк? В чем бы ни состояла ее оплошность, она сама в ней виновата, и ее долг – исправить ошибку. Она вновь обретет честь и выйдет замуж за Ранда ал’Тора раньше, чем он погибнет в Последней битве.

Это значит, что все, чему Авиенде необходимо научиться, она должна узнать быстро. Очень быстро.

Возглавляемая Руарком группа встретилась с другим отрядом айильцев, который ждал на небольшой лужайке среди редкого соснового лесочка. Землю устилал толстый ковер опавшей бурой хвои, к небу тянулись высокие, как башни, стволы. По меркам кланов и септов отряд был небольшим и насчитывал меньше двух сотен человек. В центре поляны стояли четыре Хранительницы Мудрости, каждая носила обычную для них одежду – коричневую шерстяную юбку и белую блузу. Авиенда была одета так же, что теперь для нее стало столь же естественно, как когда-то *кадин’сор*. Разведывательный отряд разделился, мужчины и Девы разошлись по своим кланам и воинским сообществам. Руарк присоединился к Хранительницам Мудрости, и Авиенда последовала за ним.

Каждая из Хранительниц Мудрости – Эмис, Бэйр, Мелэйн и Надере – смерила девушку взглядом. Бэйр, единственная из айильцев в отряде, кто не принадлежал к кланам Таардад или Гошиен, прибыла совсем недавно; очевидно, чтобы согласовать действия с остальными. Неизвестно почему, но все они выглядели недовольными. Авиенда замешкалась. Если уйти сейчас, не будет ли похоже на то, будто она пытается избежать внимания Хранительниц? Или лучше рискнуть и остаться – что может вызвать еще большее неудовольствие?

– И так? – обратилась Эмис к Руарку. Хотя волосы ее давно побелели, выглядела она совсем молодой. В ее случае обращение с Силой было ни при чем – волосы у нее начали серебриться еще в детстве.

– Все так, как рассказывали разведчики, прохлада моего сердца, – отозвался Руарк. – Еще одна жалкая горстка мокроземских беженцев. Я не вижу в них скрытой опасности.

Хранительницы Мудрости закивали, словно именно этого и ожидали.

– Это десятая группа беженцев менее чем за неделю, – промолвила старая Бэйр, ее водянистые голубые глаза были задумчивы.

Руарк кивнул:

– Есть слухи о нападениях шончан на западные порты. Возможно, люди уходят вглубь страны, стремясь избежать набегов. – Он посмотрел на Эмис. – Эта страна кипит, как вода, выплеснутая на камни очага. Клань не знает, чего именно от них хочет Ранд ал'Тор.

– Он высказался вполне ясно, – заметила Бэйр. – Он будет доволен, если вы с Добрэйном Таборвином наведете порядок в Бандар Эбане, как он просил.

Руарк кивнул и сказал:

– И все же намерения его неясны. Он просил нас восстановить порядок. Значит, мы должны стать для мокроземцев чем-то вроде их городской стражи? Это не для Айил. Мы здесь ничего не захватываем и потому пятую часть получить не можем. Но все-таки то, что мы делаем, очень похоже на завоевание. Приказы *Кар'а'карна* ясны, но в то же время могут сбить с толку. Думаю, у него к этому особый дар.

Бэйр с улыбкой кивнула:

– Наверное, он хочет, чтобы мы сами придумали, как поступить с этими беженцами.

– Но как нам с ними быть? – спросила Эмис, качая головой. – Мы же не Шайдо, чтобы делать из них *гай'шайн*.

Ее тон не оставлял сомнений в том, как она относится и к Шайдо, и к идее превращать мокроземцев в *гай'шайн*.

Авиенда согласно кивнула. Как сказал Руарк, *Кар'а'карн* направил их в Арад Доман, чтобы «восстановить порядок». Но это было понятие мокроземцев. Айильцы же понимали порядок по-своему. Да, верно, в войне и в бою есть хаос, но каждый айилец знает свое место и поступает сообразно ему. Даже маленькие дети понимают, что такое честь и тох, и холд продолжит жить даже после того, как будут убиты все вожди и Хранительницы Мудрости.

С мокроземцами все обстояло иначе. Они, как дикие ящерицы, которых высыпали из корзины на горячие камни, бегали и сустились, бросая при бегстве вещи и съестные припасы. Стоит только их предводителям отвернуться в сторону или отвлечься на другие дела, как воцаряются разбой и хаос. Сильные отбирают у слабых, и даже кузнецы оказываются в опасности.

Каких действий ожидал от айильцев Ранд ал'Тор? Не могут же они научить джи'и'тох целую страну. Ранд ал'Тор велел им постараться не убивать доманийских солдат. Но эти солдаты – зачастую опустившиеся и сами превратившиеся в мародеров – были частью проблемы.

– Возможно, он объяснит больше, когда мы прибудем в то его поместье, – заметила Мел-эйн. Она качнула головой, и ее золотисто-рыжие волосы блеснули на солнце. Под белой блузой едва заметно проявлялся округлившийся живот. – А если нет, то, конечно же, нам лучше оставаться здесь, в Арад Домане, чем терять уйму времени в стране древоубийц.

– Как скажешь, – согласился Руарк. – Тогда нам пора в путь. Впереди еще длинная дорога.

Он отошел переговорить с Бэйлом. Авиенда шагнула было за ним, но суровый взор Эмис заставил ее застыть на месте.

– Авиенда, – жестким тоном произнесла беловолосая женщина. – Сколько Хранительниц Мудрости ходило с Руарком на разведку того каравана беженцев?

– Кроме меня, никто, – призналась Авиенда.

– Ах, так ты уже Хранительница Мудрости? – спросила Бэйр.

– Нет, – быстро сказала Авиенда и покраснела, устыдившись больше прежнего. – Я сказала, не подумав.

– Значит, ты будешь наказана, – заключила Бэйр. – Ты больше уже не Дева Копья, Авиенда. Не твое дело – ходить на разведку, это задача других.

– Да, Хранительница Мудрости, – ответила Авиенда, опустив глаза. Девушка не предполагала, что вылазка с Руарком навлечет на нее позор, – она видела, как другие Хранительницы выполняли похожие задания.

«Но я еще не Хранительница Мудрости, – напомнила себе Авиенда. – Я всего только ученица».

Бэйр не сказала, что Хранительницы Мудрости не могут ходить на разведку, она лишь указала, что Авиенда не должна была идти. Дело было в самой Авиенде. И в том, что Авиенда сделала – или продолжала делать, – чтобы рассердить Хранительниц Мудрости.

Возможно, они решили, что их ученица чересчур размякла, проводя время с Илэйн? Авиенда и сама тревожилась, что так случилось. В Кэймлине айилка обнаружила, что ей начинают нравиться шелка и купание в ванне. Под конец она почти без возражений поддалась уговорам Илэйн, отыскавшей предлог нарядить ее в непрактичное и фривольное платье с вышивкой и кружевами. Тогда даже к лучшему, что за Авиендой пришли.

Хранительницы же Мудрости просто стояли и выжидающе смотрели на девушку, а лица их напоминали красные камни пустыни, бесстрастные и суровые. Авиенда снова скрипнула зубами. Она закончит обучение и обретет честь. Добьется этого во что бы то ни стало.

Прозвучал сигнал отправляться в путь, и мужчины и женщины, облаченные в кадин'сор, тронулись с места, двигаясь трусцой небольшими группами. Хранительницы Мудрости бежали так же легко, как и воины, несмотря на длинные тяжелые юбки. Эмис дотронулась до руки Авиенды.

– Ты побежишь со мной, чтобы мы смогли обсудить твое наказание.

На бегу Авиенда поравнялась с Хранительницами Мудрости. В таком темпе любой из айильцев мог бежать сколь угодно долго. Группа, с которой Авиенда покинула Кэймлин, соединилась с отрядом Руарка, когда тот направлялся из Бандар Эбана в западную часть страны, где должен был встретиться с Рандом ал'Тором. Добрэйн Таборвин, кайриэнец, остался поддерживать порядок в столице, где он, как сообщали, обнаружил кого-то из доманийского правящего совета.

Вероятно, остаток пути айильский отряд мог бы преодолеть с помощью Перемещения. Но до оговоренного места встречи было недалеко – всего несколько дней пешего пути, – и они выступили достаточно рано, чтобы прибыть вовремя, не прибегая к помощи Единой Силы. Руарк хотел самолично разведать местность вокруг того поместья, где сейчас обосновался Ранд ал'Тор. Если будет нужно, то там к ним присоединятся, воспользовавшись переходными воротами, и другие отряды айильских кланов Гошиен и Таардад.

– Авиенда, как ты думаешь, почему Кар'а'карн потребовал, чтобы мы находились здесь, в Арад Домане? – на бегу спросила Эмис.

Авиенда скрыла недовольство. Что же за наказание ее ждет?

– Просьба необычная, – сказала она, – но даже для мокроземца у Ранда ал'Тора немало странных идей. Это не самое странное задание, которое он нам поручил.

– А то обстоятельство, что Руарк считает такое поручение неудобным?

– Сомневаюсь, что оно как-то стесняет вождя клана, – сказала Авиенда. – Полагаю, Руарк, сообщая об этом Хранительницам Мудрости, выражает мнение других. Он не хочет навлечь на них позор, открыв, кто именно выразил свои страхи.

Эмис кивнула. К чему все эти вопросы? Хранительница Мудрости наверняка и сама догадалась обо всем. Ей незачем советоваться с Авиендой.

Какое-то время женщины бежали молча, не вспоминая о наказании. Может быть, Хранительницы Мудрости простили своей ученице допущенную, но оставшуюся ей неизвестной оплошность? Нет, вряд ли, они не стали бы так бесчестить ее. Должно быть, дали Авиенде время обдумать свои поступки, иначе позор будет невыносим. Скорее всего, она оступилась вновь, на сей раз еще серьезнее.

Эмис ничем не давала понять, о чем думает. Когда-то она, как и Авиенда, была Девой Копья. Даже по айильским меркам Хранительница Мудрости была весьма сурова.

– А сам ал’Тор? – спросила Эмис. – Что ты думаешь о нем?

– Я люблю его, – сказала Авиенда.

– Я не спрашивала глупую девчонку Авиенду, – резко сказала Эмис. – Я спросила Авиенду Хранительницу Мудрости.

– Он человек, на котором лежит тяжкое бремя многих забот, – ответила Авиенда уже осторожнее. – Боюсь, многие из них он сам делает тяжелее, чем нужно. Когда-то я думала, что это единственный путь к тому, чтобы стать сильнее, но благодаря первой сестре я узнала, что это не так. А Ранд ал’Тор... не думаю, что он уже научился тому же. Меня тревожит, что он ошибочно принимает твердость за силу.

Эмис снова кивнула, словно бы одобряя. Не были ли эти расспросы некой проверкой?

– Ты бы вышла за него замуж? – спросила Эмис.

«Мне казалось, мы не говорим о „глупой девчонке“ Авиенде», – подумала девушка, но мысли свои вслух, разумеется, не высказала. Эмис подобное говорить нельзя.

– Я *выйду* за него замуж, – вслух сказала Авиенда. – Я не думаю, я знаю точно.

За свой тон она удостоилась от Эмис строгого взгляда, но не отступила. Если Хранительница Мудрости ошибается, ее следует поправить.

– А мокроземка Мин Фаршав? – спросила Эмис. – Она явно любит его. Что ты будешь с ней делать?

– Это моя забота, – сказала Авиенда. – Мы достигнем согласия. Я разговаривала с Мин Фаршав, и, думаю, с ней легко будет договориться.

– Вы и с ней станете первыми сестрами? – В голосе Эмис проскользнуло легкое удивление.

– Мы с ней договоримся, Хранительница Мудрости.

– А если не сможете?

– Сможем, – твердо сказала Авиенда.

– Почему ты так уверена?

Пробираясь сквозь лишенные листвы заросли кустарника, Авиенда колебалась, испытывая неуверенность. Какая-то ее часть желала ответить молчанием на вопрос Эмис. Но она была только ученицей, и хотя заставить ее говорить Эмис не могла, Авиенда знала, что Хранительница Мудрости не отстанет, пока не вытянет из девушки то, что хочет узнать. Авиенда надеялась, что не навлечет на себя слишком много тох своим ответом.

– Тебе ведь известно о видениях Мин? – спросила Авиенда.

Эмис кивнула.

– Одно из этих видений было о Ранде ал’Торе и трех женщинах, которых он полюбит. Другое – о моих детях от Кар’а’карна.

Больше девушка ничего не сказала, а настаивать Эмис не стала. Услышанного было достаточно. Они обе знали, что скорее отыщется Каменный Пес, который отступит в бой, чем окажется неверным видение Мин.

С одной стороны, Авиенде было приятно знать, что Ранд ал’Тор будет ее, хоть и придется его делить. К Илэйн, конечно же, она не ревновала, а вот Мин... ее она совершенно не знала. Тем не менее видение вселяло уверенность. Но в то же время и беспокоило. Авиенда любила Ранда ал’Тора, потому что сама так решила, а не потому, что так ей было суждено. Разумеется,

видение Мин не обещало, что Авиенда и в самом деле выйдет за него замуж, так что, возможно, сказанное ею Эмис могло оказаться не вполне верным. Да, Ранд будет любить трех женщин, и три женщины будут любить его, но вот получится ли у Авиенды выйти за него замуж?

Нет, будущее не было предопределено, что по какой-то причине вселяло в нее уверенность. Возможно, ей стоило испытывать из-за этого тревогу, но девушка была спокойна. Она вернет свою честь, а потом выйдет замуж за Ранда ал'Тора. Возможно, вскоре после этого он погибнет, а возможно, сегодня айилыцы наткнутся на засаду и Авиенда падет от стрелы. Беспокойство ничего не решало.

Однако с тох все обстояло совершенно иначе.

– Я ошиблась, Хранительница Мудрости, – промолвила Авиенда. – Я сказала, видение означает, что я стану женой Ранда ал'Тора. Это не так. Мы все три будем любить его, а значит ли оно, что будет замужество, я наверняка не знаю.

Эмис кивнула. В этом не было тох – Авиенда исправилась достаточно быстро. Вот и хорошо. Нельзя, чтобы она навлекла на себя еще больше позора, чем уже заслужила.

– Ладно, – сказала Эмис, глядя на тропу перед собой. – Тогда обсудим сегодняшнее наказание.

Авиенда слегка расслабилась. Значит, у нее еще есть время выяснить, что она сделала не так. Судя по всему, мокроземцев нередко озадачивали айильские принципы наказания, но они мало что понимали в чести. Честь была не в том, чтобы *быть* наказанным, а чтобы *принять* наказание, и перенести наказание означало восстановить честь. В этом была суть тох – в добровольном принижении себя, дабы восстановить утерянное. Ей было странно, что мокроземцы не понимают этого; в самом деле странно, что они не следуют джи'и'тох инстинктивно. Что есть жизнь без чести?

Эмис не скажет Авиенде, в чем ее ошибка, – и правильно делает. Тем не менее, размышляя над этим сама, Авиенда не добилась успеха, но если она отыщет ответ благодаря беседе, то стыдиться ей придется меньше.

– Да, – осторожно сказала Авиенда. – Я заслуживаю наказания. Время, проведенное в Кэймлине, могло сделать меня слабой.

Эмис фыркнула:

– Ты не стала слабее, чем когда носила копья, девочка. Я бы даже сказала, стала сильнее, и намного. Время, проведенное с твоей первой сестрой, оказалось важным для тебя.

Значит, дело не в этом. Когда Доринда с Надере пришли за Авиендой, то заявили, что ей нужно продолжить обучение. Но с тех пор, как Айил отправились в Арад Доман, Авиенде не дали ни одного урока. Ей поручали носить воду, штопать шали, подавать чай. Ей назначали то одно наказание, то другое, всякий раз разное, почти не объясняя, в чем состояла ее провинность. А когда девушка совершала нечто очевидное – вроде похода в разведку без дозволения, – суровость наказания всегда оказывалась несоразмерной с ее упущением.

Все выглядело так, будто наказание и было именно тем, чему Хранительницы Мудрости хотели ее научить, но такого не могло быть. Она же не какая-то мокроземка, которую нужно учить правилам чести. Что проку в бесконечных наказаниях непонятно за что – если только происходящее не означало, что Авиенда совершила очень серьезный проступок?

Эмис потянулась к поясу и отвязала что-то. В руке у нее оказался шерстяной мешочек размером с кулак.

– Мы решили, – сказала она, – что были излишне небрежны в своих распоряжениях. Время драгоценно, и у нас не осталось места для поблажек.

Авиенда постаралась скрыть удивление. То есть предыдущие наказания были мягкими?

– Поэтому, – сказала Эмис, протягивая девушке мешочек, – ты возьмишь вот это. Внутри лежат семена. Одни черные, другие коричневые, третьи белые. Сегодня вечером, перед сном,

ты разложишь их по цветам и сосчитаешь, сколько семян каждого цвета. Если ошибешься, мы перемешаем их и ты начнешь заново.

Авиенда потеряла дар речи и сбилась с шага, едва не остановившись вовсе. Носить воду – это полезная и нужная работа. Чинить одежду тоже необходимо. Готовить пищу – не менее важное и нужное дело, особенно когда небольшой передовой отряд не брал с собой гай'шайн.

Но это... это же бессмысленный труд! Это не только бесполезно, это глупо. Подобного наказания заслуживали только самые большие упрямцы или те, кто навлек на себя самый большой позор. Это все равно что... почти как если бы Хранительницы Мудрости называли ее *да'тсанг*!

– Затмевающий Зрение, – прошептала девушка, заставляя себя выровнять бег. – Что же я наделала?

Эмис бросила на нее взгляд, и Авиенда отвела глаза. Обе знали, что Хранительница Мудрости не станет отвечать на этот вопрос. Девушка молча взяла мешочек. Более унижительному наказанию ее никогда прежде не подвергали.

Эмис отбежала в сторону, присоединившись к прочим Хранительницам Мудрости. Авиенда стряхнула оцепенение, к ней возвращалась решимость. Должно быть, ее ошибка была намного серьезнее, чем она предполагала. Наказание, назначенное Эмис, свидетельствовало именно об этом.

Авиенда распустила завязки, раскрыв горловину, и заглянула внутрь. Там лежали три пустых маленьких мешочка из *алгода*, призванных облегчить сортировку, и они почти скрывались под тысячами крошечных семян. Цель подобного наказания заключалась в том, чтобы ее *увидели* за подобным занятием, дабы устыдить ее еще больше. Что бы девушка ни натворила, ее поступок оскорбил не только Хранительниц Мудрости, но и всех вокруг, даже если они – как сама Авиенда – об этом не ведали.

Означало же это только то, что она должна стать еще более решительной и стойкой.

Глава 4

Наступление ночи

Гавин смотрел, как солнце сжигает дотла облака на западе и как гаснут последние солнечные лучи. Туман вечной мглы оставался непроницаемым даже для солнца. Точно так же сумрачная пелена ночью скрывала от его взора звезды. Сегодня облака были неестественно высокими. Нередко в пасмурные дни тучи полностью скрывали верхушку Драконовой горы, но этот густой серый туман почти все время висел так высоко, что едва задевал ее зазубренный обломанный пик.

– Пора начинать, – прошептал Джисао, затаившийся вместе с Гавином на вершине холма.

Гавин отвел взгляд от заката и снова посмотрел на деревушку внизу. Там должно было быть тихо, разве что какой-нибудь добросовестный хозяин в последний раз перед сном проверит скот в загоне. Там должно было быть темно, разве что светилось в домах несколько окон, где при сальных свечах селяне заканчивали бы ужин.

Но там не было темно. Там не было тихо. Деревню озаряла дюжина факелов в руках у крепких фигур. В свете этих факелов и угасающего солнца Гавин мог разглядеть, что каждый из них был одет в черно-коричневую, ничем не примечательную форму. Гавин не мог разглядеть на солдатах эмблему из трех звезд, но знал, что она там есть.

Со своего отдаленного наблюдательного пункта Гавин смотрел, как несколько припоздавших жителей, выйдя из дома, направляются на небольшую площадь, к собравшимся уже там соседям. Вид у всех был встревоженный и испуганный. Жители деревни встречали вооруженных людей без радости. Женщины прижимали к себе детей, мужчины старательно опускали взоры. Всем своим видом они говорили: «Мы не хотим неприятностей». Несомненно, из других деревень до них доходили слухи, что эти захватчики вели себя мирно и дисциплинированно. Солдаты платили за то, что брали, юношей в рекруты силком не забирали и в войско вступать не уговаривали – хотя желающим и не отказывали. И в самом деле, очень необычная армия завоевателей. Но Гавин знал, что думают эти люди. Армию вели Айз Седай, и кто возьмется сказать, что нормально, а что странно, когда дело касается Айз Седай?

Благодарение Свету, с этим патрулем не было сестер. Вежливые, но суровые солдаты выстроили жителей деревни в ряд и принялись их осматривать. Затем солдаты по двое проверили внутри каждый дом и сарай. Ничего не было взято, ничего не было сломано. Все очень аккуратно и любезно. Гавин с готовностью поклялся бы, что командир извинялся перед деревенским мэром.

– Гавин? – спросил Джисао. – Их там от силы дюжина. Если с севера отправить отряд Родика, мыотрежем их с обеих сторон и раздавим. Уже стемнело, они даже не заметят нашего приближения. Мы покончим с ними, даже не вспотев.

– А селяне? – спросил Гавин. – Там дети есть.

– В прошлом нас это не останавливало.

– Тогда было по-другому, – заметил Гавин, покачав головой. – Последние три деревни, которые они обыскиали, ведут прямой дорогой к Дорлану. Если этот отряд исчезнет, другие заинтересуются, что же такое те там обнаружили. Мы привлечем внимание целой армии.

– Но...

– Нет, Джисао, – тихо сказал Гавин. – Нужно уметь вовремя отступить.

– Значит, мы проделали весь этот путь впустую.

– Мы проделали этот путь ради возможности, – возразил Гавин, спускаясь по обратному склону холма так, чтобы его силуэт не выделялся на фоне неба. – Сейчас я эту возможность

изучил, и мы ею не воспользуемся. Только дурак потратит стрелу лишь потому, что обнаружил перед собой птицу.

– Почему бы и не потратить, коли она у тебя прямо под носом? – спросил Джисао, спускаясь вслед за Гавином.

– Иногда трофей не стоит стрелы, – сказал Гавин. – Идем.

У подножия холма, в темноте, заслонив плащами фонари, стояли несколько человек – тех самых, кого искали в деревне солдаты. Наверняка Гарет Брин совсем не обрадовался, узнав, что где-то поблизости скрывается отряд, который совершает набеги на его войска. Брин прилагал все усилия, чтобы избавиться от них, но местность вокруг Тар Валона была просто усеяна деревнями, лесами и уединенными долинами, где мог спрятаться небольшой подвижный отряд. До сих пор Гавину удавалось скрывать своих Отроков от чужих глаз, время от времени устраивая рейды и засады на солдат Брина. Однако большего, имея три сотни человек, не сделаешь. Особенно если приходится противостоять одному из пяти великих капитанов – выдающихся военачальников своего времени.

«Неужели такова моя судьба – все время сражаться с теми, кто были моими наставниками и учителями?» Гавин взял своего коня под уздцы и вскинул правую руку, отдавая безмолвный приказ к отходу, потом резким жестом указал в сторону от деревни. Люди беспрекословно повиновались; они спешили и, ведя коней в поводу, чтобы не производить лишнего шума, двинулись прочь.

Гавин думал, что сумел оставить в прошлом гибель Хаммара и Коулина; сам Брин учил Гавина, что порой на поле боя соратники могут неожиданно превратиться в противников. Гавин сразился со своими бывшими учителями и победил. На этом все кончено.

Но память его, похоже, решила вдруг вновь вытащить их тени и не давала покоя. Почему сейчас, спустя столько времени?

Гавин подозревал, что муки совести имеют отношение к столкновению с Брином, со своим первым и наиболее влиятельным наставником в делах войны. Ведя Неукротимого по погруженной в сумрак местности, Гавин качал головой. Свой отряд он решил вести подальше от дороги, на случай если разведчики Брина выставили дозорных. Полсотни человек шагали за Гавином как можно тише, и мягкая весенняя почва заглушала стук копыт.

Если Брин был неприятно удивлен, узнав, что кто-то наносит удары по его конным разведчикам, то Гавин поразился не меньше, обнаружив на униформе убитых им солдат эти три звезды. Каким образом врагам Белой Башни удалось нанять величайший военный ум во всем Андоре? И прежде всего, почему вообще капитан-генерал гвардии королевы сражается на стороне кучки мятежных Айз Седай? Его место – в Кэймлине, он должен оберегать Илэйн.

Да ниспошлет Свет, чтобы Илэйн *уже* прибыла в Андор. Не может быть, чтобы она до сих пор была с мятежниками. Не сейчас, когда ее страна оставалась без королевы. Ее долг перед Андором перевешивает долг перед Белой Башней.

«А как обстоит дело с твоим долгом, Гавин Траканд?» – мысленно спросил он себя.

Гавин не был уверен, остались ли у него долг или честь. Может быть, вина за гибель Хаммара, кошмары войны и смерти у Колодцев Дюмай мучили его оттого, что он, как начинал понимать Гавин, неправильно выбрал сторону. Его верность принадлежала Илэйн и Эгвейн. Так почему же он продолжает сражаться в битве, до которой ему не было дела, почему он помогает стороне, которая – по всем имеющимся у него сведениям – была совершенно противоположна той, какую выбрали Илэйн и Эгвейн?

«Они – всего лишь принятые, – сказал он себе. – Илэйн и Эгвейн не выбирали, на какую сторону встать, они просто выполняют чужие приказы!» Но слова, сказанные ему Эгвейн тогда, много месяцев назад в Кайриэне, заставляли предполагать, что выбор она сделала по своей воле.

Она сделала выбор. Хаммар сделал выбор. Гарет Брин, со всей очевидностью, тоже. Но Гавин по-прежнему хотел оказаться на *обеих* сторонах. И это разрывало его на части.

Когда от деревни отряд отделял час пути, Гавин приказал сесть на коней и выехать на дорогу. Остается надеяться, что разведчики Бриана не станут осматривать местность за окрестностями деревни. Если они возьмутся за поиски следов, то наверняка обнаружат следы пятидесяти всадников – такое сложно не заметить. Сейчас лучше всего добраться до твердой земли, где на наезженной дороге их следы затеряются среди тысяч прошедших по ней чужих сапог и башмаков, копыт и колес. Две пары солдат из отряда Гавина ехали в дозоре впереди и еще две держались позади. Остальные сохраняли молчание, хотя лошади теперь неслись шумным галопом. Никто не спросил, почему они отступили, но Гавин знал, что они, как Джисао, тоже теряются в догадках и мучаются сомнениями.

Они были славными парнями. Пожалуй, даже слишком. С Гавином, прищипорив коня, поравнялся Раджар. Всего несколько месяцев назад он был едва ли не мальчишкой. Теперь же Гавин не мог не считать его – как и всех прочих – солдатом. Ветераном. Одни набираются опыта за долгие годы жизни. Другие обретают опыт в течение считанных месяцев, глядя на то, как гибнут их друзья и товарищи.

Гавин поднял взгляд вверх. Ему не хватало звезд. Свой блеск они прятали от него за этими облаками. Точно как айильцы прячут лица за своими черными вуалями.

– Раджар, что мы сделали не так? – продолжая скакать, спросил Гавин.

– Не так, лорд Гавин? – переспросил Раджар. – Не думаю, что мы совершили ошибку. Мы же не могли заранее узнать, какие деревни патруль выберет для проверки или что они не свернут на старую Фургонную дорогу, как вы надеялись. Может, кто-то и сомневается, но мы правильно сделали, что отступили.

– Я не о набеге, – сказал Гавин, покачивая головой. – Я обо всей этой треклятой ситуации. Ты же должен был не на фуражиров набегу устраивать и не разведчиков убивать. К этому времени ты должен был стать Стражем какой-нибудь новоиспеченной Айз Седай.

«А я должен был быть в Кэймлине, подле Илэйн».

– Колесо плетет так, как желает Колесо, – заметил Гавину его соратник.

– Оно заплело нас и затянуло в яму, – пробормотал Гавин, снова поглядев на хмурое небо. – И Элайда, похоже, вытаскивать нас не торопится.

Раджар, уступавший в росте Гавину, укоризненно посмотрел на командира снизу вверх.

– У Белой Башни свои методы, лорд Гавин, и свои мотивы. Не нам о них задумываться. Что толку от Стража, если он станет сомневаться в приказах своей Айз Седай? Сомнение погубит обоих – и его, и ее.

«Ты не Страж, Раджар. В этом-то все и дело!» Но вслух Гавин ничего не сказал. Казалось, никто из остальных Отроков подобными вопросами не терзался. Для них мир был гораздо проще. Поступать следует так, как велит Белая Башня – и Престол Амерлин. Ну и что, если эти приказы как будто имеют целью тебя погубить.

Три сотни юнцов против армии из пятидесяти тысяч закаленных солдат под предводительством самого Гарета Бриана? Такова воля Амерлин или нет, но это смертельная западня. Отроки до сих пор живы единственно лишь потому, что Гавину известно, как действует его прежний наставник. Он знал, как Брин мыслит, куда направит патрули и верховую разведку, и знал, как избежать его поисковых отрядов.

И все же это безнадежная затея и его старания тщетны. Гавин даже и близко не имел в своем распоряжении сил, необходимых для того, чтобы вести по-настоящему серьезные действия и изматывать противника, а не просто беспокоить его, особенно если учесть, что Брин давно ведет осаду и успел укрепить свои позиции. Кроме того, возможностей снабжать такую армию, по сути, не имелось. Откуда войскам Гавина брать продовольствие? Да, они покупали съестные припасы в окрестных деревнях, но этого едва хватало, чтобы самим прокормиться.

Как среди зимы они могли нести на себе все необходимое и при этом достаточно быстро передвигаться, чтобы совершать неожиданные набеги?

Атаки Гавина были практически бесполезны. Одного этого достаточно, чтобы задуматься о том, не захотела ли Амерлин попросту убрать с дороги Гавина – и прочих Отроков. Еще до Колодцев Дюмай у Гавина начали зарождаться определенные подозрения. Теперь догадка превратилась в уверенность, которая только крепла.

«Но ты продолжаешь по-прежнему исполнять ее приказы», – сказал сам себе Гавин.

Юноша покачал головой. Разведчики Брига подбирались опасно близко к убежищу, откуда действовали Отроки. Гавин не мог больше их убивать, не рискуя обнаружить себя. Пора возвращаться в Дорлан. Возможно, там Айз Седай подскажут, как действовать дальше.

Пригнувшись к шее коня, Гавин продолжил свой путь в ночи. «О Свет, как же мне хочется увидеть звезды», – подумал он.

Глава 5

Рассказ о крови

Ранд пересек истоптанную лужайку перед особняком. Вокруг стояли шатры и палатки, колыхались и хлопали знамена, с западной стороны, от коновязей, доносилось лошадиное ржание. Воздух был наполнен запахами хорошо устроенного военного лагеря, когда ароматы дыма и горячего варева от котлов гораздо сильнее, чем изредка доносившиеся запахи конского навоза или немытого тела.

Люди Башира содержали свой бивак в опрятности и занимались сотней мелких, но важных дел, необходимых для того, чтобы армия оставалась армией: точили мечи, промасливали кожу, чинили седла, носили воду из ручья. Слева, на дальней стороне лужайки, между рядами палаток и росшими вдоль ручья чахлыми деревцами, солдаты отрабатывали маневры. Вскидывались сверкающие пики, и выстроившиеся в ряд лошади неслись вперед, топча копытами мокрую землю. Тренировки оттачивали навыки не только бойцов, но и коней.

Как всегда, за Рандом тянулся шлейф сопровождающих. Охраняли его Девы, и айилки настороженно смотрели на салдэйских солдат. Рядом с Рандом шли несколько Айз Седай. Теперь они всегда находились поблизости. Когда-то Ранд потребовал, чтобы они держались от него на расстоянии вытянутой руки, но Узор сплетался, не считаясь с его желаниями, и опыт показал, что Ранд нуждался в Айз Седай. Хотел он того или нет, уже не имело значения. Теперь он понимал это.

Многие из находившихся в лагере Айз Седай поклялись Ранду в верности, но это мало обнадеживало. Всем известно: данные ими клятвы Айз Седай понимают и исполняют по-своему, и они сами решают, чего требует их «верность».

Элза Пенфелл, сопровождавшая сегодня Ранда, была из числа тех сестер, которые присягнули ему. Принадлежала она к Зеленой Айя, и ее лицо можно было счесть привлекательным, если бы не свойственная всем Айз Седай печать безвозрастности. Женщина была довольно миловидной – для Айз Седай, несмотря даже на тот факт, что она участвовала в похищении Ранда, когда его целыми днями держали в сундуке, откуда время от времени вытаскивали лишь для того, чтобы избить.

В глубине сознания Ранда возмущенно заворчал Льюс Тэрин.

Дело прошлое. Элза дала клятву, и этого достаточно, чтобы Ранд использовал ее. Вторая из Айз Седай в эскорте Ранда была менее предсказуема – она принадлежала к окружению Кадсуане. Кореле Ховиан из Желтой Айя – стройная, с голубыми глазами, копной черных волос и вечной улыбкой – повиноваться ему не обещала. Тем не менее Ранду хотелось доверять ей, так как однажды она пыталась спасти ему жизнь. Выжил Ранд только благодаря ей, Самитзу и Дамеру Флинну. Одна из двух незаживающих ран в боку Ранда – «подарок» от проклятого кинжала Падана Фейна – по-прежнему ныла, напоминая о том дне. Непроходящая пульсирующая боль от этого мучительного источника зла накладывалась на не меньшую боль от застарелой раны под ним, которую Ранд так давно получил в битве с Ишамаэлем.

Скоро из одной из этих ран – а возможно, и из обеих – кровь Ранда прольется на скалы Шайол Гул. Он не знал, станут ли причиной его гибели эти раны или нет. Столь разные силы и столь многие чуть ли не наперебой стремились лишить Ранда жизни, что даже Мэт не знал бы, на что ставить.

Едва только Ранд подумал о Мэте, как закружившиеся в голове цветные пятна сложились в образ гибкого кареглазого молодого человека в широкополой шляпе, бросающего игральные кости в окружении небольшой группы наблюдавших за ним солдат. Мэт, как всегда, ухмылялся и будто позерствовал, но не было видно, чтобы перед его бросками делали ставки.

Видения возникали всякий раз, как Ранд вспоминал Мэта или Перрина, и он перестал отгонять их. Он не знал, что порождает эти образы; возможно, природа таверена давала ему связь с двумя другими таверенами из его родной деревни. Чем бы ни было необычное явление, Ранд нашел ему применение. Просто еще один инструмент. В видении Мэт, похоже, по-прежнему оставался с Отрядом, но находился уже не в разбитом на лесной поляне военном лагере. Разглядеть детали было сложно, но кажется, все происходило в окрестностях какого-то города. По крайней мере, совсем неподалеку проходила широкая дорога.

Вот уже какое-то время Ранд не видел с Мэтом невысокой темнокожей женщины. Кто она такая? И куда делась?

Видение растаяло. Ранд надеялся, что Мэт скоро вернется к нему. У Шайол Гул ему будет нужен и сам Мэт, и его навыки в тактике.

Один из офицеров-квартирмейстеров Башира – кривоногий кавалерист с густыми усами и непропорционально широким туловищем, – заметив Ранда, быстрым шагом направился к нему. Ранд отмахнулся от салдэйца, сейчас ему не до отчетов о продовольственных запасах. Тот сразу же отсалютовал и ретировался. Когда-то Ранда удивляло, что ему мгновенно подчиняются, но не сейчас. Так и надо – солдаты должны повиноваться. Ранд был королем, даже если и не носил в настоящий момент Корону мечей.

Ранд прошел через луг, где теперь тесно стояли палатки и коновязи. Миновав незаконченный земляной вал, он оказался за пределами бивака. Здесь, спускаясь по пологому склону, росли сосны. Тут же справа, среди деревьев, находилась площадка для Перемещения – из предосторожности огороженный веревками квадратный участок земли, где открывали переходные врата.

Такие врата и сейчас висели в воздухе – портал для перехода в другое место. Через них на площадку, усеянную сосновыми шишками, только что вышла немногочисленная группа. Ранд ясно видел плетения, образовавшие эти врата; и создали их с помощью саидин.

На большинстве новоприбывших были яркие одежды Морского народа – мужчины, несмотря на прохладный весенний воздух, шли с голым торсом, на женщинах были свободные цветные блузы. Все были облачены в широкие штаны, и у всех в носу или в ушах сверкали золотые кольца. Сложность этих украшений указывала на занимаемое каждым место в иерархии Ата'ан Миэйр.

К Ранду, дожидавшемуся гостей из Морского народа, подошел один из солдат, охранявших площадку для Перемещения, и вручил запечатанное письмо. Вероятно, его передали через Аша'манов кем-то из сторонников Ранда на востоке. И в самом деле, вскрыв послание, он обнаружил, что оно от Дарлина, тайренского короля. Ранд оставил ему приказы собирать войска и готовиться к выступлению в Арад Доман. Армию давно собрали, и Дарлин – в который уже раз – интересовался дальнейшими указаниями. Неужели нельзя просто сделать так, как сказано?

– Отправьте гонца, – сказал Ранд солдату, нетерпеливо запихивая письмо в карман. – Передайте Дарлину, чтобы продолжал набирать людей. Пусть каждого тайренца, способного держать меч, отправляет либо учиться воевать, либо работать в кузнице. Грядет Последняя битва. Очень скоро.

– Будет исполнено, милорд Дракон, – ответил солдат, отсалютовав.

– Известите его, что я пришлю Аша'мана, когда надо будет выступать, – сказал Ранд. – Я по-прежнему намерен использовать его в Арад Домане, но сначала нужно узнать, что обнаружили айилцы.

Солдат поклонился и ушел. Ранд снова повернулся к представителям Морского народа. Одна из женщин приблизилась к нему.

– Корамур! – произнесла она, кивком поприветствовав юношу.

Харине была красивой женщиной средних лет, в волосах ее уже пробивалась седина. Блуза Ата'ан Миэйр была такого ярко-синего цвета, что позавидовали бы Лудилыщики, в каж-

дом ухе висело по пять массивных колец, а цепочку, соединявшую серьги с колечком в носу, украшали золотые подвески.

– Не ожидала, что ты встретишь нас лично, – продолжила Харине.

– У меня есть к тебе вопросы, которые не могут ждать.

Судя по виду, Харине будто застигли врасплох. Она была послом Морского народа к Корамуру – так они называли Ранда. Их страшно возмутило, что Ранд несколько недель провел без их «опекуна», – и он пообещал, что всегда будет держать кого-то из Морского народа при себе, – но Логайн упомянул, что предводители Ата’ан Миэйр сомневались, стоит ли отправлять Харине обратно. С чего бы? Может, она удостоилась более высокого ранга и стала слишком важной особой для того, чтобы сопровождать Ранда? Разве кто-то может занимать настолько важное положение, что для него стало бы неподобающим сопровождать Корамура? Многие в обычаях Морского народа представлялось Ранду странным и непонятным.

– Если смогу, отвечу, – сдержанно промолвила Харине.

Через переходные врата позади женщины носильщики заканчивали переносить оставшиеся вещи Харине. По ту сторону портала, держа его открытым, стоял Флинн.

– Хорошо, – сказал Ранд, принявшись рассказывать перед ней туда-сюда. Временами он чувствовал себя таким усталым – изможденным до костей, – что ему просто необходимо было двигаться. Не останавливаться ни на миг. Если он остановится, враги найдут его. Или же его раздавит собственная усталость, физическая и душевная. – Скажи мне вот что, – требовательным тоном произнес Ранд, так и не перестав ходить. – Где обещанные вами корабли? На востоке гниет зерно, а народ Арад Домана умирает от голода. Логайн сказал, что вы согласны на мои условия, но я не видел ни единого корабля. Прошло уже несколько недель!

– Наши корабли быстры, – с раздражением сказала Харине, – но нужно преодолеть огромное расстояние. И мы должны пройти через моря, которые контролируют шончан. Захватчики чрезвычайно бдительны и всюду рассылают патрули, так что несколько раз нашим кораблям приходилось поворачивать вспять. Не ожидаешь же ты, что мы доставим продовольствие в мгновение ока? Возможно, Корамур, удобство этих переходных врат сделало тебя нетерпеливым. Нам же приходится преодолевать трудности войны и больших расстояний. Даже если ты избавлен от этого.

Ее тон предполагал, что иначе ему пришлось бы столкнуться с этими трудностями.

– Я ожидаю результатов, – покачал головой Ранд, – а не проволочек. Я знаю, вам не нравится, когда вас заставляют выполнять договоренности, но я не потерплю задержек, как бы вы ни стремились еще раз настоять на своем. Из-за вашей медлительности умирают люди.

Харине выглядела так, будто ей дали пощечину.

– Уверена, – произнесла она, – Корамур не хочет сказать, что мы не выполняем свою часть сделки.

Морской народ славится упрямством и гордостью, а Госпожи Волн – самые упрямые из Морского народа. В этом отношении все эти женщины были под стать Айз Седай. Ранд помедлил. «Мне не стоит так ее оскорблять и вымещать на ней свое раздражение».

– Нет, – наконец сказал Ранд. – Нет, я не имею этого в виду. Скажи мне, Харине, тебя сильно наказали за наше соглашение?

– Меня нагой подвесили за лодыжки и хлестали до тех пор, пока я не смогла больше кричать. – Произнося эти слова, она в ужасе распахнула глаза.

Что ж, Ранд – та’верен, а оказываемое та’вереном воздействие проявляется и в том, что зачастую люди раскрывают то, о чем не хотят говорить.

– Так жестоко? – Ранд был искренне потрясен.

– Не так плохо, как могло бы быть. Я сохранила пост Госпожи Волн своего клана.

Но было очевидно, что Харине сильно потеряла лицо, или навлекла на себя большой тох, или утратила уважение, в общем, случившееся плохо сказалось на том, что этот треклятый

Морской народ называл честью. Даже там, где Ранда и рядом не было, он причинял страдания и приносил боль!

– Рад, что ты вернулась, – сделав над собой усилие, произнес он. Без улыбки, но гораздо более мягким тоном. Лучшего он сделать не мог. – Восхищен твоей способностью здраво и рассудительно мыслить, Харине.

Она кивнула в знак благодарности.

– Мы выполним нашу сделку, Корамур. Не беспокойся.

Ранду припомнилось еще кое-что – один из тех вопросов, ради которых он и пришел сюда.

– Харине! Я хочу задать тебе довольно деликатный вопрос о твоём народе.

– Спрашивай, – с настороженностью произнесла она.

– Как Морской народ относится к мужчинам, способным направлять Силу?

Женщина помедлила, потом произнесла:

– Этого не следует знать сухопутникам.

Ранд посмотрел Харине в глаза.

– Если ты ответишь, взамен я отвечу на твой вопрос.

Лучший способ вести дела с Ата’ан Миэйр – не сила и угрозы, а торговля и обмен.

Она помолчала, потом сказала:

– Если ты ответишь мне на два вопроса, тогда я дам ответ.

– Я отвечу на один вопрос, Харине, – заявил Ранд, подняв палец. – Но обещаю отвечать как можно искренней. Уговор честный, и ты это знаешь. Сейчас у меня маловато терпения.

Харине коснулась пальцами своих губ:

– Ладно, договорились, и Свет тому свидетель.

– Договорились, – согласно обычаю, произнес Ранд. – Свет свидетель. Итак, каков ответ на мой вопрос?

– Мужчинам, способным направлять Силу, предоставляют выбор, – сказала Харине. – Они могут шагнуть с носа своего корабля, держа в руках камень, привязанный к ногам, либо их высажат на пустынном острове без воды и пищи. Второе считается более постыдным, но некоторые поступают именно так, чтобы ненадолго продлить себе жизнь.

По правде говоря, все это мало отличалось от того, как у него в стране обращались с такими мужчинами – подвергая их крошению.

– Саидин теперь очищена, – заявил он Харине. – От этого обычая нужно отказаться.

Харине поджала губы, разглядывая Ранда.

– Тот твой... человек говорил об этом, Корамур. Не всем будет легко это принять.

– Это правда, – твердо сказал он.

– Я не сомневаюсь, что ты в это веришь.

Ранд заскрежетал зубами и стиснул кулак, с трудом подавив очередную вспышку ярости. Он избавил саидин от порчи! Он, Ранд ал’Тор, совершил деяние, неслыханное со времен Эпохи легенд. И что в благодарность? Сомнения и подозрения. Большинство решило, что он теряет рассудок, а значит, никакого «очищения» и в помине не было.

Мужчинам, способным направлять Силу, никогда не доверяли. Однако только они могли подтвердить слова Ранда! Он воображал себе радость и восторг победы, но глубоко заблуждался. Некогда мужчины Айз Седай пользовались таким же уважением, как и наделенные подобным званием женщины, но было то давным-давно. Дни Джорлена Корбесана затеряны во времени. Все, что люди теперь помнят, – Разлом Мира и Безумие.

Таких мужчин ненавидели. Но все же, идя за Рандом, служили одному из них. Разве они не видят противоречия? Как убедить их, что больше нет причин убивать мужчин, способных коснуться Единой Силы? Они нужны ему! Среди тех, кого Морской народ швырнул в океан, мог оказаться еще один Джорлен Корбесан.

Ранд застыл на месте. Джорлен Корбесан был до Разлома Мира одним из самых талантливых Айз Седай, человеком, создавшим некоторые из наиболее удивительных тер'ангриалов, которые Ранд когда-либо видел. Вот только Ранд никак не мог их видеть. Это – воспоминания Льюса Тэрина, а не его. Исследовательская лаборатория Джорлена в Шероме была уничтожена, а сам он погиб в результате обратного выплеска Силы из Скважины.

«О Свет, – с отчаянием подумал Ранд. – Я теряю самого себя. Теряю себя в нем».

Самым ужасным и пугающим было то, что Ранд больше не мог заставлять себя прогонять Льюса Тэрина. Льюс Тэрин знал способ запечатать Скважину, пусть не идеально, но сам Ранд и вовсе не представлял, как подступиться к такой задаче. Весьма возможно, судьба всего мира зависит от воспоминаний давно умершего безумца.

На лицах окружающих Ранд вдруг заметил испуг, а взгляд Харине был одновременно неловким и слегка встревоженным. Ранд понял, что вновь что-то еле слышно бормочет, и сразу же умолк.

– Я принимаю твой ответ, – сухо промолвил он. – Каким будет твой вопрос?

– Я задам его позже, – сказала Харине. – Мне нужно время подумать.

– Как пожелаешь. – Ранд повернулся, и следом потянулась свита из Айз Седай, Дев и прочих сопровождающих. – Караульные проводят тебя в комнату и принесут вещи. – Пожитков у Харине оказалась целая гора. – Флинн, за мной!

Пожилой Аша'ман прыгнул в переходные врата, знаком велел последним носильщикам возвращаться на причал на той стороне. Затем портал свернулся в светящуюся полоску и исчез, и Флинн поспешил за Рандом, успев обменяться взглядами и улыбками с Кореле, которая связала его узами как своего Стража.

– Прошу простить, что возвращение затянулось, лорд Дракон. – У Флинна было обветренное лицо и редкие пучки волос на голове. Он походил на тех фермеров, которых Ранд знал в Эмондовом Лугу, хотя большую часть жизни тянул солдатскую лямку. Флинн пришел к Ранду, потому что хотел научиться Исцелению. Вместо этого Ранд превратил его в оружие.

– Ты сделал все, как приказано, – заметил Ранд, направляясь обратно к лугу. Ему хотелось взвалить на Харине вину за предрассудки целого мира, но это несправедливо. Нужен способ получше, надо найти способ *заставить* всех увидеть.

– Никогда не был силен в создании переходных врат, – продолжал Флинн. – Не то что Андрол. Нужно было...

– Флинн, – прервал его Ранд. – Хватит.

Аша'ман покраснел:

– Прошу прощения, милорд Дракон.

Кореле, шедшая рядом, тихонько засмеялась и похлопала Флинна по плечу.

– Не обращай внимания, Дамер, – сказала она с певучим мурандийским выговором. – Он все утро мрачнее зимней тучи.

Ранд метнул на нее сердитый взгляд, но она лишь добродушно улыбнулась. Независимо от того, что думали Айз Седай о способных направлять Силу мужчинах, те из них, кто взяли в Стражи Аша'манов, казалось, опекали и оберегали их, как мать ребенка. Она связала его узами, но это не отменяло факта, что Флинн был одним из его людей. Прежде всего – Аша'ман и лишь потом Страж.

– А что ты думаешь, Элза? – промолвил Ранд, поворачиваясь от Кореле к другой Айз Седай. – О порче и о том, что сказала Харине?

Круглолицая женщина помолчала, медля с ответом. Она шагала, заложив руки за спину, ее темно-зеленое платье украшала лишь легкая вышивка. Практичный наряд, но скромный для Айз Седай.

– Если милорд Дракон утверждает, что порча отчищена, – осторожно произнесла она, – негоже в этом сомневаться в присутствии других.

Ранд поморщился. Ответ, достойный Айз Седай. Дала она клятву или нет, Элза все равно поступала так, как ей заблагорассудится.

– Мы же обе были там, у Шадар Логота, – сказала Кореле, закатывая глаза. – Мы видели, что ты сделал, Ранд. К тому же я чувствую мужскую половину Силы через узы с Дамером. Она действительно изменилась. Порча исчезла. Это верно, как солнечный свет, хотя по ощущениям направлять мужскую половину все равно что бороться с ураганом.

– Да, – сказала Элза, – но даже будь так, ты должен понимать, как трудно в это поверить другим, милорд Дракон. Во Времена безумия десятилетия ушли на то, чтобы некоторые уяснили, что мужчины Айз Седай обречены сойти с ума. Вероятнее всего, чтобы преодолеть недоверие, укоренившееся в людях так прочно, потребуется еще больше времени.

Ранд стиснул зубы. Дойдя до небольшого холма у лагеря, возле самого вала, он начал взбираться на него; Айз Седай шли следом. Здесь была возведена короткая деревянная платформа – небольшая башня для стрельбы поверх вала.

Ранд остановился на вершине холма, и Девы окружили его. Несколько солдат отсалютовали ему, но юноша едва обратил на них внимание, обводя взглядом салдэйский лагерь с аккуратными рядами палаток.

И это все, что он оставит миру? Порча очищена, но мужчин по-прежнему убивают или изгоняют за то, в чем нет их вины, с чем они ничего поделать не могут. Он привязал к себе большинство стран. Но Ранд хорошо знал, что чем туже затянуть тюк, тем сильнее хлестнет обвязка, когда перережешь веревку. Что будет, когда он умрет? Войны и опустошение, сравнимые с Разломом Мира? В прошлом он не сумел помочь, так как его поглотили безумие и скорбь после смерти Илиены. Удастся ли ему предотвратить нечто подобное на этот раз? Есть ли у него выбор?

Он – та'верен. Узор обвивается и обретает форму вокруг него. Тем не менее, став королем, он очень быстро понял одно: чем больше у тебя власти, тем меньше ты контролируешь собственную жизнь. Долг воистину тяжелее горы; он направлял его руку столь же часто, что и пророчества. Или это одно и то же? Долг и пророчество? Его суть та'верена и его место в истории? Сможет ли он изменить свою жизнь? Будет ли после его ухода мир лучше, не оставит ли он страны и народы израненными, истерзанными и истекающими кровью?

Ранд смотрел на лагерь, на занятых своими делами людей, на лошадей, водивших мордами по земле в поисках зимней травы, которую они еще не успели сжевать до корней. Хотя Ранд приказал армии двигаться налегке, вместе с солдатами шло немало и других людей. Женщины, помогавшие со стряпней и стиркой, кузнецы и подковщики, заботившиеся о лошадях и снаряжении, мальчишки, разносившие послания и обучающиеся владеть оружием. Салдэя была страной Порубежья, а для народов Пограничных земель битвы занимали привычное место в жизни.

– Иногда я им завидую, – прошептал Ранд.

– Милорд? – спросил Флинн, шагнув ближе.

– Люди в лагере, – ответил Ранд. – Они делают, что им велено, каждый день исполняют приказы. Порой суровые приказы. Но все равно они куда свободнее, чем я.

– Чем вы, милорд? – сказал Флинн, потирая обветренную щеку узловатым пальцем. – Вы – самый могущественный человек из ныне живущих! Вы – та'верен. Подумать только, даже Узор подчиняется вашей воле!

Ранд покачал головой:

– Все не так, Флинн. Все эти люди... любой из них может сесть на лошадь и ускакать отсюда. Сбежать, если им вздумается. Оставить битву другим.

– В жизни я знал нескольких салдэйцев, милорд, – заметил Флинн. – Прошу прощения, но сомневаюсь, чтобы кто-то из них так поступил.

– Но они могли бы, – сказал Ранд. – У них есть такая возможность. Каковы бы ни были законы и клятвы, они свободны. А я... Мне кажется, что я могу поступать, как мне хочется, но связан я так крепко, что путы врезаются в мою плоть. Моя власть и влияние бессильны перед судьбой. Моя свобода – всего лишь иллюзия, Флинн. И поэтому я завидую им. Иногда.

Флинн заложил руки за спину, явно не зная, что ответить.

«Мы все делаем то, что должны, – всплыл в памяти Ранда голос Морейн. – Как велит Узор. У некоторых свободы меньше, чем у других. И нет разницы, сами мы выбираем или оказываемся избраны. Что должно быть, то обязательно случится».

Она понимала. «Я стараюсь, Морейн, – подумал Ранд. – Я сделаю то, что должен».

– Милорд Дракон! – раздался чей-то возглас.

Обернувшись, Ранд увидел, что на холм взбегает один из разведчиков Башира. Девы, не спуская с темноволосого юноши настороженных глаз, позволили ему приблизиться к Ранду.

– Милорд, – сказал разведчик, салютуя. – Возле самого лагеря обнаружены айильцы. Мы видели двоих в полумиле отсюда, они крались среди деревьев ниже по склону.

Пальцы Дев тотчас же пришли в движение – айильские воительницы оживленно переговаривались на своем тайном языке жестов.

– Никто из тех айильцев не помахал тебе, солдат? – сухо осведомился Ранд.

– Милорд? – удивился юноша. – Зачем им это делать?

– Это Айил. Если ты увидел их, значит они того хотели и значит это союзники, а не враги. Сообщи Баширу, что скоро мы встретимся с Руарком и Бэйлом. Пора навести порядок в Арад Домане.

Или, может быть, пришла пора его разрушить. Иногда бывает сложно отличить одно от другого.

– Планы Грендаль, – произнесла Мериса. – Расскажи еще раз, что тебе о них известно.

Высокая Айз Седай – из Зеленой Айя, как и сама Кадсуане, – сохраняла строгое выражение лица, руки сложены на груди, черные волосы удерживал воткнутый сбоку в прическу серебряный гребень.

Тарабонка хорошо подходила для того, чтобы вести допрос. По крайней мере, лучше из всех, кто имелся в распоряжении Кадсуане. Находясь рядом с одним из самых ужасных созданий на свете, Мериса не выказывала ни капли беспокойства и была неутомима в вопросах. Хотя проявляла несколько излишнее старание, стремясь продемонстрировать свою суровость. Это было заметно по тому, например, как сильно она затягивала свои волосы в узел или как выставляла напоказ своего Стража-Аша'мана.

Комната находилась на втором этаже доманийского особняка Ранда ал'Тора. Наружная стена была сложена из толстых круглых сосновых бревен, внутренние стены – из одинаковых досок, выкрашенных в коричневый цвет. Раньше тут располагалась спальня, а теперь отсюда убрали всю мебель, и на посыпанном песком дощатом полу не было даже коврика. По сути, единственным предметом обстановки являлся прочный стул, на котором сидела Кадсуане.

Она мелкими глотками пила чай, намеренно создавая вокруг атмосферу сдержанности. Это было важно особенно сейчас, когда от внутреннего спокойствия она была далека, как никогда. В данный момент, например, ей хотелось раздавить чашку в ладонях, а потом, наверное, еще и целый час топтать осколки ногами.

Кадсуане сделала еще глоток.

Источник ее недовольства и разочарованности – и объект допроса Мерисы – висел вниз головой, удерживаемый прядями Воздуха, со связанными за спиной руками. У пленницы были короткие волнистые волосы и темная кожа. Несмотря на обстоятельства, невозмутимостью на лице она не уступала Кадсуане. На ней было простое коричневое платье – подол, чтобы не

закрывал лицо, удерживался у ног прядью Воздуха. Узница была связана и ограждена щитом, но каким-то образом от нее исходило превосходство.

Мериса стояла перед пленницей. Кроме них, в комнате был лишь Нарিশма, прислонившийся спиной к стене.

Кадсуане допросом не руководила – пока что. Позволив другой задавать вопросы, она использовала эту возможность, чтобы думать и планировать. Щит вокруг пленницы удерживали находившиеся за стенами комнаты Эриан, Сарен и Несан – на две сестры больше, чем обычно считалось нужным.

С Отрекшимися нельзя рисковать.

Их пленницей была Семираг. Чудовище, которое многие считали просто легендой. Кадсуане не знала, какие из историй об этой женщине правдивы. Но она знала, что Семираг нелегко запугать, вывести из себя или манипулировать ею. В этом-то и заключалась проблема.

– Итак? – требовательным тоном спросила Мериса. – Я задала вопрос. У тебя есть на него ответ?

Семираг заговорила с ледяным презрением:

– Тебе известно, что происходит с человеком, если его кровь заменить на другую жидкость?

– Я не...

– Разумеется, он умрет, – как ножом отрезала Семираг. – Часто смерть происходит мгновенно, но быстрая смерть неинтересна. Посредством экспериментов я обнаружила, что некоторые растворы заменяют кровь более эффективно, позволяя подопытному прожить после переливания еще, пусть и недолго.

Она замолчала.

– Отвечай на вопрос, – сказала Мериса, – или я снова вывешу тебя из окна и...

– Сама трансфузия, естественно, требует использования Силы, – снова перебила ее Семираг. – Другие методы недостаточно быстры. Я сама изобрела нужное плетение. Оно способно внезапно и мгновенно удалить кровь из тела и поместить в другой сосуд, одновременно влив требуемый раствор в вены.

Мериса заскрежетала зубами, бросив взгляд на Нарিশму. Аша'ман, как обычно, был одет в черные штаны и куртку, его длинные темные волосы были заплетены в косы с колокольчиками на концах. Он стоял, привалившись к бревенчатой стене. У него было юное лицо, но от Аша'мана веяло опасностью. Возможно, это результат тренировок с другими Стражами Мерисы. Возможно, сказалось общение с людьми, способными допрашивать Отрекшуюся.

– Предупреждаю... – снова начала Мериса.

– Один из объектов прожил после переливания целый час, – сообщила Семираг спокойным, непринужденным тоном, – что я считаю одним из крупнейших своих достижений. Разумеется, все это время он испытывал боль. Настоящую боль, агонию, которую он ощущал в каждом участке своего тела, до мельчайших сосудов в кончиках пальцев. Я не знаю иного способа создать такую одновременную и всеохватывающую пытку.

Она встретила взглядом с Мерисой:

– Когда-нибудь я продемонстрирую тебе это плетение.

Мериса – едва заметно – побледнела.

Резко взмахнув рукой, Кадсуане сплела щит Воздуха вокруг головы Семираг, чтобы та ничего не слышала, затем создала две маленькие сферы из Огня и Воздуха и поместила их перед глазами Отрекшейся. Зависшие перед Семираг огненные шары были не настолько яркими, чтобы ослепить или повредить ей зрение, но видеть окружающее не позволяли. Это был особый прием Кадсуане. Слишком многие сестры лишали пленников возможности слышать, но оставляли им способность видеть. Никогда не знаешь, умеет ли кто читать по губам, а Кадсуане не склонна была ни в коей мере недооценивать свою нынешнюю пленницу.

Мериса бросила на Кадсуане взгляд, в котором читалось раздражение.

– Ты теряешь над ней контроль, – твердо заявила Кадсуане, поставив чашку на пол рядом со стулом.

Мериса, помешкав, кивнула. Выглядела она всерьез рассерженной. Скорее всего, на саму себя.

– Эта женщина... – произнесла она. – Ничем ее не проймешь. Она не меняет тона, что бы мы с ней ни делали. На любую экзекуцию, какую я придумываю, в ответ лишь еще больше угроз. Каждая ужаснее предыдущей! О Свет!

Мериса снова стиснула зубы, сложила руки и глубоко вдохнула и выдохнула через нос. Нарিশма выпрямился, словно собираясь подойти к ней, но она жестом велела ему оставаться на месте. Мериса была достаточно строга со своими Стражами, но никому другому не позволяла ставить их на место.

– Мы можем сломить ее.

– Ты так думаешь, Кадсуане?

– Пфф! Конечно можем. Она – человек, как и любой другой.

– Это верно, – согласилась Мериса. – Но она живет уже три тысячи лет. Три тысячи лет, Кадсуане.

– Большую часть из которых она провела в заточении, – отметила Кадсуане, презрительно фыркнув. – Века, проведенные в узилище Темного, скорее всего, в состоянии транса или своеобразной спячки. Вычти эти годы, и она окажется не старше любой из нас. Я бы сказала, даже помладше некоторых.

Это был легкий намек на собственный возраст Кадсуане, хотя среди Айз Седай эта тема редко обсуждалась. Подобный поворот в разговоре, по сути, свидетельствовал о том, насколько неуютно чувствовала себя Мериса в присутствии Отрекшейся. Айз Седай хорошо умели сохранять внешнее спокойствие, но не зря Кадсуане оставила державших щит сестер за дверью. Слишком многое они выдавали. Даже обычно непоколебимая Мериса слишком часто теряла самообладание во время этих допросов.

Конечно, Мериса и прочие – как и все женщины в Башне в нынешние дни – были далеки от истинных Айз Седай. Им, более молодым, позволили стать мягкими и слабыми, склонными к мелким раздорам. Некоторые позволили себя так запугать, что согласились присягнуть на верность Ранду ал'Тору. Иногда Кадсуане жалела, что не может назначить им всем какое-нибудь наказание на срок в несколько десятилетий.

Или, быть может, дело в ее собственном возрасте. Старость делала Кадсуане все более нетерпимой к глупости. Более двухсот лет назад она поклялась себе, что доживет до Последней битвы, сколько бы времени это ни потребовало. Использование Единой Силы продлевало годы, и она обнаружила, что решительность и настойчивость способны продлить их еще больше. Она была в числе старейших из живущих ныне людей.

К сожалению, годы научили ее, что никакая целеустремленность или искусство планирования не сделают жизнь такой, какой хочешь, но это несколько не ослабляло ее раздражения. Можно было подумать, что годы также научат ее терпению, но все оказалось наоборот. Чем старше она становилась, тем меньше была настроена ждать, потому что знала, что лет осталось немного.

Любой, кто утверждает, будто старость наделила его терпением, либо лжет, либо выжил из ума.

– Ее *можно* сломить, и мы это сделаем, – повторила Кадсуане. – Я не позволю ей, знающей плетения из Эпохи легенд, вынудить нас казнить ее. Мы вытянем из нее все крупницы знания, даже если против нее придется обратиться кое-какие из ее собственных «изобретательных» методов.

– Ай’дам. Если б только лорд Дракон разрешил применить его на ней... – промолвила Мериса, покосившись на Семираг.

Если когда-либо у Кадсуане возникало искушение нарушить слово, то именно сейчас. Надеть ай’дам на эту женщину... но нет – чтобы заставить кого-то говорить с ай’дам на шее, нужно причинить ему боль. Это равноценно пыткам, а ал’Тор запретил их.

Огни Кадсуане заставили Семираг закрыть глаза, но она по-прежнему оставалась спокойна и невозмутима. Что творится в голове у этой женщины? Ждет ли она спасения? Хочет ли заставить их казнить ее, чтобы избежать настоящей пытки? Или она действительно полагает, что сумеет сбежать и отомстить Айз Седай, допрашивавшим ее?

Скорее всего, последнее – и трудно не почувствовать угрозу в ее словах. Эта женщина знала о Единой Силе то, что не сохранилось даже в легендах. Три тысячи лет – это много, очень много. Под силу ли Семираг неизвестным способом взломать отгораживающий ее щит? Если она может так поступить, то почему еще не сделала этого? Кадсуане не успокоится, пока не напоит ее отваром корня вилочника.

– Можешь снять свои плетения, Кадсуане. – Мериса встала. – Я взяла себя в руки. Боюсь, нам придется вывесить ее за окно на какое-то время, как я и говорила. Может, мы сумеем пригрозить ей болью. Не может же она знать о глупых распоряжениях ал’Тора.

Кадсуане подалась вперед, распуская плетения, чтобы погасить светящиеся сферы перед глазами Отрекшейся, но не снимая щит Воздуха, не позволявший той слышать. Семираг сразу же открыла глаза и быстро нашла взглядом Кадсуане. Да, она знала, кто всем руководит. Две женщины скрестили взгляды.

Мериса продолжила, повторяя вопросы о Грендаль. Ал’Тор считал, что вторая Отрекшаяся находится где-то в Арад Домане. Кадсуане же гораздо больше интересовало другое, но для начала сгодятся и сведения о Грендаль.

На сей раз вопросы Мерисы Семираг встречала полным молчанием, и Кадсуане поймала себя на том, что размышляет об ал’Торе. Мальчишка сопротивлялся ее урокам так же упрямо, как Семираг – допросу. Правда, кое-чему он научился – как относиться к ней с долей уважения и как хотя бы казаться вежливым. Но не более.

Кадсуане терпеть не могла признавать поражения. Это еще не было провалом – пока нет, – но она была близка к неудаче. Мальчику суждено уничтожить мир. И возможно, спасти его. Первое было неизбежным; второе зависело от многих условий. Хотелось бы ей, чтобы было наоборот, но от желаний не больше пользы, чем от деревянных монет. Можно раскрасить их как угодно, но они все равно останутся деревянными.

Кадсуане стиснула зубы, выбрасывая из головы всякие мысли об ал’Торе. Ей нужно наблюдать за Семираг. Любое слово этой женщины может стать подсказкой. Семираг тоже смотрела на нее, не обращая внимания на Мерису.

Как сломить одну из самых могущественных женщин в истории? Женщину, которая творила бесчисленные злодеяния в давние дни чудес, даже еще до освобождения Темного? Заглянув в эти черные глаза, Кадсуане кое-что поняла. Запрет ал’Тора на причинение боли Семираг бессмыслен. Без боли ее не сломить. Семираг была великой мучительницей среди Отрекшихся, ее привлекали смерть и страдания.

Нет, и тогда эта женщина не поддастся, даже будь у Кадсуане разрешение прибегнуть к подобному способу. Глядя в эти глаза, Кадсуане с холодной дрожью подумала, что видит в Семираг нечто от себя самой. Возраст, изобретательность и нежелание сдаваться.

Значит, тогда остается вопрос к самой Кадсуане. Если бы перед ней встала такая задача, как Кадсуане сломила бы себя?

Мысль была настолько пугающей, что она испытала облегчение, когда через несколько секунд допрос прервала Кореле. Стройная жизнерадостная мурандийка была верна Кадсуане, и та поручила ей сегодня следить за ал’Тором. Известие Кореле о том, что ал’Тор скоро встре-

тится с вождями Айил, положило конец допросу. Три сестры, державшие щит, вошли в комнату и увели Семираг в ее узилище; там ее свяжут и заткнут рот прядями Воздуха.

Кадсуане проводила взглядом Отрекшуюся, крепко спутанную арканом из прядей Воздуха, и покачала головой. С Семираг день только начался. Пора разобраться с мальчишкой.

Глава 6

Когда плавится железо

Родел Итуралде видел много полей сражений. Все они были похожи. Мертвые тела, сваленные в кучи, точно мешки с тряпьем. Вброды, предвкушающие пир. Стоны и крики, плач и бессвязное бормотание тех, кому не повезло и пришлось дольше дожидаться смерти.

Но каждое поле битвы по-своему неповторимо. По нему можно определить ход сражения – как охотник читает следы преследуемого зверя. Неестественно ровные ряды тел – там, где на атакующую пехоту обрушились ливни стрел. Тут – разбросанные и затоптанные тела пеших воинов, столкнувшихся с тяжелой кавалерией. В этом сражении несметное число шончан было прижато к стенам Дарлуны, где они отчаянно сражались. Чуть ли не вбиты в камень. В том месте, где кто-то из дамани пытался сбежать в город, часть стены была разрушена полностью. Сражение на улицах и среди домов обернулось бы в пользу шончан. Прорваться туда они не успели.

Итуралде, верхом на своем чалом мерине, пробирался через хаос. Битва всегда бывает хаосом. Аккуратными сражения выглядят только в сказаниях и в исторических книгах, когда все лишнее отсечено и вычищено старательными руками хронистов, которым нужна лаконичность. «Захватчик одержал победу, потери составили пятьдесят три тысячи человек» или «Оборона выстояла, погибло двадцать тысяч».

Что напишут об этой битве? Все зависит от того, кто будет писать. Вряд ли станут писать о крови, впитавшейся в почву и превратившей поле в болото. Об изуверных, пронзенных и растерзанных телах. О земле, взрытой полосами после ударов разъяренных дамани. Возможно, они запомнят цифры; по-видимому, цифры нередко важны для летописцев. Полегла половина из сотысячного войска Итуралде. В другом бою пятьдесят тысяч павших вызвали бы в нем стыд и ярость. Но он вступил в бой с армией, в три раза превосходящей его войско числом, и к тому же у противника были дамани.

Итуралде следовал за разыскавшим его юным гонцом, мальчишкой лет, наверное, двенадцати, в шончанской красно-зеленой униформе. Они миновали упавший штандарт; полотнище свисало со сломанного древка, воткнутого в землю. На стяге была эмблема: солнце и поверх него шесть парящих чаек. Итуралде терпеть не мог, когда не знал гербов и имен тех, с кем сражался, но откуда ему быть осведомленным о гербах и значках шончан, явившихся невесть откуда из-за океана.

Тени от гаснущего вечернего солнца расчерчивали поле. Скоро тьма укроет тела, и выжившие смогут ненадолго притвориться, что травянистая равнина стала могилой для их друзей. И для людей, которых их друзья убивали. Итуралде обогнул пригорок, приближаясь к месту, где тела павших элитных шончанских бойцов составляли причудливый рисунок. На большинстве погибших были те необычные шлемы, напоминавшие видом головы насекомых. Погнутые, треснувшие, помятые. Из щелей между искривленными жвалами невидяще смотрели мертвые глаза.

Шончанский военачальник еще дышал. Он был без шлема, на губах запеклась кровь. Он полулежал, привалившись к большому, заросшему мхом валуну; под спину, словно бы на привале, подсунут свернутый плащ. Все впечатление портили вывернутая нога и торчавшее из живота обломанное древко копья.

Итуралде спешил. Как и у большинства его солдат, на нем была одежда работника – простые коричневые штаны и куртка, позаимствованные у человека, который в соответствии с планом надел форму Итуралде.

Без униформы он чувствовал себя непривычно. К тому же такой человек, как генерал Туран, не заслуживал солдата-оборванца. Итуралде жестом велел юному гонцу оставаться подальше в стороне, чтобы не слышать разговора военачальников, и подошел к шончанину в одиночку.

– Значит, это ты, – по-шончански тягуче выговаривая слова, Туран поднял взгляд на Итуралде. Он был коренаст и невысок, с острым носом. Короткие черные волосы были выбриты на два пальца на висках и над ушами, шлем с плюмажем из трех белых перьев лежал на земле рядом. Он потянулся нетвердой рукой в черной перчатке к лицу и стер кровь, сочащуюся из уголка рта.

– Я, – отозвался Итуралде.

– В Тарабоне тебя зовут «великим капитаном».

– Это так.

– Заслуженно, – сказал Туран, кашляя. – Как тебе удалось? Наши разведчики... – Он снова зашелся кашлем.

– Ракены, – произнес Итуралде, когда кашель шончанина стих. Он присел на корточки рядом со своим врагом. Над горизонтом на западе еще виднелся краешек солнца, озарявший поле битвы красно-золотым светом. – Твои разведчики глядят с воздуха, а на расстоянии правду легко скрыть.

– Армия позади нас?

– В основном женщины и юноши, – сказал Итуралде. – И много крестьян. Одеты в форму моих солдат.

– А если бы мы повернули и атаковали?

– Не повернули бы. Твои ракены сообщили, что то войско превосходит тебя числом. Лучше преследовать меньшую армию впереди. Еще лучше направиться к городу, который, как тебе доложили, почти не защищен. Даже если долгий марш измотает твоих солдат.

Туран кивнул и снова закашлялся.

– Да. Да, но город был пуст. Как твои люди оказались там?

– С воздуха разведчики, – сказал Итуралде, – не в состоянии увидеть, что находится внутри зданий.

– Ты приказал своим солдатам прятаться в домах? Так долго?

– Да, – сказал Итуралде. – Позволяя небольшим группам поочередно каждый день работать на полях.

Туран недоверчиво покачал головой.

– Ты же понимаешь, что наделал, – сказал он. В голосе шончанского военачальника не слышно было угрозы. Напротив, прозвучало явное восхищение. – Верховная леди Сюрот ни за что не смирится с этим поражением. Теперь она обязана уничтожить тебя, хотя бы для того, чтобы сохранить лицо.

– Знаю, – отозвался Итуралде, вставая. – Но я не могу прогнать вас, нападая на ваши крепости. Мне нужно, чтобы вы пришли ко мне.

– Ты не понимаешь, сколько у нас войск... – промолвил Туран. – То, что ты уничтожил сегодня, – легкий ветерок по сравнению с бурей, которую ты накликал. Уцелело немало моих людей, они расскажут о твоих уловках. Второй раз эти трюки не сработают.

Туран был прав. Шончан учились быстро. Итуралде вынужден был прекратить рейды в Тарабон из-за стремительных ответных действий шончан.

– Ты же знаешь, что тебе нас не одолеть, – тихо произнес Туран. – Я вижу это в твоих глазах, великий капитан.

Итуралде кивнул.

– Почему же тогда? – спросил Туран.

– Почему ворон летает? – ответил вопросом Итуралде.

Туран слабо кашлянул.

Итуралде и в самом деле понимал, что не в состоянии выиграть войну против шончан. Странно, но каждая новая победа лишь подкрепляла уверенность Итуралде в окончательном поражении. Шончан были умны, хорошо экипированы и замечательно вымуштрованы. Более того, они были настойчивы и упрямы.

Должно быть, едва только открылись ворота, Туран и сам понял, что обречен. Но не сдался; он сражался до тех пор, пока его войска не были разбиты и не разбежались во все стороны, так что у измотанных солдат Итуралде уже не оставалось сил их преследовать. Туран понимал. Иногда сдаваться не имеет смысла. Умирать никому не хочется, но для солдата есть участь и гораздо хуже, и горше. Отдать свою землю на милость захватчика... Итуралде не смог бы так поступить. Даже если битву невозможно выиграть.

Он делал то, что было нужно и когда это было нужно. И сейчас Арад Доман должен был сражаться. Они потерпят поражение, но их дети всегда будут помнить, что отцы не сдались без боя. Эта стойкость сыграет свою роль через сто лет, когда начнется восстание. Если начнется.

Итуралде поднялся, собираясь вернуться к ожидавшим его солдатам.

Туран с трудом дотянулся до своего меча. Итуралде остановился и снова повернулся к шончанскому военачальнику.

– Сделаешь? – спросил Туран.

Итуралде кивнул, обнажая собственный меч.

– Это честь для меня, – сказал Туран, закрывая глаза.

Через мгновение клинок Итуралде – отмеченный знаком цапли – снял голову с его плеч. На мече Турана тоже стояло клеймо в виде цапли – едва заметное на той части поблескивающего клинка, которую тому хватило сил вытянуть из ножен. Жаль, что им не довелось скрестить мечи – хотя то, что происходило последние несколько недель, и было их поединком, пусть и иного масштаба.

Итуралде очистил меч от крови и плавным движением убрал снова в ножны. Напоследок он целиком вытащил клинок Турана и с силой вонзил его в землю рядом с поверженным генералом. Затем Итуралде вскочил на коня, кивком попрощался с мальчишкой-гонцом и поскакал обратно через усеянное телами поле, которое укрыли тени.

Вбóроны приступили к трапезе.

– Я пыталась завлечь нескольких слуг и караульных из гвардии Башни, – тихо промолвила Лиане, сидевшая возле прутьев своей тюремной клетки. – Но это сложно. – Она улыбнулась Эгвейн, устроившейся на табурете по другую сторону решетки. – Сейчас я не чувствую себя привлекательной.

Эгвейн кисло улыбнулась в ответ – она вполне ее понимала. Лиане была в том же платье, в котором ее захватили, и оно до сих пор оставалось без надлежащей стирки. Каждое третье утро Лиане раздевалась и полоскала платье в выдаваемом ей ведре воды – после того как сама обтиралась мокрой тряпкой. Но это все, что можно было сделать без мыла. Чтобы придать волосам опрятный вид, она заплетала волосы в косу, но с обломанными ногтями ничего поделать не могла.

Лиане вздохнула, вспоминая, как приходится по утрам стоять нагишом, прячась в дальнем углу камеры, и ждать, пока высохнут платье и сорочка. То, что она доманийка, еще не значит, что ей нравится разгуливать в чем мать родила. Соблазнение требует мастерства и деликатности; обнаженное тело этому ни в коей мере не способствует.

Камера Лиане была не так уж плоха – для подземной темницы. У нее были лежанка, еда, достаточно воды и ночной горшок, который ежедневно меняли. Но ее никогда не выпускали наружу, и ее всегда охраняли две сестры, удерживавшие щит. Единственным человеком, кто

навещал ее – не считая тех, кто пытался вывести у Лиане сведения о Перемещении, – была Эгвейн.

Амерлин сидела на табурете с задумчивым видом. Она действительно была Амерлин. Невозможно считать ее кем-то иным. Как могло это юное дитя научиться так быстро? Эта гордая осанка, это сдержанное выражение лица. Владеть ситуацией – не столько обладать властью, сколько заставлять думать, что ты ею обладаешь. На самом деле это во многом схоже с тем, как нужно вести себя с мужчинами.

– Ты... слышала что-нибудь? – спросила Лиане. – О том, что меня ждет?

Эгвейн покачала головой. На скамье неподалеку, в свете лампы на столе, сидели и беседовали две Желтые сестры. Ни на один вопрос тех, кто захватил ее, Лиане не ответила, а закон Башни был очень строг в том, что касалось допроса сестер. Ей не могли причинить боль, особенно с применением Силы. Но могли оставить ее гнить здесь навеки.

– Спасибо, что приходишь ко мне по вечерам, – сказала Лиане, протянув руку сквозь прутья и беря Эгвейн за руку. – Наверное, только благодаря тебе я еще не сошла с ума.

– Мне это в радость, – промолвила Эгвейн, хотя во взгляде можно было уловить крайнюю усталость, которую она, вне всяких сомнений, испытывала. Сестры, приходившие к Лиане, упоминали о порке, которой подвергают Эгвейн «в искупление» за непокорность. Странно, что послушницу, находящуюся в обучении, можно бить, но узницу на допросе – нет. И, несмотря на боль, Эгвейн приходила к Лиане практически каждый вечер.

– Я добьюсь твоего освобождения, Лиане, – пообещала Эгвейн, продолжая сжимать ее руку. – Тирания Элайды не продлится вечно. Теперь я уверена, что конец ее власти близок.

Лиане кивнула, отпуская пальцы и вставая. Эгвейн ухватила за прутья и поднялась на ноги, едва заметно поморщившись. Она кивнула Лиане на прощание и вдруг замерла в недоумении.

– Что? – спросила Лиане.

Нахмурившись, девушка отпустила решетку и посмотрела на свои ладони. Они словно бы покрылись поблескивающей воскообразной массой. Лиане ошеломленно глядела на прутья, заметив на железе отпечатки рук Эгвейн.

– Что, во имя Света... – промолвила Лиане, ткнув пальцем металлический прут. Тот поддался, словно теплый воск на ободке подсвечника.

Внезапно камни под ногами Лиане всколыхнулись, и она почувствовала, что будто бы тонет. Она вскрикнула. С потолка полились капли расплавленного воска, разбиваясь у нее на лице. Они не были теплыми и не обжигали, но были жидкими. И у них был цвет камня!

Лиане ахнула, оступившись и теряя равновесие, запаниковала, скользя по поплывшему под ступнями полу. Ноги все глубже увязали в разжижавшемся камне. Чья-то рука схватила ее, и она увидела, что ее держит Эгвейн. Путь таяли на глазах, расплываясь в стороны и стекая вниз.

– Помогите! – крикнула Эгвейн Желтым. – Чтоб вам сгореть, не стойте столбами!

Перепуганная Лиане пыталась найти опору и подтянуться по решетке к Эгвейн. Руки наткнулись лишь на воск. Комок железа остался у нее в кулаке, просочившись между пальцами; пол прогнулся воронкой, засасывая Лиане.

А потом потоки Воздуха подхватили женщину, выдергивая из западни. Комната накренилась, Лиане швырнуло на Эгвейн, сбив девушку с ног. Обе Желтых – беловолосая Музарин и невысокая Геларна – вскочили на ноги, их окружало сияние саидар. Музарин звала на помощь, огромными глазами глядя на тающую темницу.

Лиане сползла с Эгвейн, поднялась и, пошатываясь, отступила в сторону от клетки, ее платье и ноги были облеплены всё тем же странным воском. В коридоре пол казался прочным. О Свет, как же ей хотелось самой обнять Источник! Но, даже не будь счита, она все равно была опоена корнем вилочника.

С помощью Лиане Эгвейн тоже поднялась на ноги. Все затихло, лишь подрагивал огонек лампы. Все не сводили глаз с клетки. Таять решетка прекратила, в середине металлических прутьев как не бывало; на оплывших, точно сосульки, остатках решетки наверху застыли капельки стали. Нижние половины прутьев были загнуты внутрь, многие из них при освобождении Лиане оказались придавлены к каменным плитам и расплющены. Ровный пол внутри решетчатой клетки растянулся и изогнулся к центру, приняв форму огромной воронки. Там, где за камень пыталась ухватиться Лиане, на нем остались борозды.

Лиане стояла с колотящимся сердцем, осознав, что прошло всего несколько секунд. Что им делать? В страхе убежать? А если весь коридор тоже начнет таять?

Шагнув вперед, Эгвейн стукнула носком туфли по пруту решетки. Тот не поддался. Лиане сделала было шаг, и ее платье *захрустело* – с него, как известно, сыпалась каменная крошка. Она наклонилась отряхнуть подол и почувствовала, что его покрывает не воск, а твердый камень.

– Подобные вещи происходят все чаще, – спокойно сказала Эгвейн, глядя на двух Желтых. – Силы Темного растут. Близится Последняя битва. Что предпринимает ваша Амерлин?

Музарин посмотрела на девушку. Высокая пожилая Айз Седай выглядела не на шутку встревоженной. Лиане подошла к Эгвейн и встала рядом с Амерлин, заставляя себя, взяв с нее пример, успокоиться. Каменная крошка продолжала осыпаться с ее платья.

– Э-э... Тебе, послушница, – произнесла Музарин, – пора вернуться в свою комнату. А ты... – Она оглядела Лиане, потом перевела взор на то, во что превратилась камера. – Нам... придется найти тебе другое место.

– И полагаю, дать мне новое платье, – произнесла Лиане, складывая руки на груди.

Музарин бросила быстрый взгляд на Эгвейн.

– Ступай, дитя мое. Тебе здесь больше нечего делать. Мы позаботимся о заключенной.

Эгвейн скрипнула зубами, но потом повернулась к Лиане.

– Будь сильной, – сказала она и быстрым шагом удалилась по коридору.

Уставшая и встревоженная появлением пузыря зла, корящего камень, Эгвейн шла, шелестя юбками, к крылу Башни, где располагались комнаты послушниц. Что же нужно, чтобы убедить этих глупых женщин, что для пустых пререканий уже не осталось времени!

Час был поздний, и в коридорах Эгвейн встречалось мало сестер и ни одной послушницы. Мимо девушки, шурша по выложенному плитками полу мягкой обувью, торопливо прошли несколько слуг и служанок, очевидно спешивших по поздним делам. В этой части Башни жили многие, и поэтому на стенах горели тусклые лампы, дающие оранжевый свет. Мерцающее пламя отражалось в сотнях разноцветных отполированных плиток, словно в глазах, следящих за идущей по переходам Эгвейн.

В голове с трудом укладывалось, что этот тихий вечер обернулся западней, которая чуть не погубила Лиане. Если самой земле нельзя доверять, то чему можно? Эгвейн покачала головой, слишком уставшая, слишком измученная, чтобы немедленно начать искать решение. Девушка почти не заметила, когда плитки пола из серых превратились в темно-коричневые. Она просто шагала, все дальше по коридору, считая двери. Ее была седьмая...

Эгвейн встала как вкопанная, недоуменно хмурясь. Совсем недавно она видела двух Коричневых сестер – салдэйку Менадрин и Нигайн. Переговариваясь приглушенным шепотом, они проводили Эгвейн подозрительными взглядами. Что они делают в крыле послушниц?

Погодите-ка. В помещениях, отведенных послушницам, пол был не коричневым. Там должны быть невыразительные серые плитки. И двери тут в коридоре отстояли друг от друга слишком далеко. Это вообще не похоже на половину послушниц! Неужели она так устала, что забралась совершенно не туда?

Девушка повернула обратно, снова миновав двух Коричневых, потом нашла окно и выглянула наружу. Перед ее глазами, как и следовало, предстал прямоугольник белой стены Башни. Значит, она не заблудилась.

Она озадаченно обернулась, оглядывая коридор. Темноглазая Менадрин сложила руки на груди, рассматривая Эгвейн. Нигайн, высокая и худощавая, приблизилась к Эгвейн.

– Что ты забыла здесь в такое позднее время, дитя мое? – требовательно спросила она. – Тебя вызвала сестра? Тебе давно пора вернуться к себе и лечь спать.

Эгвейн, не говоря ни слова, указала на вид за окном. Нигайн недовольно повернула голову к окну и застыла, тихо ахнув. Коричневая сестра окинула взглядом коридор, потом снова посмотрела за окно, будто не в силах поверить, где она находится.

Через несколько минут всю Башню будто безумие охватило. Эгвейн, о которой все забыли, стояла у стены коридора в компании сонных, мало что понимающих послушниц, пока сестры возбужденно спорили, стараясь решить, что же следует делать. Получалось, что две части Башни поменялись местами и спящие Коричневые сестры перенеслись с верхних этажей своего крыла на нижние. Кельи послушниц оказались там, где раньше находились покои Коричневых. Никто не почувствовал ни движения, ни колебаний, и перемещение, казалось, произошло совершенно незаметно. Ровно разделенные плитки одной секции Башни без всякого шва или зазора сливались с плитками другой.

«Становится все хуже и хуже», – подумала Эгвейн. Коричневые сестры решили пока что смириться с произошедшей переменой. Нельзя же переселить сестер из их апартаментов в тесные клетушки послушниц.

Таким образом, Коричневые сестры оказались разделены – половина на новом месте, а половина в прежнем крыле, вместе с угодившими между ними комнатками послушниц. Разделение метко отражало другой незримый раскол, от которого страдали все Айя.

Вскоре совершенно измотанную Эгвейн и всех прочих отправили спать – хотя теперь, чтобы добраться до постели, ей пришлось преодолеть не одну лестницу.

Глава 7

План для Арад Домана

Надвигается гроза, – заметила Найнив, выглядывая из окна особняка.

– Да, – отозвалась Дайгиан, сидевшая на стуле возле камина. Она даже не потрудилась посмотреть в окно. – Думаю, ты права, дорогая моя. Такое чувство, будто тучи висят уже много недель!

– Всего лишь вторую, – заметила Найнив, придерживая рукой длинную темную косу. Она взглянула на Дайгиан. – Я уже десять дней не видела даже клочка чистого неба.

Дайгиан нахмурилась. Полная женщина, с округлой фигурой, она была из Белой Айя и носила на лбу, как когда-то Морейн, украшение с драгоценным камнем. Только у Дайгиан это был подходящий по цвету ее Айя белый лунный камень. Подобный обычай, очевидно, был связан с происхождением Белой сестры из кайриэнской знати, как и четыре цветных разреза на ее платье.

– Десять дней, говоришь? – переспросила Дайгиан. – Ты уверена?

Найнив не сомневалась. Она хорошо разбиралась в погоде, это входило в ее обязанности деревенской Мудрой. Теперь она была Айз Седай, но это ничего не меняло. Погода всегда присутствовала в уголке ее сознания. В шепоте ветра она угадывала дождь, солнце или снег.

Но в последнее время эти ощущения были далеки от шепота. Они больше походили на далекие крики, которые становились все громче. Или как будто волны бились друг о друга, где-то далеко на севере, и их было все труднее не замечать.

– Что ж, – произнесла Дайгиан, – уверена, это не единственный период в истории, когда облачность держалась десять дней!

Найнив покачала головой, теребя косу.

– Это ненормально, – сказала она. – И эти хмурые небеса – не та гроза, о которой я говорю. Буря еще далека, но приближается. И она будет ужасна. Страшнее, чем любая на моей памяти. Намного страшнее.

– Ну что ж, – сказала Дайгиан с легким беспокойством, – мы разберемся с ней, когда она придет. Ты не присядешь, чтобы мы могли продолжить?

Найнив взглянула на пухлую Айз Седай. Дайгиан крайне слабо владела Силой. Возможно, Белая сестра была слабейшей Айз Седай из всех, кого знала Найнив. По традиционным – хоть и неписаным – правилам это означало, что Найнив должна занимать ступень выше.

К сожалению, положение Найнив оставалось по-прежнему спорным. Эгвейн возложила на нее шаль указом, точно так же как и на Илэйн: положенного испытания Найнив не проходила и не давала обетов на Клятвенном жезле. Для большинства – даже для тех, кто признавал Эгвейн истинной Амерлин, – эти упущения не позволяли считать Найнив полноправной Айз Седай. Уже не принятая, но едва ли равная сестре.

Особую сложность представляли сестры, державшиеся при Кадсуане, поскольку они не примкнули открыто ни к Белой Башне, ни к мятежникам. Еще труднее было с сестрами, присягнувшими Ранду, – большинство из них сохраняли верность Башне, не видя проблемы в том, чтобы поддерживать обоих – и Элайду, и Ранда. Найнив до сих пор не могла уразуметь, о чем думал Ранд, когда позволил сестрам принести ему клятву верности. Она несколько раз объясняла ему, какую ошибку он допустил, и приводила логичные аргументы, но сейчас с ним разговаривать – все равно что с камнем. Хотя даже камень не был бы так упрям и невыносим.

Дайгиан же все ждала, когда Найнив сядет. Дабы не провоцировать столкновение характеров, Найнив наконец села. Дайгиан до сих пор переживала потерю своего Стража – Аша'мана

Эбена, – погибшего в битве с Отрекшимися. В том сражении Найнив была полностью поглощена тем, что передавала Ранду для его плетений огромные потоки саидар.

До сих пор Найнив помнила восхитительный восторг – от ошеломляющей силы, пьянящей эйфории и невероятно полного ощущения жизни, – которое владело ею, когда она пропускала через себя эту огромную мощь. Это чувство пугало ее. Найнив была рада, что тер'ангриал, которым она воспользовалась, чтобы прикоснуться к этой силе, оказался разрушен.

Но мужской тер'ангриал оставался по-прежнему цел и невредим – ключ, открывающий доступ к могущественному *са'ангриалу*. Насколько знала Найнив, Ранд не сумел убедить Кадсуане вернуть ему артефакт. Да ей и не следует его возвращать. Ни один человек, даже Дракон Возрожденный, не должен направлять такой громадный объем Единой Силы. Слишком велик соблазн того, что с ним можно сделать...

Она же говорила Ранду, что о ключе нужно забыть. Все равно что об камень горох. Большой непробиваемый рыжеволосый болван. Железный болван с каменным лицом. Найнив тихо фыркнула, и это заставило Дайгиан приподнять бровь. Белая сестра хорошо скрывала свою душевную боль, но Найнив – чья комната в доманийском особняке располагалась по соседству с комнатой Дайгиан – слышала, как та плачет по ночам. Терять Стража всегда очень тяжело.

«Лан...»

Нет, лучше сейчас о нем не думать. С Ланом все будет в порядке. Опасность грозит ему только в конце пути длиной в тысячи миль. Там он был намерен броситься на Тень, точно одинокая стрела, выпущенная в каменную стену...

«Нет! – оборвала себя Найнив. – Он не будет один. Я уже позаботилась об этом».

– Хорошо, – промолвила Найнив, заставляя себя собраться, – продолжим.

Она не подчинялась Дайгиан. Она делала одолжение, отвлекая ее от скорби. Таковы, по крайней мере, были объяснения Кореле. Эти встречи нужны вовсе не Найнив. Ей нечего доказывать. Она – Айз Седай, что бы другие об этом ни думали и ни предполагали.

Все предпринимается лишь для того, чтобы помочь Дайгиан. И все. Ничего больше.

– Вот восемьдесят первое плетение, – произнесла Белая сестра.

Вокруг нее вспыхнуло сияние саидар, и она направила Силу, создавая чрезвычайно сложное плетение из Огня, Воздуха и Духа. Сложное, но бесполезное. Оно создало три пылающих огненных кольца, повисших в воздухе и испускающих необычное свечение, но какой от них прок? Найнив уже умела формировать огненные шары и светящиеся сферы. Зачем тратить время на изучение плетений, которые более замысловатым образом повторяли то, что она и так знает? И почему каждое кольцо должно быть немного другого оттенка?

Найнив небрежно взмахнула рукой, в точности повторив плетение.

– Честно говоря, – сказала она, – мне кажется, это самое бесполезное плетение из всех! Какой в них смысл?

Дайгиан поджала губы. Она ничего не ответила, но Найнив знала: Дайгиан предполагала, что для Найнив это будет гораздо сложнее. Наконец Белая сестра сказала:

– Об испытании нельзя рассказывать многого. Могу лишь сказать, что тебе придется повторить эти плетения в точности, в то время как твое внимание будут всячески отвлекать. Когда придет время, ты поймешь.

– Сомневаюсь, – сухо заметила Найнив, повторив плетение еще три раза, не прерывая разговора. – Потому что – и я, наверное, это раз десять повторяла – я не собираюсь проходить испытание. Я *уже* Айз Седай.

– Ну разумеется, дорогая моя.

Найнив стиснула зубы. Плохая затея. Зачем она взялась за это дело? Когда она пришла к Кореле – которая вроде как была из той же Айя, какую выбрала и Найнив, – та отказалась признавать в ней равную. По своему всегдашнему обыкновению, Кореле являла собой самую любезность, однако было совершенно ясно, каково ее отношение к Найнив. Казалось, она даже

сочувствовала. Сочувствовала! Как будто Найнив нужна ее жалость. Кореле предположила, что если Найнив будет знать сто плетений, которым в обязательном порядке обучают каждую принятую перед тем, как допустить к испытанию на звание Айз Седай, то это поможет ей заслужить доверие сестер.

Проблема заключалась в том, что освоение этих плетений снова ставило Найнив в положение ученицы. Нет, она не отрицала, что знать сто плетений полезно – слишком мало довелось ей их изучать, и едва ли не каждая сестра их знала. Но согласие на эти уроки вовсе не означает, что сама она считает себя ученицей!

Найнив потянулась было к косе, но удержала руку. Видимые проявления эмоций были еще одной причиной, почему другие Айз Седай так к ней относились. Если б у нее было такое же лишенное возраста лицо!

Следующее созданное Дайгиан плетение произвело легкий хлопок, и снова оно было излишне и бесполезно сложным. Найнив повторила его, почти не задумываясь, но все же запомнила.

Дайгиан сидела, глядя на плетение с отсутствующим видом.

– Что? – раздраженно спросила Найнив.

– Мм? Нет, ничего. Просто... в последний раз я использовала его, чтобы отвлечь... я... не обращай внимания.

Эбен. Ее Страж был совсем юн, лет пятнадцати-шестнадцати, и она была очень привязана к нему. Они проводили время, как брат со старшей сестрой, а не как Айз Седай и ее Страж.

«Мальчишка шестнадцати лет, – подумала Найнив, – и он погиб. Зачем Ранд набирает таких юных?»

Дайгиан снова сделала лицо бесстрастным, пряча чувства гораздо лучше, чем это могла бы сделать Найнив.

«Не приведи Свет оказаться мне в подобном положении, – подумала она. – Пусть такое если и случится, то через много-много лет». Лан еще не был ее Стражем, но Найнив намеревалась связать его узами как можно скорее. В конце концов, он уже ее муж. Ее до сих пор злило, что сейчас его узы переданы Мирелле.

– Дайгиан, может, я помогу? – промолвила Найнив, подавшись вперед и кладя руку женщине на колено. – Если я попробую Исцелить, возможно...

– Нет, – резко ответила она.

– Но...

– Сомневаюсь, что ты сможешь.

– Все можно Исцелить, – упрямо сказала Найнив, – даже если мы еще не знаем как. Все, кроме смерти.

– И что бы ты сделала, дорогая моя? – спросила Дайгиан.

Найнив подумала, намеренно ли та не называет ее по имени или это был подсознательный результат их отношений. Дайгиан не называла ее «дитя мое», как какую-нибудь принятую, но обращение по имени подразумевало бы равенство.

– Я могла бы сделать хоть что-то, – сказала Найнив. – Твоя боль, очевидно, вызвана влиянием уз, а значит, как-то связана с Единой Силой. Если Сила является причиной этой боли, то она же может и избавить от нее.

– Зачем мне желать этого? – спросила Дайгиан, снова взяв себя в руки.

– Как... потому что это боль. Боль причиняет мучение.

– Так и должно быть, – сказала Дайгиан. – Эбен мертв. Ты бы хотела забыть свою боль, если бы с тем твоим великаном что-то случилось? Отрезать свои чувства к нему, как заплесневелую корку от карава хлеба?

Найнив открыла рот, но промолчала. Хотела бы она этого? Все не так просто – ее чувства к Лану были искренними, а не результатом созданных Силой уз. Он был ее мужем, и она

любила его. Дайгиан заботилась о своем Страже, но это больше походило на привязанность тетки к любимому племяннику. Это было совсем другое.

Но захотела бы Найнив избавиться от этой боли? Она закрыла рот, внезапно оценив слова Дайгиан. В них была честь.

– Я поняла. Извини меня.

– Ничего, дорогая моя, – продолжила Дайгиан. – Для меня это просто и логично, но, боюсь, другие этого не осознают. И правда, не все ведь согласятся, что логика зависит от момента и от человека. Показать тебе следующее плетение?

– Да, пожалуйста, – сказала Найнив, нахмурившись.

Сама она была очень способна в Силе – ее считали одной из сильнейших среди живущих – и потому нечасто задумывалась о своем таланте. Так высокий человек редко обращает внимание на то, какого роста другие; все равно они ниже его, а насколько их рост разнится между собой, ему не так уж важно.

Каково же было этой женщине, которая провела в принятых дольше, чем кто-либо вообще помнил? Женщине, которая с громадным трудом получила шаль – как говорили многие, буквально вися на волоске? Дайгиан вынуждена была выказывать почтение всем прочим Айз Седай. Если вместе оказывались две сестры, Дайгиан всегда была ниже рангом. Если вместе оказывалось более двух, Дайгиан подавала им чай. Перед более сильными сестрами ей приходилось унижаться и заискивать. Ну, может, и не унижаться, она все же была Айз Седай, но тем не менее...

– С этой системой что-то не так, Дайгиан, – словно в пустоту, промолвила Найнив.

– С испытанием? Чтобы определить достойных, представляется вполне уместным проводить какую-то проверку, и выполнение сложных плетений в стрессовой ситуации кажется мне приемлемым вариантом.

– Я не об этом, – сказала Найнив. – Я имею в виду систему, которая определяет наши взаимоотношения. Друг с другом.

Дайгиан вспыхнула. Упомянуть хоть косвенно о чьем-то уровне в Силе считалось неуместным. Но что поделать, Найнив никогда не отличалась тем, что подстраивалась под чужие ожидания. Особенно когда ее недооценивали.

– Например, ты, – продолжила она, – знаешь не меньше любой другой Айз Седай, я бы даже сказала, знаешь *больше* многих. Но как только какая-нибудь принятая снимает свое белое платье и получает шаль, ты тут же начинаешь плясать под ее дудку.

Дайгиан покраснела еще больше.

– Нам лучше продолжить занятие.

Это было неправильно. Но Найнив решила пока отложить беседу на эту тему. Однажды она уже свалилась в яму, которую сама же и вырыла: научила на свою голову женщин из Родни, как тем постоять за себя перед Айз Седай. Минуло какое-то время, и они стали ставить под сомнение и авторитет Найнив, что в ее намерения вовсе не входило. Вряд ли ей хочется и среди самих Айз Седай учинить схожий переворот.

Найнив постаралась вернуться к обучению, но чувство надвигающейся бури заставляло то и дело поглядывать в окно. Комната находилась на втором этаже, и из окна хорошо был виден лагерь. По чистой случайности Найнив заметила Кадсуане; ее седые волосы, убранные в характерную прическу, украшенную невинными с виду *тер'агриалами*, были заметны даже издали. Женщина быстрой походкой шла через двор, ее сопровождала Кореле.

«Что она затевает?» – подумала Найнив. Быстрый шаг Кадсуане насторожил ее. Что произошло? Что-то с Рандом? Если он снова повредил себе...

– Извини меня, Дайгиан, – сказала Найнив, вставая. – Я вспомнила об одном важном деле.

Женщина вздрогнула:

– А-а... Ну что ж, тогда ладно, Найнив. Наверное, можно будет продолжить в другое время.

Только выскочив за дверь и сбежав вниз по лестнице, Найнив поняла, что Дайгиан назвала ее по имени. Она улыбнулась, выходя на лужайку.

В лагере были айильцы, что само по себе не было необычным – при Ранде нередко находилась группа Дев в качестве дополнительной охраны. Но айильцы, которых увидела Найнив, были мужчинами – воинами Айил, в песочно-коричневых кадин'сор и с копьями в руках. У многих головные повязки украшал символ Ранда.

Вот почему Кадсуане так спешила – если прибыли вожди айильских кланов, Ранд наверняка захочет с ними встретиться. Найнив в раздражении пересекла лужайку, где зелени сейчас почти не было. За Найнив Ранд не послал. Вероятно, не потому, что не хотел ее приглашать, просто он, болван шерстеголовый, мог и не додуматься до этого. Возрожденный Дракон он или нет, но Ранд редко считал нужным делиться с кем-то своими планами. Но ему уже давно пора было понять, как важно услышать совет от того, кто хоть немного опытнее, чем он сам. Сколько раз он был похищен, ранен или попадал в плен из-за собственной поспешности?

Пусть все в лагере ему подчинялись, преклонялись перед ним, а то и боготворили его, но Найнив знала, что он-то – всего лишь овечий пастух из Эмондова Луга. Ранд до сих пор точно так же влипал в неприятности, как и тогда, когда они с Мэтримом в детстве устраивали свои проказы. Только теперь он не деревенских девчонок переполошит, он ныне в состоянии ввергнуть в хаос целые страны.

На дальней, северной, стороне лужайки – прямо напротив особняка, возле самой насыпи, – пришедшие айильцы устанавливали коричневые палатки своего лагеря. Они располагали их иначе, чем салдэйцы, – вместо ровных рядов ставили их небольшими группами, организуясь по воинским сообществам. Кое-кто из людей Башира обменивался с айильцами приветствиями, но помощи никто не предлагал. Айильцы были народом обидчивым, и хотя, по мнению Найнив, салдэйцы были рассудительнее многих, они оставались жителями Порубежья. Прежде мелкие стычки с Айил были для них частью жизни, да и недавняя Айильская война не истерлась из памяти. Сейчас все они сражались на одной стороне, но это не значило, что салдэйцы позабудут об осмотрительности, когда рядом столько вооруженных айильцев.

Найнив поискала взглядом Ранда или кого-то из знакомых айильцев. Она сомневалась, что с ними будет Авиенда – та должна быть в Кэймлине с Илэйн, помогать ей защищать трон Андора. Найнив до сих пор испытывала вину за то, что оставила девушек, но кто-то же должен был помочь Ранду очистить саидин. Нельзя же, чтобы такое он делал в одиночку. Но где же сам Ранд?

Найнив остановилась на границе салдэйского и айильского лагерей. Солдаты с пиками в руках, приветствуя ее, почтительно кивали. По траве будто скользили айильцы в коричнево-зеленой одежде, движения их были текучими, как вода.

От ручья, бежавшего возле особняка, несли выстиранное белье женщины в зеленых и синих платьях. Толстые иглы сосен дрожали на ветру. Лагерь шумел, как деревенская лужайка во время Бэл Тайна. Куда именно пошла Кадсуане?

Ощувив поток Силы на северо-востоке, Найнив улыбнулась и, шелестя желтой юбкой, решительным шагом двинулась туда. Силу направляла либо Айз Седай, либо Хранительница Мудрости. Как и следовало ожидать, вскоре она увидела айильский шатер, стоявший на краю луга; он был больше остальных. Найнив зашагала прямо к палатке, и ее взгляд – или, может быть, репутация – заставил салдэйских солдат расступиться. Девы, охранявшие вход, останавливать ее и не подумали.

Внутри, одетый в черное с красным, стоял Ранд. Заложив левую руку за спину, он листал карты, разложенные на массивном деревянном столе. Башир стоял рядом, кивая своим мыслям и изучая небольшую карту, которую держал перед собой.

Когда вошла Найнив, Ранд вскинул голову. Когда он стал так похож на Стража, с этим постоянно оценивающим взглядом? Глаза, выхватывающие любую опасность, напряженное тело, словно в ожидании атаки? «Я не должна была позволить той женщине забрать его из Двуречья, – подумала Найнив. – Вот что с ним теперь стало из-за нее».

Она тут же рассердилась на себя за глупую мысль. Останься Ранд в Двуречье, он бы сошел с ума и, возможно, погубил бы их всех – если, конечно, троллоки, Исчезающие или Отрекшиеся не успели бы сделать это раньше. Если бы Морейн не явилась за Рандом, он был бы сейчас мертв. С ним исчезли бы свет и надежда мира. Просто Найнив трудно было избавиться от былых предрассудков.

– А-а, это ты, Найнив, – произнес Ранд, расслабившись и возвращаясь к картам. Он указал на одну из карт Баширу, жестом приглашая взглянуть на нее, а потом снова повернулся к Найнив. – Я как раз собирался послать за тобой. Руарк и Бэйл уже здесь.

Найнив приподняла бровь, складывая руки на груди.

– Вот как? – безразлично спросила она. – А я-то подумала, что все эти айильцы в лагере означают, будто на нас напали Шайдо.

От ее тона Ранд помрачнел, и во взгляде промелькнула... угроза. Но затем он посветлел лицом и мотнул головой, как будто что-то стряхивая. Словно вернулось нечто от прежнего Ранда – простого, бесхитростного овечьего пастуха.

– Ты бы это точно заметила, – сказал он. – Рад, что ты тут. Мы начнем, как только придут вожди кланов. Я настоял, чтобы сначала их люди обустроились.

Ранд жестом предложил Найнив сесть. На полу лежали подушки, но в шатре не было ни единого стула. Айильцы стульев не признавали, и Ранд хотел, чтобы им было удобно. Найнив разглядывала юношу, удивляясь охватившему ее саму напряжению. Он же просто шерстеголовая деревенщина, каким и был, несмотря на все свое влияние. Ведь так?

Но ей не давал покоя этот взгляд, эта вспышка гнева. Говорят, корона многих меняет к худшему. Найнив намеревалась проследить, чтобы подобного не случилось с Рандом ал'Тором, но как ей поступить, если он вдруг решит посадить ее в темницу? Он ведь так не сделает? Только не Ранд.

«Семираг говорила, что он потерял рассудок, – подумала Найнив. – Говорила, что... он слышит голоса из своей прошлой жизни. Может, именно это и происходит сейчас, когда он наклоняет голову набок, будто прислушивается к тому, что никто не может слышать?»

Найнив поежилась. Разумеется, Мин тоже была в палатке: девушка сидела в углу, читая книгу «Последствия Разлома». Слишком пристально она смотрела на страницы, очевидно прислушиваясь к разговору Ранда и Найнив. Что она думает о переменах в нем? Она была ближе к Ранду, чем кто-либо еще, – близка настолько, что, будь дело в Эмондовом Лугу, Найнив задала бы обоим головомойку и отчитала бы так, чтобы впредь неповадно было. И хотя они давно уже не в Эмондовом Лугу и Найнив больше не деревенская Мудрая, она дала Ранду понять о своем негодовании. Ответ его был прост: «Если я женюсь на ней, моя смерть принесет ей еще больше горя».

Еще одна его глупость. Если тебя ждет опасность, тем больше причин жениться. Это же очевидно! Найнив расположилась на полу, расправив юбки и стараясь не думать о Лане. Ему предстояло преодолеть еще так много миль, и...

И она должна обязательно сделать так, чтобы ей передали его узы раньше, чем он доберется до Запустения. Так, на всякий случай.

Вдруг Найнив выпрямилась. Кадсуане. Ее здесь не было. Помимо охраны, в шатре находились только Ранд, Найнив, Мин и Башир. Не задумала ли та чего-то такого, что Найнив...

И тут вошла Кадсуане. На седовласой Айз Седай было простое желто-коричневое платье. Внимание на себя она обращала присущей ей властностью, а не нарядами, и, конечно же, в волосах сверкали непременные золотые украшения. Следом за ней в палатке появилась Кореле.

Кадсуане сплела и выставила малого стража – для защиты от подслушивания, и возражать Ранд не стал. Ему стоит лучше отстаивать свое мнение – эта женщина его почти что приручила, и тревожно было видеть, как много он ей позволяет. Например, допрос Семираг. Отрекшиеся слишком сильны и опасны, чтобы относиться к ним беспечно. Семираг следовало усмирить в ту же минуту, как ее схватили... хотя в этом отношении Найнив напрямую полагалась на собственный опыт удержания в плену Могидин.

Кореле улыбнулась Найнив; у нее для всех находилась улыбка. Кадсуане, как обычно, оставила Найнив без внимания. Ну и пусть. Найнив не нужно ее одобрение. Кадсуане считает, что может всеми командовать только потому, что живет дольше всех остальных Айз Седай. Но Найнив прекрасно знала, что возраст еще не означает мудрость. Взять Кенна Буйе – он стар как мир, но ума у него не больше, чем у груды камней.

В течение следующих нескольких минут в шатре появились находившиеся в лагере Айз Седай и командиры отрядов. Вероятно, Ранд действительно послал за ними, и, может, он и вправду собирался позвать Найнив. Среди пришедших оказались Мериса и ее Стражи, одним из которых был Аша’ман Джахар Нарисма; на кончиках его косичек позвякивали вплетенные в них колокольчики. Следом явились Дамер Флинн, Элза Пенфелл, несколько офицеров Башира. Всякий раз, как кто-то входил в шатер, Ранд вскидывал на вошедших взгляд, тревожный и настороженный, но потом быстро возвращался к картам. Неужели у него паранойя? У некоторых безумцев первым шагом к сумасшествию было то, что они начинали подозревать и опасаться всех и каждого.

Наконец вместе с другими айильцами появились Руарк и Бэйл. Через широкий вход шатра они прокрались, как хищники на охоте. Что странно, с ними пришли и несколько Хранительниц Мудрости, приближение которых Найнив ощутила еще до их появления. Обычно у Айил дела разделялись на те, что касались вождей клана, и те, что относились к ведению Хранительниц Мудрости; так же в Двуречье делили между собой обязанности Совет деревни и Круг женщин. Это Ранд попросил их всех прийти вместе или на то у них нашлись свои причины?

Насчет Авиенды Найнив ошиблась. К своему изумлению, позади группы Хранительниц Мудрости она заметила высокую рыжеволосую девушку. Когда та успела покинуть Кэймлин? И почему она несет в руках кусок истертой ткани с истрепанными краями?

Расспросить Авиенду у Найнив не получилось, так как Ранд, кивнув Руарку и всем остальным, пригласил их сесть, что они и сделали. Сам Ранд остался стоять у стола. С озабоченным видом он заложил руки за спину, обхватив ладонью искаленную культю, и начал без всякого вступления.

– Расскажи о том, что сделано в Арад Домане, – обратился он к Руарку. – Разведчики сообщают: там по-прежнему неспокойно.

Руарк принял чашку чая от Авиенды – значит, она до сих пор считалась ученицей – и повернулся к Ранду. Пить вождь клана не стал.

– У нас было мало времени, Ранд ал’Тор.

– Мне не нужны оправдания, Руарк, – сказал Ранд. – Мне нужны результаты.

Лица некоторых айильцев вспыхнули от гнева, а Девы у входа обменялись быстрыми отрывистыми знаками на своем языке жестов.

Сам Руарк своего возмущения ничем не выдал, хотя Найнив была уверена, что его рука крепче сжала чашку.

– Я делил с тобой воду, Ранд ал’Тор, – промолвил айильский вождь. – Не думал, что ты пригласишь меня сюда ради оскорблений.

– Никаких оскорблений, Руарк, – ответил Ранд. – Только правда. Нам нельзя терять время.

– Нельзя терять время, Ранд ал’Тор? – сказал Бэйл. Вождь клана Гошиен Айил отличался внушительным ростом и возвышался над всеми даже сидя. – Многих из нас ты оставил в Андоре, и мы месяцами сидели без дела, полируя копья и пугая мокроземцев! Теперь ты посылаешь нас сюда с невыполнимыми приказами, а через несколько недель появляешься следом и требуешь результатов?

– В Андоре вы должны были помогать Илэйн, – сказал Ранд.

– Нашей помощи она не хотела и не нуждалась в ней, – фыркнул Бэйл. – И правильно сделала, что отказалась. Лучше я пробегу через всю Пустыню с одним бурдюком воды, чем кто-то станет указывать мне, как править кланом.

Лицо Ранда снова потемнело, в глазах будто стугнулись грозовые тучи, и это снова напомнило Найнив о буре, надвигавшейся с севера.

– Эта страна расколота, Ранд ал’Тор, – промолвил Руарк, его голос был спокойнее, чем у Бэйла. – Это данность, а не отговорка, и проявлять осторожность в трудном задании – не трусость.

– Нам нужен здесь мир, – прорычал Ранд. – Если не можешь его обеспечить...

– Мальчик, – заговорила Кадсуане, – возможно, тебе стоит остановиться и подумать. Часто ли айильцы подводили тебя? И как часто подводил, задевал или оскорблял их ты?

Ранд захлопнул рот, и Найнив скрипнула зубами от досады, что не сказала этого сама. Она взглянула на Кадсуане, для которой принесли кресло – Найнив не припоминала, чтобы та когда-либо сидела на полу. Кресло, очевидно, взяли в особняке; оно было изготовлено из бледных рогов элгилрима, с подлокотниками, протянутыми вперед, как раскрытые ладони, и с красным мягким сиденьем. Авиенда подала Кадсуане чашку чая, из которой та аккуратно отпила.

Видимым усилием воли Ранд обуздал свой гнев.

– Прошу прощения, Руарк, Бэйл. Это были... тяжелые месяцы.

– У тебя нет передо мной тох, – ответил Руарк. – Но прошу, садись. Разделим прохладу и поговорим достойно.

Ранд шумно выдохнул и кивнул, усаживаясь перед вождями. Сопровождавшие айильских вождей Хранительницы Мудрости – Эмис, Мелэйн, Бэйр, – казалось, не собирались принимать участия в беседе. Они лишь наблюдали, сообразила Найнив, совсем как она сама.

– Нам нужен мир в Арад Домане, друзья мои, – сказал Ранд, разворачивая карту на расстеленном в шатре ковре.

Бэйл покачал головой.

– Добрэйн Таборвин хорошо сделал свое дело в Бандар Эбане, – сказал он, – но Руарк прав: эта страна расколота. Как блюдо из фарфора Морского народа, брошенное с вершины горы. Ты велел нам выяснить, кто стоит тут во главе и способны ли мы восстановить порядок. Насколько можно судить, страной не управляет никто. Каждый город сам по себе.

– А что Купеческий совет? – спросил Башир, садясь рядом с айильцами. Поглаживая согнутым пальцем усы, он принялся изучать карту. – Мои разведчики сообщают, что кое-где члены Совета еще сохраняют какую-то власть.

– В тех городах, где они правят, – да, – сказал Руарк. – Но их влияние слабо. В столице осталась всего одна женщина из Совета, и она мало что контролирует. Беспорядки на улицах мы прекратили, но ценой больших усилий. – Он покачал головой. – Вот что случается, когда пытаешься управиться с чем-то большим, чем холды и клан. Без короля доманийцы не знают, кого слушать.

– А где король? – спросил Ранд.

– Никто не знает, Ранд ал’Тор. Он исчез. Кто-то говорит, месяцы назад, а другие – уже годы.

– Его могла захватить Грендаль, – прошептал Ранд, внимательно всматриваясь в карту. – Если она здесь. Да, вполне вероятно, она здесь. Но где? Не в королевском дворце, это не в ее духе. У нее должно быть какое-то *свое* место – такое, где она может выставить свои трофеи. Место, которое само по себе трофей, но не такое, чтобы о нем сразу догадались. Да, я знаю. Ты прав. Она уже поступала так раньше...

Какая осведомленность! Найнив содрогнулась. Авиенда опустилась перед ней на колени, предлагая чай. Найнив взяла чашку и, взглянув в глаза женщины, хотела шепотом задать вопрос, но Авиенда коротко мотнула головой. «Потом», – говорило выражение ее лица. Девушка поднялась и отошла в дальний угол, после чего с раздраженным видом взяла свою рваную тряпицу и принялась по одной выдергивать из нее нитки. Зачем Авиенда так делает?

– Кадсуане, – громко произнес Ранд, перестав шептать. – Что тебе известно о Купеческом совете?

– По большей части Совет состоит из женщин, – сказала Кадсуане. – Женщин большого ума и хитрости. При этом они весьма эгоистичны. Выбирать короля – их обязанность, и когда исчез Алсалам, они должны были найти ему замену. Но слишком многие из Совета увидели в сложившейся ситуации шанс получить власть, и потому им не удастся прийти к согласию. Могу предположить, что они разделились, чтобы в этом хаосе сохранить власть в родных городах. Они добиваются лучшего для себя положения и борются за союзы, и каждый предлагает другим своего короля.

– И при этом доманийская армия сражается с шончан? – спросил Ранд. – Это их рук дело?

– Об этом мне ничего не известно.

– Ты говоришь о Роделе Итуралде, – промолвил Руарк.

– Да.

– Он хорошо воевал двадцать лет назад, – заметил Руарк, потирая квадратный подбородок. – Один из тех, кого называют великими капитанами. Я бы не прочь станцевать с ним танец копий.

– Этого не будет, – отрезал Ранд. – По крайней мере, пока я жив. Нам нужно навести порядок в этой стране.

– И ты рассчитываешь, что мы сумеем обойтись без боя? – спросил Бэйл. – Говорят, этот Родел Итуралде обрушился на шончан, как песчаная буря, и изрядно их разъярил – даже посильнее, чем удалось тебе самому, Ранд ал'Тор. Он не будет дремать, пока ты завоевываешь его родную землю.

– Повторю еще раз, – сказал Ранд. – Мы здесь не ради завоеваний.

Руарк вздохнул:

– Тогда зачем посылать нас, Ранд ал'Тор? Почему не отправить твоих Айз Седай? Они понимают мокроземцев. Эта страна все равно что целое королевство детей, а мы – горстка взрослых, которым нужно заставить их слушаться. А ты вдобавок даже шлепать их не разрешаешь.

– Сражаться я не запрещаю, – сказал Ранд, – но только при необходимости. Руарк, эта задача слишком сложна, и Айз Седай не сумеют с ней справиться. Но вы можете. Люди боятся айильцев; они сделают, как вы скажете. Если мы остановим войну доманийцев с шончан, возможно, эта Дочь Девяти Лун поймет, что я действительно хочу мира. Может, тогда она согласится встретиться со мной.

– Почему не сделать так, как раньше? – спросил Бэйл. – Самому захватить страну?

Башир кивнул, взглянув на Ранда.

– Здесь так не получится, – сказал Ранд. – Война потребует слишком много ресурсов. Ты говорил про этого Итуралде – он сдерживает шончан горсткой людей и почти без снабжения. Вам хочется ввязываться в драку со столь изобретательным человеком?

Каким задумчивым выглядел Башир – словно бы всерьез размышлял о войне с Итуралде. Мужчины! Все они одинаковы. Брось им вызов, и они тут же ринутся в бой, даже если это грозит тем, что они закончат жизнь с копьем в груди.

– В наши дни мало найдется таких, как Родел Итуралде, – сказал Башир. – И уж наверняка он бы очень помог в нашем деле. Мне всегда было интересно, мог бы я победить его.

– Нет, – снова произнес Ранд, окидывая взглядом карту. Насколько видела Найнив, на ней были отмечены места сосредоточения войск, значки сопровождались комментариями. Айильцы были обозначены аккуратными рядами темно-серых меток вдоль северной границы Арад Домана. Войска Итуралде вели бои с шончан в глубине равнины Алмот. Центральную часть Арад Домана испещряли беспорядочно разбросанные черные значки и пометки, вероятно относящиеся к личным войскам различных знатных особ.

– Руарк, Бэйл! – обратился Ранд к айильским вождям. – Я хочу, чтобы вы захватили членов Купеческого совета.

В шатре воцарилось молчание.

– Ты уверен, мальчик, что это разумно? – наконец спросила Кадсуане.

– Им угрожает опасность со стороны Отрекшихся, – сказал Ранд, постукивая пальцами по карте. – Если Грендаль уже похитила Алсалама, то, вернув его, мы ничего не добьемся. Он будет настолько подавлен силой ее Принуждения, что у него едва ли останется разум ребенка. Она никогда не отличалась изяществом методов. Нам нужно, чтобы Купеческий совет избрал нового короля. Это единственный способ восстановить мир и порядок в этом королевстве.

Башир кивнул:

– Смелый план.

– Мы не похитители, – нахмурился Бэйл.

– Вы те, кем я скажу вам быть, Бэйл, – негромко обронил Ранд.

– Мы по-прежнему свободный народ, Ранд ал'Тор, – сказал Руарк.

– Пройдя свой путь, я переменею айильцев, – качнул головой Ранд. – Я не знаю, какими вы будете, когда все закончится, но вы не можете оставаться теми, кем были. Вы возьметесь за это задание. Из всех, кто следует за мной, вам я доверяю больше всего. Если мы хотим захватить членов Купеческого совета, не ввергнув эту страну в новую войну, мне понадобятся ваши скрытность и сноровка. Вы можете пробраться в их дворцы и усадьбы, как проникли в Тирскую Твердыню.

Руарк и Бэйл, нахмурившись, обменялись взглядами.

– Когда вы захватите членов Купеческого совета, – продолжал Ранд, оставив без внимания их беспокойство, – введите Айил в города, где правили эти купцы. Убедитесь, что эти города не пришли в упадок. Восстановите там порядок, как сделали в Бандар Эбане. Начните оттуда насаждать закон и очищать окрестности от разбойников. От Морского народа вскоре прибудет продовольствие. Сначала займитесь городами на побережье, затем продвигайтесь вглубь страны. Через месяц доманийцы станут не разбегаться перед вами, а сами побегут навстречу. Предложите им пищу и безопасность, и порядок не заставит себя ждать.

Удивительно разумный план. Ранд и в самом деле очень умен для мужчины. У него много достоинств, – возможно, он мог бы стать настоящим лидером, если бы только умел держать свой характер в узде.

Руарк снова потер подбородок:

– Было бы неплохо, Даврам Башир, если бы с нами пошел кто-то из ваших салдэйцев. Мокроземцам не нравится подчиняться айильцам. Если они увидят среди командиров кого-то из мокроземцев, то гораздо охотнее последуют за нами.

Башир рассмеялся:

– К тому же мы окажемся прекрасными мишенями. Как только мы захватим нескольких членов Совета, остальные непременно пошлют за нами убийц!

Руарк расхохотался, словно услышал отличную шутку. Айильское чувство юмора отличалось своеобразием.

– Мы не дадим тебе погибнуть, Даврам Башир. А если не получится, то сделаем из тебя чучело и привяжем к лошади, и ты будешь отличной мишенью для их стрел!

Бэил громко рассмеялся, а Девы у входного клапана снова принялись оживленно обмениваться знаками языка жестов.

Башир усмехнулся, хотя шутку вряд ли оценил.

– Уверен, что хочешь этого? – обратился он к Ранду.

Тот кивнул и сказал:

– Возьми часть своих войск и распредели между айильскими отрядами, как решит Руарк.

– А что с Итуралде? – спросил Башир, вновь глядя в карту. – Как только он узнает, что мы вторглись в его страну, спокойствие долго не продлится и мира не будет.

Ранд тихо побарабанил пальцами по карте.

– С ним я разберусь лично, – сказал он наконец.

Глава 8

Чистые рубашки

Такое небо называли небом начальника порта. Серые беспокойные тучи, закрывающие солнце, сплошные и гнетущие. Возможно, прочие обитатели лагеря на окраине Тар Валона не придавали им значения, но только не Суан. Ни один моряк не упустит их из виду. Слишком светлые, чтобы принести шторм, но слишком темные, чтобы обещать спокойную воду.

Подобное небо обманчиво. Можно выйти в море и не встретить ни капли дождя, ни единого порыва штормового ветра. Или в мгновение ока можно очутиться в самом центре бури. Этим предательски-плотным облакам нельзя верить.

В большинстве портов с каждого пришвартованного в гавани судна брали ежедневную плату, но в дни шторма – когда ни один рыбак не мог добыть улов – ее снижали наполовину, а то и отменяли вовсе. Однако в такие дни, с тяжелыми тучами, но без признаков шторма, начальники портов взимали полную плату. Выбор был за рыбаком – либо оставаться в порту и ждать, либо выходить в море, чтобы возместить расходы. Чаще всего шторма так и не случалось и дни протекали спокойно.

Но если в такой день приходил шторм, то был он очень силен. Многие из самых ужасных бурь в истории случались под небом начальника порта. Потому-то у рыбаков имелось еще и другое название для таких вот туч. Они называли их вуалью рыбы-льва. И вот уже много дней в обложенных тучами небесах не было просвета. Суан поежилась, плотнее кутаясь в шаль. Дурной знак, не сулящий ничего хорошего.

Вряд ли многие рыбаки отважатся сегодня выйти в море.

– Суан? – окликнула Лилейн, и в ее голосе сквозило раздражение. – Поторапливайся. И больше я не желаю слышать об этих глупых суевериях и всякой чепухи о небе. Я не шучу. – Развернувшись, высокая Айз Седай снова двинулась вдоль рядов палаток.

«Суеверия? – возмущенно подумала Суан. – Мудрость тысячи поколений – это вовсе не суеверие. Это здравый смысл!» Но вслух она ничего не сказала и поспешила вслед за Лилейн. Вокруг нее, в лагере верных Эгвейн Айз Седай, жизнь шла отлаженно, как часы. Если в чем-то Айз Седай не знали себе равных, так это в наведении порядка. Шатры были расставлены группами, согласно разделению по Айя, словно бы повторяя планировку Белой Башни. Здесь встречались и мужчины, и большинство из них – солдаты из армии Гарета Брина, посланные со срочными поручениями, и конюхи, ухаживавшие за лошадьми, – спешили поскорее закончить со своими делами. Гораздо больше здесь было женщин-работниц, многие из них даже вышили у себя на юбках и лифах платьев эмблему Пламени Тар Валона.

Единственно, что было странным в этом поселении – не считая того, что вместо комнат были шатры, а ходить вместо выложенных цветной плиткой коридоров приходилось по дощатым настилам, – это количество послушниц. Их были сотни и сотни. На самом деле их число могло уже перевалить за тысячу – намного больше, чем размещалось в Башне в недавнем прошлом. Когда Айз Седай воссоединятся, комнатки послушниц, что не использовались десятилетиями, придется открыть снова. Возможно, для них понадобится и вторая кухня.

Эти послушницы, державшиеся в лагере группками – так называемыми семьями, – обычно, как и сейчас, сбивались в шумные компании, и большинство Айз Седай старались их не замечать. Одни вели себя так по привычке – с какой стати обращать внимание на послушниц? Другие поступали так из неприязни. По их мнению, женщин, которым по возрасту впору быть матерями и бабушками – а многие таковыми и были, – не следовало вносить в книгу послушниц. Но что поделать? Эгвейн ал'Вир, Престол Амерлин, объявила, что так должно быть.

Проходя мимо некоторых Айз Седай, Суан по-прежнему чувствовала их потрясение. За Эгвейн должны были тщательно следить. Что произошло? Когда Амерлин сумела сбежать от них? Суан испытала бы большее злорадство от их изумленных взглядов, если бы ее саму не тревожило, что Эгвейн слишком долго находится в плену в Белой Башне. Поистине вуаль рыба-льва. Возможность великого успеха, но также – громадной катастрофы. Она торопливо зашагала за Лилейн.

– Как идут переговоры? – спросила Лилейн, даже не взглянув на Суан.

«Могла бы и сама поприсутствовать на одном из заседаний и все выяснить», – подумала Суан. Но Лилейн хотела, чтобы все видели ее руководителем, а не исполнителем. И прилюдно задать этот вопрос тоже было рассчитанным ходом. Суан знали как одну из приближенных Эгвейн, и на ней до сих пор лежала печать печальной славы бывшей Амерлин. Для Лилейн не так было важно услышать ответ Суан, как вести этот разговор на людях, что усиливало ее влияние в лагере.

– Они идут не слишком хорошо, Лилейн, – сказала Суан. – Эмиссары Элайды ничего не обещают и наотрез отказываются обсуждать любые важные вопросы, которые мы затрагиваем, например, о восстановлении Голубой Айя. Сомневаюсь, что Элайда вообще наделила их полномочиями заключать соглашения, которые бы к чему-то ее обязывали.

– Хм, – задумчиво протянула Лилейн и кивком поприветствовала группу послушниц, и те вразнобой присели перед ней в реверансах. Она приняла здоровое и практичное решение доброжелательно отзываться о женщинах, пополнивших их ряды.

Романда новых послушниц недолюбливала, это всем было известно. Теперь, в отсутствие Эгвейн, Романда начала намекать, что как только будет достигнуто примирение, то с такой «глупостью», как слишком взрослые послушницы, необходимо будет сразу покончить. Но все больше и больше сестер видели мудрость в решении Эгвейн. В числе новых послушниц были те, кто обладал большими способностями, многие наверняка станут принятыми к тому моменту, когда будет возвращена Белая Башня. С недавних пор – молчаливо одобряя присутствие этих женщин – Лилейн еще раз проявила себя сторонницей Эгвейн.

Суан взглянула на расступившихся послушниц. Они поклонились Лилейн почти так же быстро и учтиво, как поклонились бы Амерлин. Становилось ясно, что после месяцев упорной борьбы Лилейн выигрывала у Романды битву за превосходство.

И в этом заключалась очень большая проблема.

Неприязни к Лилейн Суан не питала. Та была волевой, способной и решительной. Некогда они были подругами, но изменившееся положение Суан в корне поменяло и их отношения.

Да, можно сказать, Лилейн ей была симпатична. Но Суан не доверяла ей и тем более не хотела видеть ее Амерлин. В другую эпоху Лилейн вполне подошла бы для этой роли. Но этому миру нужна была Эгвейн, и Суан – несмотря ни на какие узы дружбы – не могла допустить, чтобы эта женщина сместила законную Амерлин. И она не позволит Лилейн предпринять что-то, что могло бы помешать возвращению Эгвейн.

– Значит, – сказала Лилейн, – нам придется обсудить переговоры в Совете. Амерлин хочет продолжать переговоры, так что прервать их мы никак не можем. Но нужно сделать их эффективными. Пожелания Амерлин необходимо выполнять.

– Несомненно, – сухо ответила Суан.

Лилейн бросила на нее взгляд, и Суан мысленно обругала себя за то, что позволила проявить эмоции. Нужно, чтобы Лилейн считала, что Суан на ее стороне.

– Прости, Лилейн. Эта женщина выводит меня из себя. Почему Элайда идет на переговоры, если не желает ни в чем уступать?

Лилейн кивнула и сказала:

– Вот именно! Но кто вообще возьмется объяснять поступки Элайды? Сообщения Амерлин указывают на то, что правление Элайды в Башне... по меньшей мере нелогично.

Суан молча кивнула. К счастью, Лилейн, похоже, не заподозрила ее в нелояльности. Или для нее это не важно. Просто поразительно, какой безвредной стали считать Суан – теперь, когда она настолько утратила свое бывшее могущество.

Быть слабой было для нее непривычно. С первых дней, как Суан появилась в Белой Башне, сестры отмечали ее способности в Силе и остроту ума. О том, что в будущем она станет Амерлин, шептаться начали почти сразу – иногда казалось, будто сам Узор направлял Суан прямо к палантину. И хотя стремительное восхождение Суан к Престолу Амерлин, да еще в столь юном возрасте, поразило многих, для нее самой собственное возвышение удивительным не было. Когда рыбачишь с наживкой из кальмара, не стоит удивляться, коли поймаете клык-рыбу. Если хочешь поймать угря, то на крючок насаживаешь нечто другое.

Когда Суан только что Исцелили, она была разочарована своей уменьшившейся силой. Но постепенно ее отношение к этой перемене менялось. Да, подобная слабость ужасно выводила ее из себя – оказаться ниже столь многих, лишиться почтительного отношения окружающих. Но из-за того, что ее возможности в Силе стали меньше, многие, по-видимому, решили, будто и ее политический талант ослабел! Неужели люди настолько забывчивы? У Суан появилось чувство, что новое положение среди Айз Седай давало ей свободу.

– Да, это так, – произнесла Лилейн, кивнув еще одной группе послушниц. – Я считаю, что пора отправить посланниц в те королевства, которые еще не завоевал ал’Тор. Возможно, мы еще не владеем Белой Башней, но это не повод забывать о нашем политическом влиянии в мире.

– Разумеется, Лилейн, – сказала Суан. – Но ты уверена, что Романда не воспротивится?

– С чего бы? – небрежно ответила она. – В этом нет никакого смысла.

– В действиях Романды редко бывает смысл. Думаю, она спорит лишь назло тебе. Но я сама видела, как в начале недели она беседовала с Маралендой.

Лилейн нахмурилась. Мараленда приходилась дальней родственницей семьи Траканд.

Суан скрыла улыбку. Удивительно, сколь многого можно добиться, когда другие не принимают тебя в расчет. Скольких женщин она сама недооценила оттого, что не видела в них силы? И часто ли манипулировали ею – так, как сейчас она манипулирует Лилейн?

– Я займусь этим, – сказала Лилейн.

Не важно, что она выяснит: пока Лилейн занята Романдой, тем меньше у нее будет времени на то, чтобы похищать власть у Эгвейн.

Эгвейн. Лучше бы Амерлин поторопиться со своими замыслами и закончить дела в Белой Башне. Хорошо ли выйдет, если она подорвет власть Элайды, а из-за ее отсутствия распадется единство Айз Седай, подступивших к Тар Валону? Суан под силу только отвлечь на время Романду и Лилейн, особенно теперь, когда Лилейн имеет такое явное преимущество. О Свет! Порой у Суан возникало чувство, будто она пытается жонглировать обмазанной жиром живой шукой-серебрянкой.

Суан взглянула туда, где за этими тучами должно было находиться солнце. День близился к вечеру.

– Рыбий потрох! – пробормотала она. – Лилейн, мне пора идти.

Лилейн посмотрела на Суан:

– Тебя ждет стирка? Для твоего генерала-головореза?

– Он не головорез, – огрызнулась Суан и вновь прокляла себя. Она утратит преимущество, если будет грубить тем, кто считает себя выше нее.

Лилейн улыбнулась, в ее глазах блеснул огонек, словно она что-то знала. Невыносимая женщина. Подруга она или нет, но Суан иногда хотелось стереть ее...

Нет.

– Прошу прощения, Лилейн, – заставила она себя произнести эти слова. – Я злюсь всякий раз, как подумаю о том, чего он требует от меня.

– Еще бы, – сказала Лилейн, поджимая губы. – Я размышляла об этом, Суан. Возможно, Амерлин и мирится с тем, что Брин изводит одну из сестер, но я подобного не потерплю. Теперь ты одна из моих приближенных.

«Одна из твоих приближенных? – подумала Суан. – А я-то думала, что просто помогаю тебе, пока не вернется Эгвейн».

– Да, – продолжала Лилейн. – Полагаю, пора тебе перестать прислуживать Брину. Я выплачу твой долг, Суан.

– Выплатишь мой долг? – Суан на миг охватила паника. – Надо ли? Конечно, я бы рада освободиться от этого человека, но мое положение дает неплохую возможность узнавать его планы.

– Планы? – переспросила Лилейн, нахмурившись.

Суан мысленно скривилась от досады. Чего она совсем не хотела – бросить тень на Брина. О Свет, по сравнению с твердостью его слова клятвы, даваемые Стражами, могут показаться шаткими.

Наверное, стоило бы просто позволить Лилейн покончить с тем глупым обязательством, но от одной мысли об этом холодело внутри. Брин уже был разочарован тем, что Суан нарушила несколько месяцев назад данное ему обещание. Вернее, она не нарушила – просто отложила его выполнение. Но попробуй убеди в этом упряма!

Если сейчас Суан пойдет по легкому пути, что Брин о ней подумает? Он решит, что взял верх, что доказал, будто она неспособна сдержать слово. Такого Суан никак не могла допустить.

Кроме того, нельзя, чтобы ее выручила Лилейн. Тогда Суан окажется в долгу не перед Брином, а перед ней. А Айз Седай прибегнет к гораздо более тонким методам, но непременно взыщет долг сполна, пусть даже это окажется лишь требование верности.

– Лилейн, – мягко сказала Суан, – я ни в чем не подозреваю честного генерала. Но он стоит во главе наших армий. Можем ли мы быть уверены, что он делает все как надо, если не будем за ним присматривать?

Лилейн хмыкнула:

– Не думаю, что хоть кому-то из мужчин можно доверять настолько, чтобы оставлять без надлежащего руководства.

– Стирку я терпеть не могу, – сказала Суан. Это была правда. Но от этого она не отказалась бы и за все золото Тар Валона. – Но если эта обязанность позволяет мне быть рядом и держать ухо востро...

– Да, – Лилейн медленно кивнула. – Да, вижу, ты права. Я не забуду твою самоотверженность, Суан. Хорошо, ты можешь идти.

Лилейн повернулась, бросив взгляд на свою руку, как будто ей чего-то не хватало. Вероятно, она предвкушает тот день, когда – став Амерлин – будет, прощаясь с сестрой, протягивать для поцелуя руку с кольцом Великого Змея. О Свет, Эгвейн нужно поскорее возвращаться. Какая скользкая эта обмазанная жиром шука-серебрянка! Растреклятая шука-серебрянка!

Суан направилась к границе лагеря Айз Седай. Армия Брина окружала лагерь Айз Седай широким кольцом, но шатер военачальника находился на противоположной стороне. Чтобы добраться до него, понадобилось бы не меньше получаса. К счастью, Суан встретила телега со съестными припасами для армии, доставленными через переходные врата. Низкорослый сидящий возчик тут же согласился подвезти ее, хотя был искренне удивлен, почему она не возьмет лошадь, как подобает Айз Седай. Путь был не так уж далек, а проехать его вместе с репой было для Суан куда менее недостойно, чем трястись на спине лошади. Если Гарет Брин вздумает сетовать на ее опоздание, она ему еще и не то выскажет! Всенепременно!

Она привалилась спиной к бугристому мешку с овощами, свесив через задний борт ноги, скрытые коричневой юбкой. Пока телега преодолевала небольшой подъем, Суан окинула взором раскинувшийся перед ней лагерь Айз Седай – своей упорядоченностью белые палатки

походили на город. Его окружали ровные ряды армейских шатров, размерами поменьше, а уже за ними, в свою очередь, росло кольцо палаток и навесов маркитантов и всех прочих, кто обычно следовал за войском.

Вокруг же расстился бурый пейзаж: зимние снега уже растаяли, но весенняя поросль была редкой. По равнине были разбросаны дубовые рощицы; тени в долинах и выющиеся струйки дыма из труб указывали на далекие деревни. Удивительно, каким знакомым и каким приветливым казался ей этот край. Когда Суан впервые попала в Белую Башню, то была уверена, что никогда не полюбит эту местность, с ее совершенно «сухопутными» пейзажами, где морем и не пахло.

Теперь же куда большую часть своей жизни она прожила уже в Тар Валоне, а не в Тире. Порой трудно было вспоминать ту девочку, которая плела и чинила сети и рано поутру отправлялась рыбачить вместе с отцом. Теперь она стала совсем другой – женщиной, которая имеет дело отнюдь не с рыбой, а с тайнами.

Тайны, дающие власть и силу, интригующие тайны. Они стали ее жизнью. Никакой любви, не считая легкого флирта в юности. Нет времени на привязанности и почти нет места дружбе. Только одно составляло ее цель: найти Дракона Возрожденного. Помогать ему, наставлять его, надеясь даже управлять им.

Мореин погибла, выполняя эту задачу, но ей, по крайней мере, довелось повидать мир. Суан же состарилась – пусть не телом, но духом, – заточив себя в Башне, дергая за ниточки и подталкивая мир к нужному пути. Ее усилия были во благо. Время покажет, достаточно ли было этих усилий.

О своей жизни Суан не жалела. И все же в какую-то минуту, проезжая мимо солдатских шатров – на телеге, которая подскакивала на рытвинах и разбитых колесах и дребезжала, как сухие рыбы кости в пустом котелке, – она позавидовала Мореин. Часто ли Суан находила время, чтобы позволить себе выглянуть из окна и полюбоваться прекрасным зеленым пейзажем, пока он не стал болезненно тусклым? Они с Мореин отчаянно сражались ради спасения этого мира, но для себя не оставили от него ничего, чем могли бы насладиться.

Возможно, Суан совершила ошибку, оставшись в Голубой Айя, в отличие от Лиане, которая, воспользовавшись возможностью, представившейся после их усмирения и Исцеления, перешла в Зеленую. «Нет, – подумала Суан под громохание телеги и резкий запах репы. – Нет, я по-прежнему намерена спасти этот треклятый мир». Она не может перейти к Зеленым. Хотя, когда Суан думала о Брине, ей хотелось, чтобы кое в чем Голубые больше походили на Зеленых.

Когда Суан была Амерлин, у нее не было времени на привязанности, – но как насчет Суан, которая превратилась лишь в приближенную Амерлин? Чтобы управлять людьми, незаметно манипулируя ими, требуется гораздо больше умений, чем заставлять их повиноваться из страха перед властью Престола Амерлин, и, как оказалось, это дает лучший результат. И вдобавок нынешнее положение избавляло ее от ужасного груза ответственности, который она ощущала в те годы, пока правила Белой Башней. Возможно, в ее жизни найдется место и для других перемен?

Повозка доехала до дальней стороны армейского лагеря, и Суан покачала головой, укрив себя за глупость, а затем спрыгнула на землю и кивком поблагодарила возчика. Она не девочка, едва доросшая до того, чтобы на целый день выйти в море за чернорыбницей. Нет смысла в подобных мыслях о Брине. По крайней мере, не сейчас. Нужно еще очень многое сделать.

Она шагала вдоль периметра лагеря, армейские шатры оставались по левую сторону от нее. Уже темнело, и фонари жгли драгоценное масло, освещая хаотично расставленные палатки и хижины справа от Суан. Впереди возвышался небольшой частокол. Он не охватывал весь армейский лагерь, а лишь окружал несколько дюжин офицерских шатров и палаток побольше, выделенных для командного состава. Частокол должен был послужить укрепленной позицией в случае нападения на лагерь, но в обычное время тут располагался штаб, где Брин

проводил советы с офицерами – он считал, что будет лучше, если от остального лагеря командование отделяет физический барьер. В ином случае суета и неразбериха скопища палаток маркитантов и прочего невоенного люда и излишне протяженный периметр, усложняющий патрулирование, позволили бы шпионам с легкостью подобраться к шатрам Бриана.

Частокол был готов только на три четверти, но работа продвигалась быстро. Возможно, со временем, если осада затянется, Брин обнесет палисадом весь армейский бивак. А пока он считал, что небольшой укрепленный командный пункт не только обеспечит безопасность и вселит в солдат уверенность, но и поднимет его авторитет.

Восьмифутовые колья тянулись заостренными вершинами к небу и сами чем-то напоминали караульных, стоящих плечом к плечу. При ведении осады обычно людей для фортификационных работ бывает в достатке. Охрана у ворот частокола знала, что Суан нужно пропустить, и вскоре она добралась до шатра Бриана. Ей действительно предстояла стирка, но большую часть работы придется отложить до утра. Как только стемнеет, она должна встретиться с Эгвейн в *Тел'аран'риоде*, а закат уже начинал таять.

Шатер Бриана, как обычно, едва светился слабым светом. В то время как остальные травили масло, он экономил. Большинство его людей жили лучше, чем он сам. Вот глупый мужчина. Решительным шагом Суан вошла в палатку, даже не спрашивая разрешения. Если Брин настолько глуп, чтобы переодеваться, не зайдя за ширму, он заслуживает того, чтобы его застали в таком виде.

Гарет Брин сидел за столом, освещенным лишь одной свечой, и, по всей видимости, читал доклады разведчиков.

Суан фыркнула, отпуская край входного полога, и парусиновые клапаны, опустившись, сомкнулись у нее за спиной. Ни одной лампы! Что за человек!

– Гарет Брин, ты глаза испортишь, если будешь читать при таком освещении.

– Суан, я почти всю жизнь читаю при одной свече, – не поднимая головы, заметил он и перевернул страницу. – И, коли хочешь знать, вижу я сейчас так же, как в детстве.

– Правда? – сказала Суан. – Хочешь сказать, что зрение у тебя всегда было плохим?

Брин усмехнулся, но продолжил читать. Суан фыркнула снова, погромче, чтобы он наверняка услышал. Затем она сплела светящуюся сферу и подвесила ее над столом. Глупый мужчина. Она не позволит Брину ослепнуть, чтобы в битве он пал от удара, которого не увидит. Поместив светящийся шар рядом с его головой – настолько близко, что он отодвинулся, – Суан отошла, собираясь снять белье с веревки, которую сама натянула посреди палатки. Он ни словом не высказал недовольства тем, что она вздумала сушить белье внутри его палатки, и снимать его не стал. К большому разочарованию Суан. Ей хотелось, чтобы у нее нашелся повод укорить его.

– Ко мне сегодня приходила женщина из внешнего лагеря, – заметил Брин, передвинувшись со стулом немного в сторону и взяв новую стопку бумаг. – Предлагала стирать для меня. У себя в лагере она организовала группу прачек и говорит, что мою одежду они будут стирать быстрее и лучше, чем одна служанка, которая постоянно отвлекается на другие дела.

Суан застыла, бросив взгляд на Бриана, а тот продолжал просматривать бумаги. Жесткие линии его нижней челюсти освещали одновременно два источника: слева на его лицо падало ровное белое сияние сферы Суан, а справа подрагивало оранжевое пламя свечи. Одних людей возраст делал слабыми, других – усталыми и дряхлыми. Черты же Бриана просто стали выразительней – как колонна, высеченная мастером-каменщиком и оставленная на милость стихий. Возраст не лишил его силы и энергии. Годы закалили Гарета Бриана, придали твердость характеру, лишь припорошив виски серебром и исчертив мужественное лицо линиями мудрости.

– И что ты ответил этой женщине? – спросила она.

Брин перевернул очередную страницу.

– Сказал, что моя прачка меня устраивает. – Он поднял на Суан взгляд. – Должен сказать, Суан, я удивлен. Я думал, Айз Седай не знакомы с такой работой, но редко когда моя униформа так замечательно сочетала в себе жесткость и удобство. Ты достойна похвалы.

Суан отвернулась, чтобы он не заметил выступивший на щеках румянец. Глупец! Перед ней короли преклоняли колени! Она ловко манипулировала Айз Седай и планировала спасение всего человечества! А он хвалит ее за стирку?

Но дело в том, что со стороны Брина похвала была честной и весомой. Он не смотрел свысока на прачек или мальчишек-посыльных. Он со всеми обращался одинаково. Чтобы заслужить уважение Брина, не нужно было быть королем или королевой; нужно было выполнять свой долг и держать данное слово. Похвала от него за хорошо выстиранное белье значила не меньше, чем награда, врученная солдату, который не отступил перед врагом.

Суан вновь взглянула на Брина. Он по-прежнему смотрел на нее. Глупый мужчина! Она торопливо сняла следующую рубашку и начала ее складывать.

– Ты так и не объяснила мне как следует, почему нарушила клятву, – сказал он.

Она замерла, уставившись на дальнюю стенку палатки, испятнанную тенями от еще висевшего белья.

– Я думала, ты понял. – Она продолжала складывать рубашку. – У меня были важные сведения для Айз Седай в Салидаре. Кроме того, не могла же я позволить Логайну разгуливать без присмотра? Мне нужно было найти его и доставить в Салидар.

– Это все отговорки, – сказал Брин. – Нет, я знаю, что так и было. Но ты – Айз Седай. Ты можешь взять факты и с той же ловкостью, как прочие используют ложь, искусно скрыть за ними настоящую правду.

– Хочешь сказать, что я лгу? – с вызовом в голосе спросила Суан.

– Нет, – ответил он. – Ты просто нарушила клятву.

Она посмотрела на него расширившимися глазами. Ну что ж, она не станет смягчать правду...

Но Суан все еще медлила. Он задумчиво смотрел на нее, окутанный сиянием двух источников света. Сдержанно, но не обвиняюще.

– Знаешь, именно этот вопрос и привел меня сюда, – сказал он. – Поэтому я отслеживал тебя все это время. Поэтому я все же присягнул этим мятежным Айз Седай, хотя у меня не было никакого желания ввязываться в очередную войну у Тар Валона. Все это я сделал для того, чтобы понять. Мне нужно знать. Почему? Почему женщина с такими глазами – горящими, незабываемыми – нарушила свою клятву?

– Я же сказала, что вернусь и исполню обещание, – сказала Суан, отворачиваясь и встряхивая перед собой рубашку, чтобы разгладить на ней складки.

– Снова отговорка, – тихо промолвил Брин. – Еще один ответ под стать Айз Седай. Услышу ли я когда-нибудь от тебя всю правду, Суан Санчей? Доводилось ли хоть кому-нибудь ее от тебя услышать?

Брин вздохнул, и Суан услышала шуршание бумаг, и пламя свечи затрепетало чуть сильнее, когда он снова вернулся к докладам.

– Я была еще принятой в Белой Башне, – тихо заговорила Суан, – когда оказалась одной из тех четырех, кто присутствовал при Предсказании, объявившем о неизбежном рождении Дракона Возрожденного на склонах Драконовой горы.

Шелест бумаг стих.

– Одна из трех других, кто был при Предсказании, – продолжила Суан, – умерла на месте. Еще одна – вскоре после этого. Уверена, что ее – саму Амерлин – убила Черная Айя. Да, она существует. Если ты хоть кому-то обмолвишься, что я признала этот факт, я вырву тебе язык.

Суан помолчала.

– Но до своей гибели Амерлин отправила Айз Седай на поиски Дракона. Одна за другой эти женщины исчезли. Должно быть, перед тем, как убить Тамру, Черные сестры пытками вырвали у нее их имена. Так просто она бы их не выдала. Я до сих пор содрогаюсь, стоит мне задуматься о том, что ей пришлось вынести.

Вскоре осталось только двое, кто знал. Морейн и я. Мы не должны были слышать Предсказание. Мы были всего лишь принятыми и случайно там оказались. Уверена, что Тамре как-то удалось утаить от Черной Айя наши имена, иначе нас непременно убили бы, как и других.

Нас осталось двое. Только мы двое во всем мире знали о том, что грядет. По крайней мере лишь двое из тех, кто служил Свету. И поэтому, Гарет Брин, я поступила так, как должна была поступить. Я посвятила свою жизнь приготовлениям к приходу в мир Дракона. Я поклялась, что мы переживем Последнюю битву. Что сделаю то, что необходимо – все, что будет необходимо, – что вынесу возложенное на меня бремя. Был только один человек, кому я могла доверять, и теперь она мертва.

Суан повернулась, встретившись с Брином взглядом. От ночного ветра подрагивали стенки палатки и колебалось пламя свечи, но Брин сидел неподвижно, не сводя с нее взора.

– Теперь ты понимаешь, Гарет Брин, – сказала она. – Я *должна* была отложить исполнение данного тебе обета, потому что у меня были и другие клятвы. Я дала зарок довести все до конца, и Дракон еще не встретил свою судьбу у Шайол Гул. Когда человек дает клятвы, то исполнять сначала должен те, которые важнее. Когда я приносила тебе клятву, то не обещала, что начну служить тебе сразу же. Я намеренно осторожничала в словах. Ты назовешь это словесными играми Айз Седай. Я бы назвала иначе.

– Иначе? Как? – поинтересовался Брин.

– Я делаю то, что необходимо, чтобы защитить тебя, твои земли, твой народ, Гарет Брин. Ты винишь меня за потерю амбара и нескольких коров. Лучше задумайся, как дорого заплатят твои люди, если Дракон Возрожденный потерпит поражение. Иногда нужно идти на жертву, чтобы исполнить более важный долг. По-моему, солдату это должно быть понятно.

– Тебе стоило сказать мне, – произнес он, по-прежнему не отводя взгляда. – Надо было объяснить, кто ты есть.

– И что? – спросила Суан. – Ты бы мне поверил?

Он промолчал.

– К тому же, – призналась она, – я тебе не доверяла. Прошлая наша встреча, как мне помнится, была не особенно... теплой. Могла ли я рисковать, Гарет Брин, и открыться человеку, которого не знаю? Могла ли я доверить ему тайны, которые известны только мне и которые я должна передать новой Амерлин? Могла ли я терять хоть миг, когда над целым миром навис топор палача?

Суан требовательно смотрела ему в глаза, желая получить ответ.

– Нет, – наконец признал Брин. – Сгореть мне на месте, Суан, нет! Ты не должна была ждать. Тебе вообще не надо было давать мне эту клятву!

– А тебе стоило повнимательней слушать, – сказала она, фыркнув и наконец отведя глаза. – Если станешь впредь брать с кого-то клятву служить тебе, советую оговаривать сроки службы.

Брин что-то проворчал, и Суан резким движением сдернула последнюю рубашку, веревка задрожала, отчего ее тень на дальней стене шатра превратилась в размытое пятно.

– Что ж, – сказал Брин, – самому себе я сказал, что продержу тебя на службе, пока не добьюсь ответа. Теперь я получил ответ. Могу сказать, что...

– Молчи! – выкрикнула Суан, резко развернувшись и направив на него палец.

– Но...

– Не говори этого, – пригрозила она. – А не то я заткну тебе рот и подвешу в воздухе до завтрашнего заката. Не думай, что я этого не сделаю.

Брин сидел, не говоря ни слова.

– Я еще не закончила с тобой, Гарет Брин. – Суан со злостью встряхнула рубашку и сложила ее. – Я скажу тебе, когда закончу.

– О Свет, женщина, – пробормотал он вполголоса. – Если б я знал, что ты – Айз Седай, когда гнался за тобой до Салидара... если б я ведал, что творил...

– Что тогда? – требовательно спросила она. – Ты бы не погнался за мной?

– Конечно погнался бы, – с негодованием сказал Брин. – Просто я был бы осторожнее, может, подготовился бы лучше. Это все равно что отправиться охотиться на кабана не с копьем, а с перочинным ножиком!

Суан уложила последнюю рубашку поверх остальных и взяла в руки всю стопку, а потом бросила на Брина страдальческий взор.

– Постараюсь сделать вид, будто не заметила, как ты, Брин, только что сравнил меня с кабаном. Будь любезен, следи за своим языком. Иначе лишишься служанки и тебе придется позволить тем прачкам заняться стиркой твоих рубашек.

Тот озадаченно взглянул на Суан, потом просто расхохотался. Она и сама не сумела скрыть усмешки. Что ж, после этого разговора он будет знать, с кем имеет дело и кто сидит у кормила.

Но... Свет! Почему она рассказала ему о Предсказании? Суан редко вообще кому-либо говорила об этом. Укладывая чистые рубашки в сундук, она покосилась на Брина, который до сих пор качал головой и посмеивался.

«Когда другие клятвы больше не будут доветь надо мной, – подумала Суан, – когда буду уверена, что Дракон Возрожденный делает то, что должен, тогда, возможно, настанет время. В кои-то веки я начинаю ждать, когда все закончится, и смотреть в будущее». Как замечательно.

– Тебе пора спать, Суан, – сказал Брин.

– Еще рано, – ответила она.

– Да, но уже закат. Каждый третий день ты ложишься непривычно рано и надеваешь то странное кольцо, что прячешь под тюфяком. – Брин снова повернул голову к разложенным на столе бумагам. – Передавай мои наилучшие пожелания Амерлин.

Суан развернулась к нему, чуть не открыв рот. Откуда ему знать о Тел'аран'риоде? Она заметила довольную улыбку у Брина на лице. Возможно, он и не знал ничего, но, очевидно, догадался, что кольцо и странности в распорядке ее дня как-то связаны с общением с Эгвейн. Вот же хитрый лис! Когда Суан проходила мимо него, Брин бросил на нее взгляд поверх бумаг, и она уловила в его глазах лукавый блеск.

– Невыносимый мужчина, – пробормотала Суан, садясь на топчан и гася свою светящуюся сферу. Затем она тайком вытащила кольцо-тер'ангриал и повесила его на шею, повернулась к Брину спиной и легла, пытаясь заставить себя заснуть. Она специально каждый третий день вставала спозаранку, чтобы к вечеру больше устать. Суан жалела, что не может засыпать по своей воле так же легко, как это проделывала Эгвейн.

Невыносим... Как же он невыносим! Нужно как-то с ним покончить. Запустить мышей в постель, например. Это будет хорошая расплата.

Суан лежала еще очень долго, но в конце концов ей удалось уговорить себя заснуть, причем со слабой улыбкой от предвкушения мести. Суан пробудилась в Тел'аран'риоде, одетая в одну лишь возмутительно короткую сорочку, едва прикрывающую тело. Она вскрикнула и тут же усилием воли сменила ее на зеленое платье. Зеленое? Как зеленое? Она сделала платье голубым. О Свет! Ну почему Эгвейн в Тел'аран'риоде так замечательно контролирует все вокруг себя, а у Суан даже одежда меняется при любой посторонней мысли? Должно быть, потому, что тот тер'ангриал, который надевала Суан, был посредственной копией, работавшей хуже оригинала. Оттого-то для тех, кто видел тут Суан, она казалась какой-то иллюзорной.

Суан стояла среди палаток, в центре лагеря Айз Седай. Входные клапаны шатров едва ли не каждую секунду то открывались, то закрывались. В небе бушевала яростная, но странно беззвучная гроза. Любопытно, но в Тел'аран'риоде странности – обычное дело. Суан зажмурилась, желая оказаться в кабинете наставницы послушниц в Белой Башне. Открыла глаза она уже там. В небольшой комнате, стены которой были обшиты деревянными панелями, стояли массивный письменный стол и узкий стол, где наказывали провинившихся.

Суан хотелось пользоваться оригинальным кольцом, но его бдительно оберегали восседающие. Нужно быть благодарной и за малый улов, так любил говаривать ее отец. Она вообще могла остаться даже и без этого кольца. Восседающие сочли, что оно было у Лиане, когда ту схватили.

Как там Лиане? В любой момент лже-Амерлин могла назначить казнь. Суан прекрасно знала, какой злопамятной могла быть Элайда. У нее до сих пор щемило сердце, когда она вспоминала бедного Алрика. Испытывала ли Элайда хоть малейшие угрызения совести за то, что хладнокровно убила Стража перед тем, как свергнуть ту, чью власть она подрывала?

– Меч, Суан? – вдруг раздался голос Эгвейн. – Это что-то новенькое.

Суан опустила взгляд и с ужасом увидела, что держит окровавленный меч, предназначенный, вероятно, для сердца Элайды. Она заставила его исчезнуть, затем обернулась к Эгвейн. Девушка выглядела почти как Амерлин. Она была облачена в роскошное золотистое платье, темные волосы украшала изящная сеточка, унизанная жемчугами. Лицо девушки еще не утратило признаков возраста, но ей все лучше давалось непоколебимое спокойствие Айз Седай. Вообще говоря, сейчас Эгвейн бесстрашие давалось даже лучше, чем тогда, когда ее схватили.

– Прекрасно выглядишь, мать, – промолвила Суан.

– Благодарю, – едва заметно улыбнулась Эгвейн.

Перед Суан она открывалась больше, чем перед другими. Обе они знали, как сильно полагалась Эгвейн на ее наставничество, чтобы добиться того, чего она достигла.

«Хотя, вероятно, она справилась бы и без меня, – мысленно признала Суан. – Просто не так быстро».

Эгвейн оглядела кабинет, где они находились, и слегка поморщилась.

– Понятно, что в прошлый раз я сама предложила это место, но с меня уже довольно этой комнаты. Насмотрелась за последние дни. Встречу тебя в обеденном зале для послушниц. – И Эгвейн исчезла.

Станный выбор, но вряд ли для того, чтобы укрыться от чужих ушей. Суан и Эгвейн были не единственными, кто использовал Тел'аран'риод для тайных встреч. Суан закрыла глаза – это было необязательно, но помогало – и представила себе трапезную послушниц, с рядами скамеек и голыми стенами. Когда она открыла глаза, то оказалась там, как и Эгвейн. Амерлин элегантно присела, и в тот же миг под ней возникло великолепное мягкое кресло. Суан сомневалась, что ей самой под силу подобное, поэтому просто уселась на одну из скамеек.

– Думаю, мать, нам нужно встречаться чаще, – заметила Суан, барабанила пальцами по столу и приводя мысли в порядок.

– Да? Почему? – Эгвейн выпрямилась в кресле. – Что-то случилось?

– Многое, – ответила Суан, – и боюсь, кое-что из этого пахнет не лучше, чем улов недельной давности.

– Рассказывай.

– Одна из Отрекшихся проникла в наш лагерь, – сказала Суан. Ей не хотелось слишком часто вспоминать о случившемся. От одной мысли об этом по спине бежали мурашки.

– Кто-нибудь погиб? – спросила Эгвейн. Голос ее был спокоен, но глаза казались стальными.

– Нет, хвала Свету, – сказала Суан. – Кроме тех, о ком ты уже знаешь. Связь между событиями установила Романда. Эгвейн, эта тварь какое-то время скрывалась среди нас.

– Кто она?

– Делана Мосалэйн, – ответила Суан. – Или ее служанка Халима. Скорее всего, Халима, ведь Делану я знаю уже довольно давно.

Глаза Эгвейн расширились, но едва заметно. Халима прислуживала Эгвейн. Одна из Отрекшихся служила Эгвейн, прикасалась к ней. Девочка стойко восприняла известия. Как и подобает Амерлин.

– Но Анайя была убита мужчиной, – сказала Эгвейн. – Эти убийства в чем-то отличались?

– Нет. Анайю убил не мужчина, ее убила женщина, направлявшая саидин. Вот единственное разумное объяснение, иного нет.

Эгвейн медленно кивнула. Все было возможно, когда дело касалось Темного. Суан улыбнулась – довольно и с гордостью. Девочка учится быть Амерлин. О Свет, да она уже Амерлин!

– Что-то еще? – спросила Эгвейн.

– Об этом случае – нет, – сказала Суан. – К несчастью, они сбежали от нас. Исчезли в тот же день, когда мы их раскрыли.

– Знать бы, что же их спугнуло.

– А вот тут дело касается кое-чего другого, о чем мне необходимо тебе рассказать. – Суан сделала глубокий вдох. Худшее уже сказано, но и говорить на следующую тему было не легче. – В тот день состоялось заседание Совета, на котором присутствовала Делана. На той встрече один из Аша'манов заявил, что почувствовал, как в лагере направляет Силу мужчина. Мы думаем, именно это послужило для нее предупреждением. Мы сумели сопоставить события только после того, как Делана сбежала. Тот же самый Аша'ман рассказал нам, что его товарищ сталкивался с женщиной, способной направлять саидин.

– А что Аша'ман делал в лагере? – спокойным голосом поинтересовалась Эгвейн.

– Его прислали в качестве посланника, – объяснила Суан. – От Дракона Возрожденного. Мать, судя по всему, некоторые мужчины, что следуют за ал'Тором, связывают себя узами с Айз Седай.

Эгвейн моргнула один раз.

– Да. До меня доходили эти слухи. Я надеялась, что они преувеличены. Этот Аша'ман не сказал, кто позволил Ранду совершать столь неслыханные поступки?

– Он – Дракон Возрожденный, – сказала Суан, поморщившись. – Не думаю, что он считает нужным просить чьего бы то ни было позволения. Но, справедливости ради, он, похоже, не знал о случившемся. Женщины, которых связали узами, были посланы Элайдой, чтобы уничтожить Черную Башню.

– Да. – Эгвейн наконец-то проявила чуточку эмоций. – Значит, слухи верны. Даже слишком верны. – Ее великолепное платье сохранило форму, но приобрело темно-коричневый цвет, как одежда айильцев. Эгвейн, очевидно, не заметила перемены. – Когда же закончится правление Элайды, приносящее одну катастрофу за другой?

Суан лишь покачала головой:

– В виде некоего возмещения нам предложили связать узами сорок семь Аша'манов, по числу тех женщин, которые оказались связаны узами с мужчинами ал'Тора. Нельзя сказать, что обмен равноценный, но Совет все же решил принять это предложение.

– И правильно сделал, – сказала Эгвейн. – С безрассудством Дракона мы разберемся позднее. Может быть, они действовали без его прямых приказов, но Ранд должен за такое ответить. Мужчины! Связывают узами женщин!

– Они утверждают, что саидин очищена, – заметила Суан.

Эгвейн приподняла бровь, но возражать не стала.

– Да, – заметила она, – полагаю, это весьма вероятно. Разумеется, нам будут нужны более основательные подтверждения. Но саидин была запятнана, когда казалось, что победа близка. Так почему бы порче не исчезнуть, когда все как будто катится к полному безумию?

– Это мне в голову не приходило, – сказала Суан. – Так что же нам делать, мать?

– Пусть с этим разбирается Совет, – ответила Эгвейн. – Похоже, они держат ситуацию под контролем.

– Если бы ты вернулась, мать, то было бы легче держать под контролем их самих.

– Со временем вернусь, – отозвалась Эгвейн. Девушка откинулась на спинку кресла и, сплетя пальцы, положила руки на колени. Она вдруг показалась гораздо старше, чем можно было судить по лицу. – Пока же мне нужно потрудиться здесь. Тебе придется проследить за тем, чтобы Совет действовал так, как нужно. Я всецело полагаюсь на тебя.

– И я ценю твое доверие, мать, – сказала Суан, скрывая досаду. – Но я теряю влияние на них. Лилейн возомнила себя второй Амерлин – и при этом притворяется, что поддерживает тебя. Она поняла, насколько ей это выгодно: делать вид, будто она действует от твоего имени, и в то же время преследовать собственные интересы.

Эгвейн поджала губы:

– Я бы скорее подумала, что верх одержит Романда, учитывая, что именно она обнаружила Отрекшуюся.

– Думаю, Романда считала, что сохранит преимущество, – сказала Суан, – но она слишком долго упивалась победой. Лилейн не без усилий стала самой преданной приверженкой Амерлин, какую только можно представить. Послушать ее, так подумаешь, что вы с ней были ближайшими соратницами! Она выделяет меня как свою приближенную, и всякий раз, как собирается Совет, только и слышно «так хотела Эгвейн» и «помните, что об этом говорила Эгвейн».

– Умный ход, – заметила Эгвейн.

– Блестящий, – вздохнула Суан. – Но мы предвидели, что рано или поздно одна из них примется пробивать себе путь, стремясь обойти другую. Я продолжаю сталкивать их с Романдой, но не знаю, сколько еще мне удастся отвлекать Лилейн.

– Прилагай все усилия, – сказала Эгвейн. – Но не беспокойся, если Лилейн не пойдет у тебя на поводу.

Суан нахмурилась:

– Но она стремится узурпировать твое место!

– Она укрепляет его, – улыбаясь, сказала Эгвейн. Заметив в конце концов, что ее платье стало коричневым, она вернула наряду прежний цвет в мгновение ока, не прерывая разговора. – Игры Лилейн обернутся успехом только в том случае, если мне не удастся вернуться. Она использует меня как источник власти. Когда я вернусь, у нее не будет иного выбора, кроме как принять мое главенство. Все свои усилия она потратит на то, чтобы укрепить мой авторитет.

– А если ты не вернешься, мать? – тихо спросила Суан.

– Тогда для Айз Седай будет лучше иметь сильного лидера, – сказала Эгвейн. – И если той, у кого в руках будет эта сила, окажется Лилейн, то так тому и быть.

– Знаешь ли, у нее есть веская причина помешать твоему возвращению, – заметила Суан. – По меньшей мере свою ставку она делает против тебя.

– Ну, за это я бы не стала ее сильно винить. – Эгвейн позволила себе настолько расслабиться, что скривила лицо в гримасе. – Будь я там, за пределами Башни, то и сама бы поддалась соблазну поставить против себя. Просто-напросто, Суан, заняться ею придется тебе. Я не могу позволить себе отвлекаться. Не сейчас, когда тут так велика возможность успеха, и не тогда, когда цена за провал стала еще выше.

Суан знала, насколько бывает упряма Эгвейн, когда так сильно стискивает челюсти. Сегодня ночью переубедить ее ни за что не получится. Придется попробовать снова при следующей встрече.

Все это – очищение саидин, Аша’маны, раскол Башни – заставляло ее невольно содрогаться. Хотя к этому Суан готовилась большую часть своей жизни, ей становилось не по себе оттого, что это время наконец настало.

– Последняя битва и вправду близка, – сказала Суан больше себе самой.

– Именно так. – Голос Эгвейн был непроницаемо спокоен.

– И я иду на нее лишь с жалкой каплей моей былой силы, – скривившись, отметила Суан.

– Что ж, пожалуй, нам удастся добыть тебе ангриал, когда Башня вновь станет единой, – сказала Эгвейн. – Когда мы выступим против Тени, нам понадобится все, что у нас есть.

Суан улыбнулась:

– Было бы замечательно, но это необязательно. Наверное, я ворчу по привычке. На деле же я постепенно учусь справляться со своим... новым положением. С ним не так уж трудно мириться – теперь, когда я увидела в этом определенные преимущества.

Эгвейн нахмурилась, словно пытаясь понять, какие могут быть преимущества в том, что твои силы уменьшились. В конце концов девушка покачала головой.

– Илэйн однажды говорила мне о комнате в Башне, набитой предметами силы. Полагаю, такая комната действительно существует?

– Конечно, – сказала Суан. – Хранилище под Башней. На втором подземном этаже, на северо-восточной стороне. Маленькая комнатка с простой деревянной дверью, но мимо нее не пройдешь. В том коридоре это единственная запертая дверь.

Эгвейн кивнула своим мыслям.

– Грубой силой одолеть Элайду я не могу. И все же хорошо, что я знаю о хранилище. У тебя еще есть что-нибудь важное?

– Пока нет, мать, – сказала Суан.

– Тогда возвращайся и поспи немного. – Эгвейн помедлила. – В следующий раз мы увидимся через два дня. Здесь, в обеденном зале для послушниц, хотя, наверно, стоит перенести встречи куда-нибудь в город. Не доверяю я этому месту. Если в нашем лагере окопалась Отрекшаяся, то я готова поставить в заклад половину отцовской гостиницы, что кто-то из них шпионит и за Белой Башней.

Суан кивнула:

– Хорошо.

Она закрыла глаза и вскоре обнаружила, что моргает в палатке Бриана. Свеча была погашена, и Суан слышала тихое дыхание Бриана, который спал на топчане в другом углу палатки. Сев на постели, она посмотрела на него, хотя в темноте трудно было разглядеть что-то, кроме неясных теней. Как ни странно, но после разговора об Отрекшихся и Аша’манах присутствие рядом этого крепкого мужчины успокаивало ее.

«Есть ли еще что-нибудь важное, Эгвейн? – подумала Суан, вставая. Зайдя за ширму, она сняла платье и переделалась в ночную сорочку. – Мне кажется, я влюбилась. Насколько это важно?» Ей самой это казалось куда более странным, чем избавление от порчи или женщина, направляющая саидин.

Качая головой, Суан спрятала позволяющий ходить по снам тер’ангриал обратно в тайник и уютно устроилась под одеялами.

Так уж и быть, на этот раз она не станет подкладывать ему мышей. Но вот в другой раз... Нет, зарекаться не стоит.

Глава 9

Покидая Малден

Прохладный весенний ветер щекотал Перрину лицо. Такой легкий ветер должен пахнуть цветочной пылью и холодной утренней росой, свежей почвой, из которой пробиваются и тянутся к свету молодые ростки, он должен пахнуть новой жизнью и обретшей новое рождение земель.

Этот же ветер принес лишь запахи крови и смерти.

Перрин повернулся к ветру спиной, опустил на колени и принялся осматривать колеса. Повозка, сделанная из гикори, потемневшего от времени, была крепкой и с виду в хорошем состоянии, но Перрин усвоил, что надо быть начеку, когда имеешь дело с чем-то из Малдена. Хотя Шайдо с презрением относились к лошадям, но использовать фургоны и волов не отказывались, однако они – как и все айильцы – предпочитали отправляться в путь налегке. О телегах и фургонах они заботились плохо, и в ходе своего осмотра Перрин обнаружил немало изъянов и незаметных на первый взгляд повреждений.

– Следующий! – выкрикнул он, проверяя втулку первого колеса. Реплика адресовалась ждущей неподалеку толпе – все эти люди хотели поговорить с ним.

– Милорд, – голос был низкий и неприятный, напоминающий звук, который раздается, если одной деревяшкой потереть о другую. Герард Арганда, первый капитан Гэалдана. Исходивший от него запах заставлял вспомнить хорошо смазанные маслом доспехи, – вынужден напомнить, что нам необходимо отправляться в путь. Позвольте мне выехать вперед вместе с ее величеством.

Ее величеством Арганда именовал Аллиандре, королеву Гэалдана. Перрин продолжал осматривать колесо. Плотницкое ремесло было ему не так знакомо, как кузнечное, но его отец научил всех своих сыновей разбираться в повозках. Лучше обнаружить неприятность заранее и вовремя исправить поломку, чем застрять потом на полпути. Перрин провел ладонью по гладкой коричневой древесине. Волокна дерева были хорошо различимы, и умелые пальцы быстро проверили, нет ли трещин. На вид все четыре колеса были в порядке.

– Милорд? – напомнил о себе Арганда.

– Мы выступим все вместе, – сказал Перрин. – Таков мой приказ, Арганда. Я не хочу, чтобы беженцы решили, будто мы их бросаем.

Беженцы. Больше сотни тысяч людей, которым нужна помощь. Сотня тысяч! О Свет, да их намного больше, чем живет во всем Двуречье! И Перрин отвечал за то, чтобы накормить каждого из них. Фургоны. Многие люди не понимают, как важен надежный фургон. Он лег на спину, собираясь осмотреть оси, и это дало ему возможность увидеть хмурое небо, отчасти закрытое тянувшимся рядом участком городской стены Малдена.

Для дальнего севера Алтары Малден был крупным городом. Он представлял собой больше крепость, чем город, с высокими стенами и башнями. Два дня назад окрестности города служили пристанищем для Шайдо Айил, но теперь их тут не было – многие погибли, другие бежали, а захваченные ими пленники освобождены соединенными силами Перрина и шончан.

От Шайдо ему остались лишь витавший в воздухе запах крови и сотня тысяч беженцев, нуждающихся в заботе. Перрин был рад, что сумел вернуть им свободу, но, освобождая Малден, он преследовал другую цель – спасение Фэйли.

К расположению отрядов Перрина приближалось еще одно войско айильцев, но они замедлились, потом разбили лагерь и больше уже не торопились к Малдену. Возможно, бежавшие с поля боя Шайдо предупредили о том, что впереди большая армия, разбившая их,

несмотря на женщин, обладающих способностью направлять Силу. Кажется, это новое войско имело не больше желания связываться с Перрином, чем он с ними.

Это давало ему время. Пусть и немного.

Арганда по-прежнему смотрел на Перрина. На капитане блестела начищенная кираса, свой шлем с узкой прорезью в забрале он держал под мышкой. Коренастый мужчина не принадлежал к числу спесивых и заносчивых офицеров, он был простолюдином, дослужившимся до высокого ранга с самых низов. Он хорошо сражался и исполнял данные ему приказы. Обычно.

– Я не передумаю, Арганда, – сказал Перрин, подтягиваясь на руках по влажной земле и глубже залезая под повозку.

– Можем мы хотя бы воспользоваться переходными воротами? – спросил Арганда, тоже опускаясь на колени. Наклонившись и заглядывая под фургон, он едва не касался земли коротко стриженными седеющими волосами.

– Аша’маны истощены почти до смерти, – отрезал Перрин. – Ты это знаешь.

– Они слишком устали для того, чтобы открыть большие ворота, – сказал Арганда, – но, возможно, сумеют отправить небольшую группу. Моя госпожа так устала после плена! Вы же не хотите, чтобы она шла пешком вместе со всеми!

– Беженцы тоже устали, – сказал Перрин. – Аллиандре может ехать на лошади, но отправится в одно время с нами. Да ниспошлет Свет, чтобы это случилось поскорее.

Арганда вздохнул, но кивнул и поднялся, а Перрин продолжал ощупывать ось. Он мог определять напряжение дерева и на глаз, но предпочитал убедиться с помощью пальцев. На ошупь – оно надежнее. Там, где дерево ослабело, всегда будет скол или трещинка, и можно определить, что оно скоро сломается. Дерево было простым и предсказуемым.

В отличие от людей. В отличие от него самого.

Перрин заскрежетал зубами. Он не хотел думать об этом. Ему нужно продолжать работать, делать что угодно, лишь бы отвлечься. Он любил работу. А в последнее время для этого у него было мало возможностей.

– Следующий! – сказал он, и голос гулко отразился от днища фургона.

– Милорд, мы должны атаковать! – громогласно объявил голос откуда-то сзади.

Перрин уронил голову на изрядно примятую траву и закрыл глаза. Бертайн Галленне, лорд-капитан Крылатой гвардии, занимал в Майене то же положение, что Арганда в Гэалдане. Не считая этого единственного сходства, два военачальника были настолько разными, насколько люди вообще могут отличаться друг от друга. Из-под фургона Перрин видел лишь большие, превосходно сшитые сапоги Бертайна, украшенные пряжками в виде ястребов.

– Милорд! – продолжил Бертайн. – Атака отважной Крылатой гвардии рассеет этот айильский сброд, я уверен в этом. Мы же легко справились с айильцами в городе!

– Тогда с нами были шончан, – заметил Перрин, закончив осмотр задней оси и ползком перебираясь к передней. На нем была его старая, вся в пятнах, куртка. Фэйли бы его отругала. Он должен выглядеть, как то подобает лорду. Но неужели она считает, будто он наденет дорожную одежду, если собирается целый час лежать на грязной траве, разглядывая днища фургонов?

Начать с того, что Фэйли вообще бы не захотела, чтобы он лежал на грязной траве. Положив ладонь на переднюю ось, Перрин задумался, припоминая ее черные, как вороново крыло, волосы и характерный салдэйский нос. Она была воплощением его любви. Она была для него всем.

Перрин добился своей цели – он спас ее. Так почему же у него на душе почти так же тягостно, как раньше? Он должен радоваться, должен испытывать восторг и облегчение. Пока Фэйли была в плену, он места себе не находил. Но и теперь, когда она в безопасности, по-прежнему казалось, что все не так, как надо. Но почему? Он не мог объяснить почему.

О Свет! Почему ничто не идет так, как должно? Перрин потянулся было рукой к карману, чтобы потрогать шнурок с узелками, который когда-то там носил. Но он уже выбросил его. «Прекрати! – велел он себе. – Она вернулась. Мы снова можем жить, как раньше. Разве нет?»

– Да, верно, – продолжал Бертайн, – полагаю, отсутствие шончан осложнит атаку. Но та группа айильцев, что разбила свой лагерь, меньше воинства, которое мы уже разгромили. А если вы беспокоитесь, то можете послать гонца к той шончанке-военачальнице и вернуть ее. Наверняка она не откажется вновь сразиться рядом с нами!

Перрин заставил себя вернуться в настоящее. Размышлять о собственных проблемах сейчас неуместно; в данный момент главное – подготовить к дороге эти фургоны. Передняя ось была в порядке. Перрин перевернулся и ногами вперед выполз из-под фургона.

Бертайн был среднего роста, хотя плюмаж из трех перьев на шлеме делал его выше. Одну глазницу майенца закрывала красная повязка – Перрин не знал, где Галленне потерял глаз, – а его доспехи сияли. Он выглядел возбужденным, словно принял молчание Перрина за согласие на атаку.

Перрин встал, отряхивая коричневые штаны из грубой ткани.

– Мы уходим, – сказал он и поднял руку, пресекая возможные возражения. – Мы победили здесь несколько септов, но айильцы были опоены вилочником, и на нашей стороне были даmani. Мы устали, изранены, и мы вернули Фэйли. Больше нет причин сражаться. Нам не нужен бой.

На лице Бертайна явственно читалось неудовольствие, но он кивнул и развернулся. Тяжело шагая по грязи, майенец направился обратно к своим воинам, седлавшим лошадей. Перрин поглядел на сгрудившуюся возле фургона кучку людей, желавших поговорить с ним. Когда-то подобное раздражало Перрина. Это казалось бесполезной работой, так как многие из просителей знали заранее, каким будет его ответ.

Но им нужно было услышать ответы от него, и Перрин начал понимать важность этого. Кроме того, их вопросы помогали ему забыть то странное напряжение, которое не оставляло его после спасения Фэйли.

Перрин направился к следующему фургону, люди двинулись за ним. В длинной веренице каравана было не меньше полусотни повозок. Первые были нагружены спасенным горожанами имуществом из Малдена; на тех, что в середине, еще шла погрузка, и Перрину оставалось осмотреть только два фургона. Ему хотелось до заката оказаться подальше от Малдена. Возможно, вдали отсюда он почувствует себя в безопасности.

Если только этим новым Шайдо не вздумается преследовать его из мести. С такой толпой, которую Перрину нужно увести с собой, его и слепой способен выследить.

Солнце, размытой кляксой светившее за пеленой облаков, клонилось к горизонту. О Свет, ну и задача – разобраться со всей неразберихой и организовать беженцев и солдат из разных лагерей. И кто-то еще говорит, что обратная дорога легче!

Лагерь Шайдо был полностью разорен. Многие из брошенных палаток его люди обшарили, разобрали и свернули. Теперь о том, что возле города был разбит айильский лагерь, говорили лишь истоптанная трава, грязь и разбросанный по размякшей земле мусор. Шайдо, будучи айильцами, предпочли поставить свой лагерь за стенами города, а не внутри их. Станный народ, вне всяких сомнений. Кто же отказывается от хорошей постели, не говоря о более выгодной с военной точки зрения позиции, оставшись жить в палатках в чистом поле?

Но Айил к городам относились с презрением. Большая часть зданий Малдена была сожжена еще при первой атаке Шайдо или разграблена в поисках ценностей. Двери были выбиты, окна разбиты, вещи разбросаны по улицам и втоптаны в грязь ногами гай'шайн, которые неустанно носили из города воду.

Точно муравьи, вокруг по-прежнему суетливо сновали люди; миновав городские ворота, они разбегались по бывшему лагерю Шайдо, хватая все, что можно увезти. Фургоны придется

бросить, если решено будет прибегнуть к Перемещению, – Грейди не мог создавать переходные врата достаточно большими, чтобы через них прошел фургон, – но до тех пор повозки будут немалым подспорьем. Отыскалось также много волов, и кто-то наверняка сейчас проверяет их, дабы удостовериться, что животные способны тащить фургоны. Жаль, что многие лошади, выпущенные Шайдо из городских конюшен, разбежались. Что ж, приходится довольствоваться тем, что есть.

Перрин приступил к осмотру очередного фургона, в который будут впряжены волы, и начал с длинного дышла.

– Следующий! – окликнул он.

– Милорд, – раздался скрипучий голос, – думаю, следующий – я.

Перрин взглянул на говорившего: Себбан Балвер, его секретарь. Сухое узкое лицо и вечная сутулость придавали человеку сходство с усевшимся на скале стервятником. Хотя куртка и штаны на нем были чистые, Перрину казалось, что от Балвера при каждом его шаге поднимаются облачка пыли. От него даже пахло пылью, как от старой книги.

– Балвер, – промолвил Перрин, пробегая пальцами по оглобле, а затем проверяя на ощупь ремни упряжи, – я думал, ты разговариваешь с пленниками.

– Действительно, я был там занят своей работой, – сказал Балвер. – Однако меня стало мучить любопытство. Вы разрешили шончан забрать всех пленниц из Шайдо, способных направлять Силу?

Перрин через плечо бросил взгляд на пахнущего пылью секретаря. Хранительницы Мудрости, которые могли направлять Силу, были одурманены настоем из корня вилочника, и их, по-прежнему остававшихся в беспамятстве, передали на милость шончан. Такое решение пришлось не по душе айильским союзникам Перрина, но он не мог оставить способных направлять женщин на свободе, чтобы они потом стали мстить ему.

– Не вижу, зачем они мне, – сказал он Балверу.

– Ну как же, милорд, от них можно узнать много важного. К примеру, то, что многие Шайдо, по-видимому, стыдятся поведения своего клана. Сами Хранительницы Мудрости не в ладах друг с другом. К тому же они имели дело с некоторыми весьма любопытными личностями, которые предлагали им предметы силы, относящиеся к Эпохе легенд. И кто бы то ни был, они умеют создавать переходные врата.

– Отрекшиеся, – пожал плечами Перрин, опускаясь на колено, чтобы проверить правое переднее колесо. – Сомневаюсь, что мы сумеем их опознать. Скорее всего, они маскируются.

Краем глаза он заметил, как при его словах Балвер поджал губы.

– Ты считаешь иначе? – спросил Перрин.

– Нет, милорд, – сказал секретарь. – Но «предметы», которые получили Шайдо, на мой взгляд, очень подозрительны. Айильцев обманули, хотя с какой целью, я пока понять не могу. Но если бы у нас было больше времени на то, чтобы обыскать город...

О Свет! Ну почему каждый человек в лагере просит его о том, что заведомо не может получить? Перрин лег на землю, осматривая заднюю сторону втулки колеса. Что-то в ней ему не нравилось.

– Балвер, мы уже знаем, что нам противостоят Отрекшиеся. Они не станут встречать Ранда с распростертыми объятиями, чтобы тот снова заточил их в узилище или что он там собирается сделать.

Проклятый цветной вихрь! Опять он принес видение Ранда. Перрин отогнал эти образы прочь. Всегда, когда он вспоминал о Ранде или Мэте, перед его мысленным взором возникали эти видения.

– В любом случае, – продолжал Перрин, – не пойму, чего ты от меня хочешь. Мы уводим Шайдо-гай'шайн с собой. Девы захватили их немало. Можешь их допрашивать. Но отсюда мы уходим.

– Да, милорд, – сказал Балвер. – Мне просто жаль, что мы упустили этих Хранительниц Мудрости. Мой опыт говорит о том, что среди Айил они обладают наибольшим... пониманием.

– Их требовали шончан, – сказал Перрин. – И получили их. Я не позволю Эдарре угрожать мне из-за этого – что сделано, то сделано. Чего ты хочешь от меня, Балвер?

– Наверное, стоило бы отправить послание, – предложил Балвер, – чтобы Хранительницам Мудрости, когда они очнутся, задали кое-какие вопросы. Я... – Он умолк и, нагнувшись, посмотрел на Перрина. – Милорд, это несколько отвлекает. Разве нельзя было найти кого-то другого для осмотра фургонов?

– Остальные или слишком устали, или слишком заняты, – сказал Перрин. – Мне нужно, чтобы беженцы дожидались в лагерях, пока мы не отдадим приказ выступить. А большинство солдат прочесывают город в поисках съестных припасов – нам пригодится любая лишняя горсть зерна. Половина запасов все равно испорчена. В этих поисках я им помочь не могу, потому что должен быть там, где меня могут найти люди.

Как это ни злило его, Перрин вынужден был так поступить.

– Конечно, милорд, вы должны быть там, где вас можно найти, – произнес Балвер. – Но разумеется, вам при этом вовсе незачем ползать под фургонами.

– Я могу чем-то заниматься и в то же время с людьми разговаривать, – сказал Перрин. – Мои руки вам не нужны, нужна только моя голова. И эта голова велит тебе забыть об айильцах.

– Но...

– Больше я ничего не могу сделать, Балвер, – твердо сказал Перрин, глядя на секретаря снизу вверх сквозь спицы колеса. – Мы отправляемся на север. Хватит с меня Шайдо. Чтоб им всем сгореть, но мне нет до них дела.

Балвер снова поджал губы, и от него чуть пахнуло досадой.

– Разумеется, милорд, – сказал он, быстро поклонившись. И затем секретарь удалился.

Перрин, извиваясь, как змея, выполз из-под повозки и встал, кивком подзывая к себе молодую женщину в грязном платье и стоптанных туфлях, которая стояла сбоку от вереницы фургонов.

– Сбегай за Линконом, – велел ей Перрин. – Скажи ему, чтоб взглянул на эту втулку. Думаю, крепление разболталось и проклятая штуковина вот-вот отвалится.

Молодая женщина кивнула и убежала. Линкон был мастером-плотником и, на свою беду, отправился навещать родственников в Кайриэне, когда напали Шайдо. Воля его была практически сломлена. Возможно, именно ему стоило заниматься повозками, но, видя его затравленный взгляд, Перрин сомневался, что тот способен как следует все проверить. Хотя, если показать ему пальцем на то, что требовало починки, Линкон неплохо справлялся с порученным делом.

Да и по правде говоря, пока Перрин сам работал, он чувствовал, что делает нечто полезное, что-то нужное. Не думая о других проблемах. Фургоны починить легко. Фургоны – это ведь не то что люди. Совсем не то.

Перрин повернулся, оглядывая пустой лагерь – черные пятна кострищ и разбросанное тряпье. В город возвращалась Фэйли: она отправляла на разведку местности небольшую группу своих последователей. Она была поразительна. Прекрасна. Эта красота была не только во внешности или в гибкой фигуре, но и в том, с какой легкостью она командовала людьми, с какой быстротой понимала, что надо делать. Фэйли обладала тем даром, какого никогда не имел Перрин.

Он не был глуп – просто он любил все обдумывать, а вот с людьми, в отличие от Мэта или Ранда, никогда общаться особо не умел. Фэйли показала, что ему необязательно уметь ладить с людьми, даже с женщинами; достаточно, что есть один человек, который его понимает. Ему не надо уметь разговаривать со всеми – до тех пор, пока он может разговаривать с ней.

Но сейчас Перрин не мог найти слов. Его тревожило, что произошло с ней в плену, но значения это уже не имело. Он злился из-за того, что ей пришлось пережить, но ни в чем ее вины не было. Чтобы выжить, пойти можно на многое. Он уважал ее силу.

«О Свет! – подумал Перрин. – Опять я размышлять стал! Надо работать дальше».

– Следующий! – прорычал он, наклоняясь и продолжая осматривать фургон.

– Если б я видел только твое лицо, парень, и ничего больше, – раздался добродушный голос, – то решил бы, что мы проиграли эту битву.

Удивленный, Перрин повернулся. Он и не знал, что среди тех, кто хотел с ним поговорить, был Тэм ал'Тор. Толпа поредела, но в ней еще оставались гонцы и слуги. Позади, в ожидании опершись на боевой посох, стоял рослый и крепкий пастух, чьи волосы высеребрила седина. Перрин еще помнил времена, когда они были черны как смоль. Тогда Перрин был совсем еще мальчишкой, не знавшим жара кузнечного горна и не державшим молота в руках.

Рука Перрина потянулась к молоту, висевшему на поясе. Он предпочел молот топору. Решение было верное, но в битве за Малден он все равно утратил контроль над собой. Быть может, именно это беспокоило его?

Или то, насколько ему нравилось убивать?

– Что тебе нужно, Тэм? – спросил Перрин.

– Я лишь хочу доложить, милорд, – сказал Тэм. – Двуреченцы готовы к маршу, каждый несет за спиной по две палатки, на всякий случай. Городскую воду из-за корня вилочника мы использовать не можем, поэтому я отправил нескольких парней наполнить бочки из акведука. Обратно мы могли бы привезти их на фургоне.

– Отлично, – сказал Перрин, улыбнувшись. Наконец хоть кто-то сделал то, что нужно, не заручившись сначала его разрешением. – Скажи двуреченцам, что я хочу отправить их домой как можно скорее. Пусть только Грейди и Неалд наберутся сил, чтобы создать переходные врата. Хотя, наверное, придется немного подождать.

– Мы благодарны за это, милорд, – сказал Тэм. Чувствовалось, что ему непривычно было использовать этот титул. – Могу ли я побеседовать с тобой наедине?

Перрин кивнул, заметив, что к фургону, хромая, приближается Линкон. Вместе с Тэмом Перрин двинулся подальше от стражи и маленькой толпы просителей, отойдя в тень стены Малдена. Основания массивных каменных блоков обросли зеленым мхом. Странно, но мох был гораздо ярче, чем истоптанная грязная трава под ногами. Казалось, этой весной не было никакой зелени, кроме мха.

– В чем дело, Тэм? – спросил Перрин, когда они оказались достаточно далеко.

Тэм потер ладонью щеку с пробивавшейся седой щетиной. В последние дни Перрин никому не давал продыха, и на бритье времени не оставалось. Одет Тэм был в простую синюю шерстяную куртку, и плотная ткань, скорее всего, неплохо спасала от ветра с гор.

– Парни спрашивают, Перрин. – Когда они остались одни, речь Тэма стала менее формальной. – Ты всерьез говорил о том, что отказываешься от Манетерен?

– Да, – сказал Перрин. – От этого знамени, как только оно появилось, одни неприятности. Шончан, да и все прочие, пусть тоже знают. Никакой я не король.

– А как же королева, которая принесла тебе вассальную клятву?

Перрин, подбирая слова для ответа, задумался над сказанным Тэмом. Когда-то его считали тугодумом. Теперь люди называли его задумчивость признаком острого ума и изобретательности. И все благодаря вычурному титулу перед именем!

– Думаю, ты поступил правильно, – вдруг произнес Тэм. – Назвав во всеуслышание Двуречье древним именем Манетерен, ты испортил бы отношения не только с шончан, но и с самой королевой Андора. Они могли бы решить, что ты хочешь большего, а не только одно Двуречье. Что, наверное, ты намерен завоевать все те земли, которыми некогда владела Манетерен.

Перрин замотал головой:

– Не хочу я ничего завоевывать, Тэм! О Свет! И вообще я не думаю владеть никакими землями, которые мне приписывают люди. Чем скорее Илэйн взойдет на трон и пришлет в Двуречье настоящего правителя, тем лучше. Можно будет покончить с этим «лордом Перрином» и вернуться к нормальной жизни.

– А королева Аллиандре? – спросил Тэм.

– Она может поклясться в верности Илэйн, – упрямо сказал Перрин. – Или, может быть, дать клятву самому Ранду. Ему, похоже, нравится собирать королевства. Все равно что ребенок, играющий в кубики.

От Тэма исходил запах беспокойства. Какой-то тревоги. Перрин отвернулся. Ну почему, почему все так сложно? Должно же быть проще.

– Ну что еще?

– Просто я подумал, что ты уже привык к этому, – заметил Тэм.

– Ничего не изменилось. Все так же, как было до того, как похитили Фэйли, – сказал Перрин. – И то зная с волчьей головой мне по-прежнему не нравится. Вот думаю, не пора ли и его тоже убрать подальше.

– Люди верят в это зная, Перрин, – негромко сказал Тэм. Он был человеком добродушным и спокойным, но тихий уверенный голос заставлял других слушать его. А говорил Тэм обычно разумные вещи. – Парень, я отвел тебя в сторонку, чтобы предупредить. Если дашь ребятам возможность вернуться в Двуречье, кто-то и вернется. Но не все. Я слышал, как многие клялись, что пойдут за тобой к Шайол Гул. Они знают, что близится Последняя битва – а кто не видел всех этих знамений? Они не хотят оставаться в стороне. – Тэм помолчал. – Да и я, пожалуй, тоже не хочу. – Теперь от него пахло решимостью.

– Посмотрим, – сказал Перрин, хмурясь. – Посмотрим.

Он отослал Тэма, дав распоряжение взять повозку и привезти бочки с водой. Солдаты его послушают; Тэм был при Перрине первым капитаном, хотя самому Перрину казалось, что должно быть наоборот. Он мало знал о прошлом Тэма, но много-много лет назад тот сражался в Айильской войне и меч в руках держать научился задолго до того, как Перрин появился на свет. А теперь он подчинялся Перрину.

Они все ему подчинялись. И хотели выслушивать от него приказы и в дальнейшем! Неужели они не поняли? Перрин не стал возвращаться к просителям, а остался в тени, прильнув спиной к стене.

Теперь он вдруг осознал, что было одной из причин его беспокойства. Вот что его тревожило, хотя и не только это. Даже теперь, когда Фэйли вновь была с ним.

В последнее время он не был хорошим лидером. Коли на то пошло, он никогда и не был в этом отношении образцом для подражания, даже когда его направляла Фэйли. Но без нее все стало хуже. Намного хуже. Он игнорировал приказы Ранда, отметал все, лишь бы вернуть Фэйли.

А как еще должен поступать мужчина? Его жену похитили!

Он спас ее. Но бросил всех остальных. И многие из-за него погибли. Хорошие люди. Люди, которые ему доверяли.

Стоя в тени стены, Перрин вспомнил, как всего лишь день назад его соратник пал от айильских стрел, а душа его была отравлена Масимой. Айрам был Перрину другом, одним из тех, кого Перрин бросил в своем стремлении спасти Фэйли. Айрам заслуживал лучшей участи.

«Я не должен был допустить то, что этот Лудильщик взял в руки меч», – с горечью подумал Перрин, но сейчас разбираться с этой проблемой он не хотел. Просто не мог. Слишком много неотложных дел. Он двинулся прочь от городской стены, направившись к последнему в караване фургону.

– Следующий! – гаркнул Перрин, вновь принимаясь за дело.

Вперед шагнула Аравин Карнел. Женщина из Амадиции больше не носила облачение гай'шайн; теперь на ней было простое, светло-зеленое платье, не слишком чистое и явно доставшееся ей из тех вещей, что уцелели в Малдене после Шайдо. Несмотря на природную полноту, ее лицо за время, проведенное в плену, заметно осунулось. Амадийка была полна решимости. Ей удивительно хорошо удавалось организовывать людей, и Перрин подозревал, что она была знатного происхождения. Это чувствовалось и в исходявшем от нее запахе – уверенность в себе, привычка распоряжаться другими. Удивительно, как эти качества она сохранила за время плена.

Опустившись на колени, чтобы осмотреть первое колесо, он подумал, как все же странно, что во главе беженцев Фэйли поставила именно Аравин. Почему она не выбрала кого-то из *Ча Фэйли*? Порой эти молодые щеголи раздражали, но при этом выказывали поразительные способности.

– Милорд, – промолвила Аравин; отработанный реверанс служил еще одним свидетельством ее происхождения. – Я закончила подготовку людей к отъезду.

– Так быстро? – спросил Перрин, поднимая на нее взгляд от колеса.

– Оказалось не так сложно, как мы предполагали, милорд. Я велела им разделиться по странам, затем по городам, откуда они родом. Как и следовало ожидать, большинство – из Кайриэна, потом идет Алтара, затем – Амадиция, людей из других городов совсем немного. Сколько-то доманийцев, несколько тарабонцев, есть еще тайренцы и жители Пограничных земель.

– Сколько из них в состоянии выдержать день или два пешего перехода?

– Большинство, милорд, – сказала она. – Когда Шайдо захватили город, то изгнали больных и старых. Местный люд привычен к тяжелому труду. Они истощены, милорд, но никому не хочется сидеть тут, дожидаясь тех Шайдо, которые встали лагерем менее чем в половине дневного перехода отсюда.

– Хорошо, – сказал Перрин. – Пусть выступают немедленно.

– Немедленно? – удивленно переспросила Аравин.

Он кивнул:

– Я хочу, чтобы они отправились в путь без промедления. Пусть идут по дороге на север. Впереди них я отправлю Аллиандре и ее охрану.

Тогда Арганда перестанет жаловаться, а беженцы не будут мешаться под ногами. Дело пойдет лучше и быстрее, если Девы будут сами собирать припасы. Уцелевшие вещи все равно уже почти собраны. Его людям придется провести в дороге всего несколько недель. Потом они смогут переместиться через переходные врата куда-нибудь в другое место, поспокойнее. В Андор, наверное, или в Кайриэн.

Эти Шайдо за спиной заставляли Перрина нервничать. Они могли напасть в любое время. Лучше поскорее убраться отсюда и не искушать их.

Аравин присела в реверансе и поспешила прочь, чтобы завершить последние приготовления, и Перрин возблагодарил Свет за то, что она была из тех, кто не видел необходимости спрашивать и переспрашивать. Он отправил мальчишку известить Арганду о скором походе, а потом закончил осмотр фургона. После этого Перрин встал, вытирая ладони о штаны.

– Следующий! – произнес он.

Вперед никто не вышел. Перрина окружали только гвардейцы, мальчишки-посыльные и несколько возчиков – последние должны были впрячь волов и отвести фургоны на погрузку. В центре бывшего лагеря возникла целая гора продовольствия и прочих запасов в дорогу, которые успели натаскать Девы. Среди них Перрин разглядел руководившую айилками Фэйли.

Всех остававшихся подле него Перрин отправил ей на помощь и оказался в одиночестве. Без какого-либо дела.

Именно этого он и стремился избежать.

Ветер снова задул в его сторону, неся тот жуткий смрад смерти. Еще ветер нес воспоминания. Жар битвы, ярость и возбуждение каждого удара. Айильцы были непревзойденными воинами – лучшими, каких знала эта земля. Перрин не раз сходил с ними в ближнем бою и заработал свою долю ран и синяков, хотя они уже были Исцелены.

Сражение с Айил заставило его почувствовать жизнь. Каждый, кого он убил, мастерски владел копьем; каждый из них мог убить его. Но победил он. В те мгновения битвы он чувствовал, как его ведет страсть. Всеохватное чувство, что он наконец что-то делает. Спустя два месяца ожидания каждый удар приближал его к тому, чтобы найти Фэйли.

Больше не осталось ни разговоров, ни планов. Он достиг цели. И теперь цели нет.

Перрин ощущал пустоту. Как тогда... как в то время, когда отец пообещал ему особенный подарок на Ночь зимы. Перрин ждал месяцами, прилежно выполняя поручения, чтобы заслужить неведомый подарок. Когда же в конце концов он получил деревянную лошадку, то был в восторге. Но уже на следующий день ему стало невыносимо грустно. Не из-за подарка, а оттого, что больше нечего было ждать. Восторг исчез, и тогда-то Перрин понял, насколько для него ожидание важнее самого подарка.

Вскоре после этого он начал бывать в кузнице у мастера Лухана и со временем стал его учеником.

Перрин был рад, что вернул Фэйли. Он ликовал. Но что теперь его ждало? Эти несчастные люди видели в нем своего предводителя. Некоторые даже почитали его своим королем! Ни о чем таком он никогда не просил. Всякий раз, как они поднимали знамена, он заставлял убирать их, пока Фэйли не убедила его, что в этом есть и свои преимущества. И все равно Перрин был убежден: этому надменно реющему знамени с изображенной на нем волчьей головой в его лагере не место.

Но вправе ли он избавиться от него? Люди действительно равнялись на это знамя. Он чувствовал, как всякий раз, проходя мимо, они преисполняются гордости. Он чуял ее в их запахе. И Перрин не мог поступить наперекор чувствам тех, кто шел за ним. В Последней битве Ранду пригодится их помощь – тогда ему пригодится любая помощь.

Последняя битва. Может ли такой человек, как он, который не хочет быть лидером, вести этих людей к самому важному моменту в их жизни?

Завихрились цвета, кружащиеся пятна складывались в образ Ранда – тот сидел в каком-то каменном доме, кажется, в тайренском. На лице старого друга было мрачное выражение, как у человека, которому не дают покоя тяжелые и тревожные раздумья. Но даже и так Ранд выглядел по-королевски. Вот он-то был именно таким, каким должен быть король – в роскошной красной куртке, с благородной осанкой. А Перрин был просто-напросто кузнецом.

Перрин вздохнул и покачал головой, отгоняя видение. Ему нужно отыскать Ранда. Он чувствовал, как что-то звало, влекло, тянуло его к Ранду.

Он нужен Ранду. Вот что теперь станет его целью.

Глава 10

Последняя щепотка табака

Родел Итуралде молча курил, попыхивая трубкой, и дым вился змеиными изгибами. Сизые завитки собирались в облачка под потолком у него над головой и просачивались наружу через щели в крыше ветхого убежища. Доски стен покоробились от времени и разошлись, посеревшая древесина потрескалась и расщепилась. В углу горела жаровня, сквозь щелястые стены свистел ветер. Итуралде слегка беспокоился, что ветер каким-нибудь сильным своим порывом и вовсе опрокинет хижину.

Он сидел на табурете, разложив перед собой несколько карт. На углу стола, прижатый кисетом, лежал помятый клочок бумаги. Истрепанный бумажный квадратик был весь в складках и потертостях – его долго носили во внутреннем кармане куртки.

– Ну что? – спросил Раджаби, непоколебимый и решительный, с карими глазами, крупным широким носом и круглым выпирающим подбородком. Теперь он был совершенно лыс и чем-то смахивал на большой валун. Он и вел себя как валун. Сдвинуть его с места было нелегко, но если уж он покатится, то не остановишь. Раджаби одним из первых присоединился к Итуралде, несмотря на то что он, по слухам, незадолго до этого будто бы замышлял взбунтоваться против короля.

Минуло почти две недели после победы Итуралде у Дарлуны. Победа далась дорогой ценой. Возможно, даже слишком дорогой.

«Ах, Алсалам, – подумал Итуралде. – Надеюсь, старый друг, все было не зря. Надеюсь, твой рассудок еще цел. Может, Раджаби и похож на валун, но шончан – все равно что лавина, и мы сами обрушили ее на себя».

– Что теперь? – напомнил о себе Раджаби.

– Ждем, – сказал Итуралде. О Свет, как же он ненавидит ждать. – Потом будем биться. Или, может, опять побежим. Я еще не решил.

– Тарабонцы...

– Не придут, – сказал Итуралде.

– Они же обещали!

– Обещали.

Итуралде сам ездил к ним, воодушевлял, просил еще раз выступить против шончан. Ему отвечали одобрительными криками, но следовать за ним не спешили. Они вообще не торопились что-либо предпринимать. Уже несколько раз он убеждал их сразиться «в последний раз». Они видели, к чему ведет эта война, и больше он не мог на них рассчитывать. Если вообще когда-либо мог рассчитывать.

– Проклятые трусы, – пробормотал Раджаби. – Испепели их Свет! Справимся сами. Не привыкать.

Итуралде в задумчивости сделал глубокую затяжку. Он наконец решился набить трубку двуреченским табаком. У него кончились запасы табака, это была последняя щепотка; он берег ее много месяцев. Хороший вкус. Лучше не найти.

Итуралде вновь принялся изучать карты, взяв в руки меньшую из них. Определенно, карты оставляли желать лучшего.

– У этого нового шончанского командующего, – произнес Итуралде, – под началом больше трехсот тысяч человек и вдобавок не меньше двух сотен дамани.

– Мы и раньше побеждали большие армии. Вспомни, что мы сделали у Дарлуны! Ты стер их в порошок, Родел!

И для этого понадобились вся изобретательность, мастерство и удача, которые сумел собрать Итуралде. Даже при этом он потерял больше половины своих людей. Теперь, зализывая раны, он бежал от второго, еще более многочисленного войска шончан.

На этот раз они не допускали ошибок. Шончан не полагались только на своих ракенов. Солдаты Итуралде перехватили нескольких пеших разведчиков, а значит, были еще десятки, которых не поймали. На этот раз шончанские военачальники знали истинную численность войска Итуралде и где именно оно находится.

Теперь врага водить за нос не выходит, в западню заманить не удастся. И уже шончан неустанно охотятся за ним, избегая его ловушек. Итуралде планировал отступать все дальше вглубь Арад Домана; отход даст некоторое преимущество его войскам и растянет линии снабжения у шончан. По его расчетам, он мог продержаться так еще четыре или пять месяцев. Но теперь от этих планов проку не было; они пошли прахом, когда Итуралде обнаружил, что по Арад Доману рыщет целое полчище проклятых айильцев. Если доклады были верны – а сообщения об Айил зачастую бывали преувеличенными, поэтому Итуралде сомневался, насколько им можно верить, – то их насчитывалось под сотню тысяч, и они удерживали значительную территорию на севере, включая Бандар Эбан.

Сотня тысяч айильцев. Все равно что двести тысяч доманийских солдат. А то и больше. Итуралде хорошо помнил Кровавый Снег двадцать лет назад, когда казалось, что за каждого убитого айильца он терял десять человек.

Он очутился в западне, еще немного – и его раздавят, точно орех между двух камней. Лучшее, что смог сделать Итуралде, это отступить сюда, в заброшенный *стеддинг*. Это даст ему преимущество против шончан. Но очень небольшое. Шончанская армия в шесть раз превосходила его числом, и даже самый неопытный командир знает: сражаться при таком раскладе равносильно самоубийству.

– Раджаби, ты когда-нибудь видел мастера-жонглера? – спросил Итуралде, рассматривая карту.

Краешком глаза он заметил, как здоровяк озадаченно нахмурился.

– Я видел менестрелей, которые...

– Нет, не менестреля. Мастера.

Раджаби покачал головой.

Итуралде затянулся трубкой и лишь потом заговорил.

– Я видел однажды. Это был придворный бард в Кэймлине. Шустрый парень, и со своим умом мог бы найти себе применение получше, чем в этом наряде щеголять. Барды нечасто жонглируют, но этот, когда его попросили, отказывать не стал. По-моему, он любил жонглировать и хотел порадовать юную дочь-наследницу.

Он вынул трубку изо рта, примял в чашечке табак.

– Родел, – сказал Раджаби. – Шончан...

Итуралде поднял палец, затянулся трубкой и только потом продолжил:

– Сначала бард жонглировал тремя шарами. Потом спросил у нас – сможет ли он справиться еще с одним. Мы подбодрили его. Он взял четвертый, потом пятый, потом шестой. С каждым шаром мы хлопали в ладоши все громче, а он спрашивал, не добавить ли еще один. Конечно, мы кричали: «Давай еще!» Седьмой, восьмой, девятый. Вскоре в воздухе летал уже десяток шаров, и они мелькали так, что я уследить за ними не мог. Барду стоило немалых стараний жонглировать ими. Ему приходилось то и дело наклоняться, чтобы у самого пола подхватить те шары, что он чуть не упустил. Он был слишком сосредоточен, чтобы спрашивать у нас, но собравшиеся сами просили еще. «Одиннадцать! Давай одиннадцать!» И вот помощник бросил жонглеру еще один шар.

Итуралде пыхнул трубкой.

– Он уронил их? – спросил Раджаби.

Родел покачал головой:

– Последний «шар» не был на самом деле шаром. Это был какой-то фокус иллюминаторов. Не долетев до барда, он ярко полыхнул и взорвался дымом. Когда мы снова смогли что-то видеть, то бард исчез, а десять шаров лежали рядом на полу. Оглядевшись вокруг, я обнаружил, что он сидит за одним из столов с гостями, пьет вино и заигрывает с женой лорда Финндала.

Бедняга Раджаби был совершенно обескуражен. Он любил ответы простые и ясные. Итуралде обычно тоже отдавал им предпочтение, но в последнее время эти неестественно хмурые небеса и ощущение постоянного уныния склоняли его к философствованию.

Вытащив из-под кисета с табаком истертый на складках сложенный клочок бумаги, Итуралде протянул его Раджаби.

– «Нанеси удар по шончан всеми своими силами, – прочитал вслух Раджаби. – Оттесни их, загони обратно на корабли, пусть плывут обратно, на ту сторону своего проклятого океана. Полагаюсь на тебя, старый друг. Король Алсалам». – Раджаби опустил письмо. – Я знаю о его приказах, Родел. Я пришел сюда не ради него. Я пришел ради тебя.

– Да, но я сражаюсь ради него, – сказал Итуралде.

Он был предан королю и всегда будет ему верен. Итуралде встал, выбил пепел из трубки и притоптал тлеющие угольки каблуком. Отложив трубку в сторону, он забрал у Раджаби письмо, а потом направился к двери.

Нужно было решать. Остаться здесь и сражаться – или бежать, в менее подходящее для сражения место, но зато выиграть немного времени.

Хижина скрипела, ветер раскачивал деревья. За порогом Итуралде встретило хмурое утро. Эту лачугу, разумеется, построили не огиры, слишком уж она хлипкая. Сам стеддинг был покинут уже давным-давно. Солдаты разбили лагерь среди деревьев. Не лучшее место для военного лагеря, но суп приходится варить с теми специями, что имеются под рукой, так что нужно с толком использовать то, что есть. А у стеддинга было преимущество, отказываться от которого вряд ли стоило. Можно было бежать в город и укрыться за его стенами, но здесь, среди деревьев, Единая Сила бесполезна. Если вывести из игры шончанских дамани, то это куда лучше любых стен, какими бы высокими те ни были.

«Мы должны остаться», – подумал Итуралде, наблюдая за тем, как его люди копают землю и возводят частокол. Ему ненавистна была сама мысль о том, чтобы рубить деревья в стеддинге. Он знал в свое время нескольких огиров и питал к ним уважение. Наверное, эти массивные дубы хранили какую-то скрытую силу с тех дней, когда здесь жили огиры. Рубить их – преступление. Но приходится делать то, что необходимо. Бегство могло дать ему время, но могло и обернуться напрасной потерей этого времени. До того, как шончан нанесут удар, у Итуралде есть несколько дней. Если он сумеет как следует укрепиться, возможно, удастся навязать им осаду. Стеддинг поколеблет их решительность, а лес даст преимущество малочисленному войску Итуралде.

Он злился, что позволил загнать себя в угол. Вероятно, потому и размышлял так долго, хотя в глубине души давно осознавал, что пора прекратить бегство. Шончан наконец-то настигли его.

Итуралде прошелся среди солдат, чтобы они его увидели, приветствуя их одобрительными кивками. У него осталось сорок тысяч человек – просто чудо, учитывая мощь противника. Им бы самое время дезертировать. Но они видели, как Итуралде выигрывал одну невозможную битву за другой, подбрасывал один шар за другим, вызывая еще больше аплодисментов. Они считали его непобедимым. Они не понимали, что когда в воздух подбрасывают все больше шаров, то не только само представление окажется грандиознее.

Не менее впечатляющим будет и падение в конце.

Шагая вместе с Раджаби по разбитому в лесу лагерю и осматривая частокол, Итуралде держал при себе свои мрачные мысли. Работа шла хорошо, толстые стволы деревьев один за другим занимали место в свежевыкопанных ямах. После осмотра Итуралде кивнул самому себе и сказал:

– Мы остаемся, Раджаби. Передай всем.

– Кое-кто поговаривает, будто остаться здесь значит неминуемо погибнуть, – ответил Раджаби.

– Они ошибаются, – сказал Итуралде.

– Но...

– Ни в чем нельзя быть уверенным, Раджаби, – сказал Итуралде. – Посади лучников на деревья внутри частокола. Будет ничем не хуже башен. Нужно подготовить место для битвы перед палисадом. Пусть вырубят как можно больше деревьев вокруг частокола, а внутри из бревен надо сложить заграждения, как вторую линию обороны. Будем стоять твердо. Может, я ошибаюсь насчет тарабонцев и они придут нам на помощь. Или, возможно, у короля где-то спрятана армия, которая нас прикроет. Кровь и пепел, может, мы и сами здесь от них отобьемся. Поглядим, как им понравится воевать без своих дамани. Мы еще проживем.

Раджаби на глазах распрямился, обретая уверенность. Итуралде знал, что тот ждал подобных слов. Как и другие, Раджаби верил Маленькому Волку. Они и мысли не допускали, что он может проиграть.

Итуралде же так вовсе не считал. Но коли умирать, то достойно. Юношей Итуралде часто грезил о войнах, о славных битвах. Старый же Итуралде понимал, что в бою не бывает места славе. Но что было, так это честь.

– Милорд Итуралде! – окликнул его посыльный, трусцой огибая незаконченный частокол. Совсем мальчишка, такой юный, что шончан, скорее всего, пощадят его. Иначе Итуралде отослал бы паренька и всех его ровесников прочь.

– Да? – повернулся к гонцу Итуралде.

Раджаби высился рядом с ним как гора.

– Человек, – переводя дыхание, выдохнул мальчик. – Разведчики схватили его, когда он подходил к стеддингу.

– Хочет сражаться вместе с нами? – спросил Итуралде.

Во всякой армии обычное дело – нанимать рекрутов. Всегда находятся те, кого манит слава или по меньшей мере то, что обычно солдата регулярно кормят.

– Нет, милорд. – Посыльный все еще тяжело дышал. – Он говорит, что хочет видеть вас.

– Шончанин? – прорычал Раджаби.

Мальчишка замотал головой:

– Нет. Но одежда на нем дорогая.

Значит, посланец какого-нибудь лорда. Доманиец или, возможно, перебежчик из Тарабона. Кто бы это ни был, едва ли из-за него положение станет хуже.

– И он пришел один?

– Да, сэр.

Смельчак.

– Хорошо, води его сюда, – сказал Итуралде.

– Где вы его примете, милорд?

– Что? – рявкнул Итуралде. – Я что, по-твоему, расфуфыренный купец с дворцом? Вот здесь, на поляне, и встречу. Ступай приведи его, но не торопись. И убедись, чтобы караул к нему приставили надежный.

Мальчишка кивнул и убежал. Итуралде, взмахнув рукой, подозвал нескольких солдат и отправил их за Вакедой и остальными офицерами. Шимрон погиб, сожженный дотла огненным шаром дамани. Очень жаль. Итуралде многих променял бы на него одного.

Большинство командиров появились раньше гостя. Долговязый Анкайр. Одноглазый Вакеда – если бы не этот недостаток, он был бы хорош собой. Коренастый Меларнед. Юный Лидрин, продолжавший следовать за Итуралде после гибели отца.

– Что я слышу? – произнес Вакеда, приблизившись широким шагом и складывая руки на груди. – Мы остаемся в этой западне? Родел, у нас нет людей, чтобы оказать сопротивление. Если они нападут, мы окажемся заперты тут.

– Ты прав, – просто сказал Итуралде.

Вакеда повернулся к остальным, затем снова к Итуралде; честный ответ отчасти погасил его раздражение.

– Тогда... почему мы не бежим?

В нем осталось намного меньше бравады, чем несколько месяцев назад, когда Итуралде только начал свою кампанию.

– Не стану лгать и обнадеживать, – сказал Итуралде, глядя на всех по очереди. – Ситуация скверная. Но дела пойдут еще хуже, если мы побежим. Для нас не осталось нор, где можно спрятаться. Эти деревья дадут нам преимущество, мы можем здесь обороняться. Стеддинг лишит силы дамани, и одного этого достаточно, чтобы остаться. Мы примем здесь бой.

Анкайр кивнул, похоже, понимая серьезность ситуации, и промолвил:

– Мы должны верить ему, Вакеда. До сих пор он не ошибался.

Вакеда кивнул:

– Наверное, ты прав.

Проклятые болваны. Четыре месяца назад половина из них убила бы его на месте за то, что он сохраняет верность королю. Теперь они считают, будто ему под силу невозможное. Жаль, он начал было думать, что сумеет привести их к Алсаламу как верных подданных.

– Хорошо, – сказал Итуралде, потом, указывая на разные участки укрепления, заметил: – Эти слабые места надо укрепить. Вот что мы сделаем. Нужно...

Он оборвал фразу, заметив вышедших на поляну людей. Мальчишка-посыльный и несколько солдат, сопровождавших человека в красной с золотом одежде.

Что-то в незнакомце притягивало взгляд Итуралде. Быть может, рост – молодой мужчина был высок, как айилец, и у него были такие же светлые волосы. Но никто из айильцев не носит роскошных красных курток с искусной золотой вышивкой. На поясе у незнакомца висел меч, и его движения подсказывали Итуралде, что тот умеет обращаться со своим оружием. Он шагал твердой, решительной походкой, и сопровождавшие его солдаты походили на почетный караул. Значит, лорд, к тому же привыкший отдавать приказы. Почему же он явился лично, а не отправил гонца?

Молодой лорд остановился в нескольких шагах перед Итуралде и его военачальниками, оглядел каждого из них по очереди, затем вернулся взглядом к Итуралде.

– Родел Итуралде? – спросил незнакомец.

Что у него за акцент? Андорский?

– Да, – настороженно ответил тот.

Молодой лорд кивнул.

– Башир верно описал вас. Похоже, вы решили запереть себя здесь. Вы и вправду надеетесь выстоять против шончанской армии? Их во много раз больше, а ваши тарабонские союзники, кажется... не торопятся вам на помощь.

Кто бы он ни был, разведка у него хороша.

– У меня нет обыкновения обсуждать свою тактику обороны с незнакомцами.

Итуралде пристально рассматривал юношу. Тот был хорошо сложен – строен и подтянут, хотя из-за куртки точнее сказать было невозможно. Он явно был правшой, и, присмотревшись повнимательнее, Итуралде заметил, что левая кисть у него отсутствует. Оба его предплечья украшали странные золотисто-красные татуировки.

Глаза. Эти глаза видели смерть множество раз. Не просто молодой лорд. Молодой *военачальник*. Итуралде сузил глаза:

– Кто ты такой?

Незнакомец встретил его взгляд:

– Я – Ранд ал’Тор, Дракон Возрожденный. И вы мне нужны. Ты и твоя армия.

Несколько воинов Итуралде выругались, и он окинул их взглядом. На лице Вакеды читалось полное неверие, Раджаби был удивлен, юный Лидрин не скрывал явного пренебрежения.

Итуралде вновь посмотрел на явившегося к нему мужчину. Дракон Возрожденный? Этот юноша? Впрочем, это могло быть правдой. Многие слухи сходились в том, что Дракон Возрожденный был молодым мужчиной с рыжими волосами. Но слухи вдобавок утверждали, будто был он десяти футов ростом, а иные заявляли, что в сумерках у него глаза светятся. Еще пересказывали истории о том, как он явился в небе над Фалме. Кровь и пепел, Итуралде и сам не знал, верит он или нет в то, что Дракон вообще возродился!

– У меня нет времени на споры, – произнес незнакомец с бесстрастным лицом.

Он казался... старше, чем выглядел. Похоже, его несколько не волновало, что он окружен вооруженными солдатами. Даже то, что он пришел один... это должно было показаться огромной глупостью, но на самом деле заставило Итуралде призадуматься. Только сам Дракон Возрожденный мог вот так запросто заявиться в военный лагерь, совершенно один, и ожидать, что ему станут подчиняться.

Чтоб ему сгореть, если только одно это не заставляло Итуралде верить незваному гостю. Либо он действительно тот, за кого себя выдает, либо полнейший безумец.

– Если мы выйдем за пределы стеддинга, я докажу, что способен направлять Силу, – сказал молодой человек. – Это должно что-то значить для вас. Только скажите, и я приведу сюда десять тысяч айильцев и несколько Айз Седай, и все они поклянутся, что я тот, кем себя называю.

Если верить слухам, то Айил следовали за Драконом Возрожденным. Воины вокруг Итуралде обменялись неловкими взглядами, кто-то кашлянул.

Многие из солдат Итуралде, до того как присоединиться к его армии, были среди тех, кто называл себя преданными Дракону. Нужными словами этот Ранд ал’Тор – или кто бы он ни был – способен обратить людей в лагере Итуралде друг против друга.

– Даже если предположить, что я тебе верю, – осторожно сказал Итуралде, – то не вижу, какой в этом смысл. Я веду войну. У тебя, как полагаю, есть другие заботы.

– Вы – моя забота, – заявил ал’Тор. Взгляд его был таким пронзительным, что, казалось, мог пробуравить череп Итуралде и найти внутри то, что ему нужно. – Ты должен заключить мир с шончан. Твоя война ничего нам не даст. Я хочу, чтобы вы отправились в Пограничные земли. Мне не хватает людей для защиты от Запустения, а сами порубежники забыли о своем долге.

– У меня есть приказ, – сказал Итуралде, покачав головой. Погоди-ка. Он не стал бы подчиняться этому юноше, даже если бы у него не было приказов. Вот только... этот взгляд. У Алсалама был такой же взгляд, когда оба они были моложе. Взгляд, который требовал повиновения.

– Твой приказ, – сказал ал’Тор. – Он исходит от короля? Поэтому ты бросаешься грудью на шончан?

Итуралде кивнул.

– Я слышан о тебе, Родел Итуралде, – промолвил ал’Тор. – Те, кому я верю, те, кого я ценю, верят тебе и уважают тебя. Вместо того чтобы бежать и прятаться, ты встаешь здесь в глухую оборону, зная, что в предстоящей битве погибнешь. И все это – из верности королю. Я ценю это. Но пришло время отступить и сразиться в битве, которая куда важнее. Которая важнее всего. Идем со мной, и я отдам тебе трон Арад Домана.

Итуралде вскинулся:

– Сначала ты хвалишь мою верность, а потом мне же предлагаешь свергнуть моего короля!

– Твой король мертв, – сказал ал’Тор. – Либо его разум стал мягче воска. Я все больше убеждаюсь, что он в руках Грендаля. В хаосе, охватившем эту страну, я вижу ее руку. Какие бы приказы ты ни получал, они, скорее всего, исходят от нее. Пока еще мне не удалось выяснить, зачем ей нужно, чтобы ты сражался с шончан.

Итуралде хмыкнул:

– Ты говоришь об Отрекшейся так, словно она захаживает к тебе на обед.

Ал’Тор снова посмотрел доманийцу в глаза:

– Я помню каждого из них – их лица, их манеры, как они говорят и действуют, – словно знаю их тысячу лет. Иногда я помню их лучше, чем собственное детство. Я – Дракон Возрожденный.

Итуралде моргнул.

«Чтоб мне сгореть, – подумал он. – Я ему верю. Кровавый пепел!»

– Что ж... давай посмотрим на твое доказательство.

Конечно, согласны были не все, особенно Лидрин, который считал подобную демонстрацию слишком опасной. Другие были ошеломлены. Вот перед ними человек, в верности которому они поклялись, ни разу не видевав. Ал’Тора словно окружала некая... сила, которая притягивала Итуралде, требовала от него поступать так, как тот сказал. Но все же сначала ему необходимо было удостовериться.

Они послали людей за лошадьми, чтобы выехать из стеддинга, но ал’Тор уже разговаривал так, словно Итуралде во всем ему подчинялся.

– Возможно, Алсалам жив, – заметил ал’Тор, пока дожидались лошадей. – Если так, я пойму, почему ты отказываешься от его трона. Возможно, тебе по душе Амадиция? Мне понадобится, чтобы кто-то правил там и приглядывал за шончан. Сейчас там воюют белоплащники. Не уверен, смогу ли я положить конец этому конфликту до Последней битвы.

Последняя битва. О Свет!

– Я не соглашусь, если ты убьешь тамошнего короля, – сказал Итуралде. – Если его уже убили белоплащники или шончан, тогда возможно.

Король! Что он вообще говорит? «Чтоб тебе сгореть, – мысленно выругал себя Итуралде. – Дождись сначала доказательств, а потом уж соглашайся на трон!» Что-то было в этом человеке, в том, как он говорил о таких событиях, как Последняя битва, – событиях, упоминания о которых тысячелетиями внушали страх человечеству, – словно отмечал пункты в ежедневном докладе по лагерю.

Солдаты привели лошадей, и Итуралде запрыгнул в седло. То же самое проделали ал’Тор, Вакеда, Раджаби, Анкайр, Меларнед, Лидрин и еще полдюжины офицеров рангом помладше.

– Я привел много айильцев в вашу страну, – сказал Ранд ал’Тор, трогаясь с места. – С их помощью я надеялся восстановить порядок, но на это требуется больше времени, чем мне бы хотелось. Я намерен захватить членов Купеческого совета. Возможно, когда они окажутся у меня в руках, то мне удастся вернуть мир и спокойствие в эти земли. Что ты думаешь?

Итуралде не знал, что думать. Захватить Купеческий совет? Иначе говоря, похитить их и удерживать против их воли. Во что Итуралде ввязался?

– Это может сработать, – неожиданно для себя ответил он. – О Свет, в нынешних обстоятельствах это, вероятно, лучший план.

Ал’Тор кивнул, глядя вперед. Всадники выехали за частокол и направились по тропе к окраине стеддинга.

– Мне в любом случае нужно защитить Пограничные земли. О твоей родной стране я позабочусь. Чтоб им сгореть, этим порубежникам! Что они замышляют? Нет. Нет, не сейчас.

Они могут подождать. Нет, он это сделает. Он сумеет их удержать. Я отправлю с ним Аша'манов. – Ал'Тор вдруг повернулся к Итуралде. – Что бы ты сделал, если бы я дал тебе сотню мужчин, способных направлять Силу?

– Безумцев?

– Нет, большинство из них вполне вменяемы, – ответил ал'Тор, по виду вовсе не обидевшись. – Какая-то доля безумия, поселившегося в них до того, как я очистил саидин от порчи, по-прежнему никуда не делась – исчезновение порчи их не исцелило. Однако большинство сохранило рассудок. А теперь, когда саидин чиста, хуже им не станет.

Саидин? Чиста? Будь у Итуралде в распоряжении люди, способные направлять Силу... Собственные дамани, если можно так выразиться. Итуралде почесал подбородок. Все обрушилось на него очень быстро – но полководец должен уметь действовать решительно.

– Я бы нашел им применение, – сказал он. – Вполне подходящее.

– Хорошо, – отозвался ал'Тор. Они выехали за пределы стеддинга; казалось, даже воздух теперь изменился. – Тебе придется присматривать за обширной территорией, но многие владеющие Силой, которых я вам дам, способны создавать переходные врата.

– Переходные врата? – переспросил Итуралде.

Ал'Тор посмотрел на него, потом вдруг как будто стиснул зубы, закрыв глаза и содрогаясь, словно его мучило. Итуралде встревоженно выпрямился в седле, положив руку на меч. Что такое? Яд? Или он ранен?

Но нет, ал'Тор распахнул глаза, и в их глубине читался восторг. Он повернулся, взмахнул рукой, и воздух перед маленьким отрядом рассекла полоска света. Раздались проклятия, и люди рядом с Итуралде отшатнулись, попятились. Одно дело, когда кто-то утверждает, будто может направлять Силу, и совсем другое, когда он делает это у тебя на глазах!

– Это и есть переходные врата, – сказал ал'Тор, когда полоса света развернулась в огромную черную дыру в воздухе. – Если Аша'ман достаточно силен, то врата могут быть настолько широкими, что через них проедет и фургон. Вы способны перемещаться практически куда угодно с невероятной быстротой, иногда почти мгновенно, в зависимости от обстоятельств. Имея нескольких обученных Аша'манов, твоя армия может утром позавтракать в Кэймлине, а спустя считанные часы пообедать в Танчико.

Итуралде потер подбородок.

– Что ж, на это стоило посмотреть. И в самом деле, впечатляет. – Если этот человек говорит правду и эти переходные врата действительно работают... – С *этим* я сумею очистить Тарабон от шончан, а может, и все земли!

– Нет, – отрезал ал'Тор. – Мы заключаем с ними мир. Если верить моим разведчикам, их и без того непросто будет уговорить на перемирие, не пообещав им твою голову. Я не стану злить их еще больше. На дразги и свары времени нет. У нас есть дела поважнее.

– Нет ничего важнее моей родной страны, – сказал Итуралде. – Даже если эти приказы подделаны, я знаю Алсалама. Он бы со мной согласился. Мы не потерпим чужой армии на земле Арад Домана.

– Тогда дам обещание, – сказал ал'Тор. – Я избавлю Арад Доман от шончан. Обещаю тебе. Но мы не станем больше с ними сражаться. В обмен на это ты отправишься в Пограничные земли и защитишь их от вторжения. Сдержи троллоков, если они появятся, и оставь мне нескольких своих офицеров. Они помогут восстановить порядок в Арад Домане, и задача будет проще, если народ увидит, что местные лорды заодно со мной.

Итуралде поразмыслил, хотя уже знал, каким будет его ответ. Эти переходные врата могли вывести его людей из грозящей неминуемой смерти западни. Имея на своей стороне айильцев – с Драконом Возрожденным в качестве союзника, – у него на самом деле есть шанс вернуть мир и порядок в Арад Доман. Погибнуть с достоинством – это, конечно, хорошо. Но иметь возможность и дальше сражаться с честью... это гораздо ценнее.

- Согласен, – сказал Итуралде, протягивая руку.
- Ал'Тор в ответ крепко пожал ее:
- Сворачивайте лагерь. К ночи вы будете в Салдэйе.

Глава 11

Гибель Адрина

«Думаю, его надо снова поколотить в наказание, – складывая пальцы в сложных знаках языка жестов Дев Копья, сказала Лериан. – Он все равно что ребенок, а когда ребенок хватается что-то опасное, его наказывают. Если ребенок порезался, потому что его не научили держаться подальше от ножей, то позор его родителям».

«В прошлый раз наказание, кажется, ничего не дало, – ответила Суриал. – Он принял его как мужчина, а не как ребенок, но ведет себя как и прежде».

«Значит, мы должны попытаться еще раз», – сказала Лериан.

Авиенда бросила камень в грудь возле дозорного поста и повернулась. Она сделала вид, что не замечает Дев, охранявших дорогу к лагерю, а они тоже не обращали на нее внимания. Если бы они заговорили с ней, пока она исполняла наказание, это лишь навлекло бы на нее еще больший позор, и ее сестры по копью не станут так поступать.

Авиенда также не подала виду, что поняла их беседу. Никто не ждал, что бывшая Дева забудет знаки языка жестов, но лучше не выказывать себя бесцеремонной. Язык жестов принадлежит только Девам.

Авиенда выбрала большой камень из второй кучи и двинулась обратно в лагерь. Она не знала, продолжили ли Девы переговариваться, так как не видела их рук. Однако содержание их беседы не давало ей покоя. Их рассердило, что Ранд ал'Тор отправился на встречу с полководцем Роделом Итуралде без охраны. Не в первый раз он поступал так безрассудно, но казалось, будто он не желал – или был неспособен – учиться действовать так, как надо. Всякий раз, как Ранд подвергал себя опасности, оставаясь без защиты, он оскорблял Дев точно так же, как если бы каждой давал пощечину.

Возможно, по отношению к сестрам по копью у Авиенды был незначительный тох. Учить ал'Тора обычаям Айил было ее задачей, и вполне очевидно, что она с порученным делом не справилась. К сожалению, к Хранительницам Мудрости тох у нее был еще больше, пусть даже она до сих пор не знает о причине. Ее меньший долг перед сестрами по копью должен ждать своего времени.

От таскания камней у девушки болели руки. Камни были гладкими и тяжелыми, и их ей пришлось выкапывать из реки рядом с усадьбой. Только время, проведенное с Илэйн, когда Авиенду заставляли купаться в воде, дало айилке силы войти в ту реку. Хотя в этом она не навлекла на себя позор. Хорошо еще речка была небольшой – мокроземцы превратно называли бы ее ручьем. Ручей – это бьющий меж скал маленький источник, куда можно окунуть руки или где можно наполнить бурдюк. Всякий поток, который нельзя перешагнуть, должен, вне всяких сомнений, называться рекой.

День, как обычно, был пасмурным, и в лагере было тихо. Еще несколько дней назад – когда прибыли айилы – здесь царили шум и суета, но сейчас лагерь казался погруженным в сонное состояние. В нем по-прежнему царил порядок; Даврам Башир, даром что мокроземец, был слишком требовательным командиром, чтобы попустить небрежение в службе. Тем не менее в поведении людей сквозила явная вялость. Авиенда слышала, как кое-кто жаловался, будто от хмурого неба у них портится настроение. Какие же странные эти мокроземцы! Как погода связана с настроением? Она могла еще понять недовольство тем, что прекратились набеги или что не удалась охота. Но из-за облаков в небе? Неужели они так мало ценят тень?

Авиенда на ходу покачала головой. Она выбирала камни, которые заставляли ее напрягать мускулы. Поступить иначе означало бы облегчить себе наказание, а она не стала бы этого делать – хотя каждый шаг был ударом по ее гордости. Она должна идти через весь лагерь, у всех

на виду, делая бесполезную работу! Лучше бы ее выставили перед всеми голой возле палатки-парильни. Лучше бы она тысячу раз обежала вокруг лагеря, лучше бы ее избили так, чтобы она вообще не могла ходить.

Авиенда дошла до того края лагеря, где стоял особняк, и, тайком облегченно выдохнув, опустила камень на землю. У дверей особняка стояли на страже два солдата-мокроземца – своеобразные двойники Дев, которые охраняли вход в лагерь в дальней его стороне. Наклоняясь и беря очередной большой камень из кучи у стены, девушка слышала разговор солдат между собой.

– Сгореть мне, ну и жара, – пожаловался один.

– Жара? – Второй посмотрел на затянутое тучами небо. – Ты издеваешься.

Первый караульный, пыхтя и потев, обмахивал себя рукой.

– Ты что, не чувствуешь?

– У тебя, видать, нечто вроде лихорадки.

Первый покачал головой:

– Просто жару не люблю, вот и все.

Авиенда подняла камень и направилась обратно через лужайку. Поразмыслив, она пришла к выводу, что мокроземцы обладают одной неотъемлемой чертой: они любят ныть и жаловаться. В первые месяцы, проведенные в мокрых землях, она считала это свойство постыдным. Неужели караульного не волновало, что, выказав свою слабость, он теряет лицо перед напарником?

Все мокроземцы были такими, даже Илэйн. Она только и говорила о том, что у нее болит, как ей плохо и как вообще ей трудно переносить беременность, – можно подумать, помирать собралась! Но если жаловалась даже Илэйн, то Авиенда отказывалась считать жалобы проявлением слабости. Ее первая сестра не станет навлекать на себя позор.

Значит, в подобном поведении должна быть какая-то скрытая честь. Возможно, выказывая слабость перед своими товарищами, мокроземцы выражали тем самым дружескую привязанность и доверие. Если друг знает твои слабости, это дает ему преимущество, когда вместе с ним ты станешь танцевать с копиями. Или, возможно, жалобы были для мокроземцев проявлением смирения – наподобие того, как гайшайн обретали честь в покорности.

Она спрашивала Илэйн о своих предположениях, но в ответ та от души рассмеялась. Может, это черта общества мокроземцев, которую нельзя обсуждать с чужестранцами? Или Илэйн смеялась потому, что Авиенда догадалась о том, чего не должна была узнать?

Так или иначе, это было способом проявить честь, что вполне устраивало Авиенду. Если бы ее собственные затруднения с Хранительницами Мудрости разрешались так же просто! Понятно, когда мокроземцы поступают странно и неестественно – от них иного и не ждешь. Но как быть, коли необъяснимо ведут себя Хранительницы Мудрости?

Авиенда начинала злиться – не на Хранительниц Мудрости, а на себя. Она – сильная и смелая. Не такая смелая, как другие, конечно, – о том, чтобы быть такой же бесстрашной, как Илэйн, ей оставалось лишь мечтать. И все же мало нашлось бы ситуаций, с которыми Авиенда не сумела бы справиться с помощью копий, Единой Силы или своего ума. Однако ей никак не удавалось разобраться в своем нынешнем затруднительном положении.

Она дошла до другого края лагеря и положила камень, затем отряхнула руки. Девы стояли задумчиво, застыв без движения. Авиенда перешла к другой куче и выбрала продолговатый камень с зазубренным краем. Он был в три ладони шириной, и из-за гладкой поверхности едва не выскальзывал из пальцев. Девушке пришлось несколько раз перехватить обломок скалы, пока наконец не удалось ухватить его поудобнее. Она направилась обратно к особняку – мимо салдэйских шатров по истоптанной зимней траве.

Илэйн сказала бы, что Авиенда недостаточно хорошо обдумала проблему. Когда другие люди нервничали, Илэйн оставалась спокойной и рассудительной. Порой Авиенду раздражало,

как много ее первая сестра любила говорить перед тем, как что-то сделать. «Мне нужно быть такой, как она. Нужно помнить, что я больше не Дева Копья. Я не могу бросаться в бой, подняв оружие повыше».

Ей нужно подходить к проблемам так, как это делала Илэйн. Только так Авиенда сумеет вновь обрести свою честь, и только тогда она получит право на Ранда ал'Тора и он будет принадлежать ей так же, как Илэйн или Мин. Она чувствовала Ранда через узы, он был в своей комнате, но не спал. Он не щадил себя и спал слишком мало.

Камень начал выскальзывать из рук, и девушка чуть не споткнулась, разом стараясь устоять на ногах и удержать его в уставших руках. Проходившие мимо солдаты Башира обменялись озадаченными взглядами, и Авиенда ощутила, как вспыхнули щеки. Хотя они не знали, что она наказана, девушка почувствовала себя пристыженной.

Как бы рассудила Илэйн? Хранительницы Мудрости сердились на Авиенду за то, что она «недостаточно быстро учится». Однако и сами ее не учили. Только задавали ей вопросы. Вопросы о том, что она думает об их нынешнем положении, вопросы о Ранде ал'Торе или о том, как вел себя Руарк на совете с Кар'а'карном.

Авиенда не могла избавиться от ощущения, что эти вопросы были испытанием. Может, она неправильно отвечает? Тогда почему они не научат ее, как нужно отвечать?

Хранительницы Мудрости не считали ее мягкой. Что же она упускает? Что сказала бы Илэйн? Как бы Авиенде хотелось, чтобы у нее в руках вновь оказались ее копья – тогда их можно было бы во что-нибудь вонзить. Атаковать, испытать свои силы в схватке с кем-нибудь, выплеснуть свою злость.

«Нет, – решительно подумала Авиенда. – Я научусь поступать, как Хранительницы Мудрости. Я снова обрету свою честь!»

Она добралась до особняка, бросила камень наземь и утерла лоб. Илэйн научила ее не обращать внимания на жару и холод, но эта уловка не спасает от пота, когда заставляешь тело как следует трудиться.

– Адрин? – окликнул своего товарища караульный у дверей. – О Свет, да ты и вправду худо выглядишь. Совсем худо.

Авиенда бросила взгляд в сторону дверей. Караульный, жаловавшийся на жару, тяжело привалился к косяку, прижав ладонь ко лбу. Он и в самом деле выглядел плохо. Авиенда обняла саидар. Она не была сильна в Исцелении, но, возможно, удастся...

Вдруг солдат вскинул руки и принялся скрести виски пальцами. Глаза закатились, ногти раздирали кожу и плоть. Но вместо крови из ран потекло что-то угольно-черное. Даже на расстоянии Авиенда ощущала исходящий от мужчины жар.

Второй караульный застыл в ужасе, глядя, как полосы черного огня охватывают голову его товарища. Шипя и пузырясь, сочилась наружу черная смола. Одежда на несчастном вспыхнула, плоть съеживалась, ссыхаясь от жара.

Он не издавал ни звука.

Авиенда стряхнула с себя оцепенение, поспешно создавая из Воздуха простое плетение, чтобы перенести второго солдата в безопасное место. Его приятель теперь превратился в ком пульсирующей черной смолы, из которого местами торчали обуглившиеся кости. От черепа и следа не осталось. От невыносимо сильного жара Авиенда попятилась, потащив за собой караульного.

– На нас... на нас напали! – шептал человек. – Владеющие Силой!

– Нет, – сказала Авиенда, – это зло еще страшнее. Беги за помощью!

Тот по-прежнему был в ступоре от ужаса, но она подтолкнула его, и караульный наконец двинулся с места. Смола, похоже, дальше не расползалась, чему можно было лишь радоваться, но от нее уже загорелась дверная рама. Пламя грозило охватить все здание прежде, чем кто-то внутри заподозрит опасность.

Авиенда сплела Воздух и Воду, намереваясь потушить огонь. Однако ее плетения истончались и теряли силу, едва только приближались к пламени. Они не пропадали, но этот огонь каким-то образом противостоял им.

Девушка отступила еще на шаг от невыносимого палящего жара. На лбу выступили капли пота, и ей пришлось прикрыть рукой лицо от жарких волн. Авиенда успела еще разглядеть в середине смоляной кучи черный уголек, как он засветился темно-красным и стремительно раскалился добела. Скоро черноты почти не осталось. Огонь пополз по фасадной стене дома. Авиенда услышала внутри крики.

Она встряхнулась и, сердито зарывав, быстро сплела Землю и Воздух, срывая с земли вокруг себя пласты дерна. Она швырнула их на огонь, стремясь загасить его. Ее плетения неспособны потушить огонь, но она может ими воспользоваться, чтобы чем-нибудь забрасывать пламя. Комья земли, вырванные вместе с травой, шипели и съезжались от невероятного жара, жухлые стебли, вспыхнув, тотчас же превращались в пепел. Авиенда продолжала работу, вспотев от усилий и разлитого в воздухе жара.

Вдалеке слышались крики – возможно, там был и караульный. Люди кричали, чтобы несли ведра.

Ведро? Ну конечно! В Трехкратной земле вода была слишком драгоценна – никому и в голову не придет тушить ею пожар. В ход шли земля и песок. Но здесь не жалели воды. Авиенда попятилась еще на несколько шагов, выискивая взглядом ручей, струящийся рядом с домом. Ей едва удалось разглядеть поверхность воды, в которой отражалась пляска красно-оранжевых языков пламени. Уже весь фасад дома был охвачен огнем. Авиенда почувствовала, как кто-то внутри дома направляет Силу – Айз Седай или Хранительницы Мудрости. Девушка надеялась, что им удастся выбраться через черный ход. Пламя уже охватило коридор, а других дверей, которые вели бы наружу, выходившие туда комнаты не имели.

Авиенда сплела массивную колонну Воздуха и Воды, подняв из реки столб прозрачной жидкости и потянув его к себе. Столб колыхался в воздухе, как чудной зверь на знамени Ранда, и блестящий, по-змеиному извивающийся дракон обрушился на пламя. Зашипела вода, и взметнувшееся облако пара окутало Авиенду.

Влажная и жаркая волна ударила ее, ошпарила кожу, но девушка не отступила. Снова щедро зачерпнув воду из широкого потока, она бросила ее толстую колонну на темную грудь, едва различимую сквозь пар.

Жар ничуть не ослабел! Пошатываясь, Авиенда попятилась, отступив на несколько шагов, и, стиснув зубы, продолжала действовать, как и прежде. Внезапно на огонь шумно обрушился еще один столб речной воды. Вкупе с ее усилиями это отвело на странный огонь едва ли не весь поток. Авиенда моргнула. Другой столб направляли невидимые для нее плетения, но в окне второго этажа ей удалось разглядеть фигуру мужчины – с напряженным и сосредоточенным лицом он стоял с вытянутой вперед рукой. Наэфф, один из Аша'манов Ранда. Говорили, он особенно силен во владении Воздухом.

Огонь отступил; остался только смоляной холмик, излучающий сильный жар. Вместо части стены перед ней теперь зияла дыра с почерневшими краями. Авиенда продолжала зачерпывать воду и заливать ею черную обугленную массу, хотя уже давала о себе знать огромная усталость. Чтобы управлять таким объемом воды, ей приходилось направлять Силу почти на пределе своих способностей.

Скоро вода перестала шипеть и пузыриться. Авиенда ослабила поток, затем позволила ему превратиться в струйку и стихнуть. Земля вокруг представляла собой пропитанное влагой черное месиво, над которым поднимался тяжелый запах мокрого пепла. В грязных лужах плавали обугленные деревянные обломки и щепки; борозды, образовавшиеся там, где девушка зачерпывала землю, заполнились водой и превратились в канавы. Айилка осторожно прошла вперед, разглядывая неопрятный ком – все, что осталось от несчастного солдата. Остывающий

холмик был стеклянисто-черным, как обсидиан, и влажно блестел. Девушка подобрала длинную обгорелую щепу, отколотую от дощатой стены ударом ее водяного столба, и потыкала ею черный бугор. Его поверхность оказалась твердой и неподатливой.

– Чтоб тебе сгореть! – прогремел голос. Авиенда подняла голову. Из дыры, образовавшейся в фасаде особняка, широким шагом вышел Ранд ал’Тор. Он пристально глядел в небо, потрясая кулаком. – Это я тебе нужен! Скоро ты получишь свою войну!

– Ранд, – нерешительно промолвила Авиенда.

По лужайке бегали туда-сюда солдаты, лица у них были встревоженные, они словно ожидали сражения. Через обугленную дыру было видно, как из дверей комнат в дальнем конце коридора опасно выглядывают переполошенные слуги. Все происшествие заняло меньше пяти минут.

– Я остановлю тебя! – проревел Ранд, заставив испуганно вздрогнуть и слуг, и солдат. – Слышишь меня?! Я приду за тобой! Не трать свою силу! Она тебе пригодится против меня!

– Ранд! – окликнула его Авиенда.

Он замер, ошеломленно глядя на девушку, словно не видя. Она смотрела ему в глаза и ощущала его гнев почти так же, как совсем недавно чувствовала обжигающее пламя. Ранд развернулся и зашагал обратно в дом, поднимаясь по почерневшим деревянным ступеням.

– О Свет! – раздался обеспокоенный голос. – И часто так случается, когда он поблизости?

Повернувшись, Авиенда увидела стоявшего рядом и наблюдавшего за происходящим молодого человека в незнакомой униформе. Долговязый юноша со светло-каштановыми волосами и кожей медного оттенка – имени она не помнила, но была почти уверена, что это один из офицеров, которых Ранд привел с собой после встречи с Роделом Итуралде.

Девушка снова повернулась к пепелищу, прислушиваясь к звучащим в отдалении зычным приказам. Прибыл Башир и взял на себя командование, велел солдатам следить за периметром, хотя, скорее всего, он просто стремился их чем-то занять. Случившееся не было началом атаки. Это всего лишь еще одно из прикосновений Темного к миру – точно такое же, как внезапно испортившееся мясо, как возникавшие из ниоткуда жуки и крысы, как люди, падавшие замертво от неведомых болезней.

– Да, – ответила Авиенда на вопрос юноши, – это бывает часто. По крайней мере, гораздо чаще рядом с Кар’а’карном. С вашими людьми не происходило ничего подобного?

– До меня доходили слухи, – сказал он. – Но я не придавал им значения.

– Не все слухи преувеличены, – произнесла Авиенда, глядя на чернеющие останки солдата. – Стены узилища Темного слабеют.

– Кровавый пепел, – пробормотал юноша, отворачиваясь. – Во что ты нас втянул, Родел? – Покачивая головой, он двинулся прочь.

Офицеры Башира принялись отдавать солдатам распоряжения по уборке лагеря. Покинет ли Ранд теперь этот особняк? Когда где-то проявлялось зло, люди нередко бросали это место. Но через узы девушка не чувствовала, чтобы Ранд спешил. На самом деле... он, похоже, снова отправился отдыхать! Перемены в настроении этого мужчины столь же необъяснимы, как и у беременной Илэйн.

Авиенда покачала головой и, решив помочь прибраться в лагере, стала собирать горелые обломки дерева. Тут из особняка показались несколько Айз Седай, которые стали оглядывать нанесенный ущерб. По всему фасаду здания чернели опалины, обгорелый пролом на месте входных дверей и передней был не меньше пятнадцати футов шириной. Одна из женщин, Мериса, с благодарностью посмотрела на Авиенду.

– Какая жалость, – промолвила Айз Седай.

Авиенда выпрямилась, держа в руках обломок обгоревшей доски; ее одежда была все еще мокрой. С этими облаками, скрывающими солнце, сохнуть ей придется долго.

– Вы о чем? – спросила девушка. – Вы о доме жалеете?

В разгромленной передней тучный лорд Теллаэн, которому принадлежал особняк, вполголоса застонав, тяжело опустился на табурет. Он горестно качал головой, то и дело утирая лоб.

– Нет, – сказала Мериса. – Я о тебе, дитя мое. Твое мастерство плетения, оно поразительно. Будь ты у нас в Белой Башне, то к этому времени уже получила бы шаль Айз Седай. Да, в твоём плетении есть некая грубость, но, обучаясь у сестер, ты бы быстро исправила этот недостаток.

Кто-то громко хмыкнул, Авиенда резко развернулась и увидела позади себя Мелэйн. Золотоволосая Хранительница Мудрости стояла, сложив руки под грудью, ее живот уже начал округляться от бремени. Судя по лицу, она ничуть не была удивлена. Как Мелэйн удалось подойти незаметно? Как Авиенда не услышала ее приближения? Видно, она поддалась усталости и потеряла бдительность.

Мелэйн и Мериса какое-то время сверлили друг друга взглядами; затем высокая Айз Седай резко повернулась, взметнув зеленые юбки, и направилась к слугам, оказавшимся в плену у пламени, на ходу спрашивая у них, не требуется ли кому-то Исцеление. Мелэйн проводила ее взглядом и покачала головой.

– Невыносимая женщина, – процедила она. – Подумать только, ведь мы когда-то их так уважали!

– Хранительница? – переспросила Авиенда.

– Я сильнее большинства Айз Седай, но ты, Авиенда, намного сильнее меня. Тому, как ты понимаешь плетения и управляешь ими, позавидуют, к своему стыду, многие из нас. Другие годами учатся тому, что тебе дано от природы. «Некая грубость!» Сомневаюсь, чтобы кто-то из Айз Седай, не считая разве что Кадсуане Седай, сумела бы сотворить то, что ты проделала со столбом воды. Чтобы переместить воду на такое расстояние, нужно использовать само течение и напор реки.

– И я это сделала? – моргая, спросила Авиенда.

Мелэйн посмотрела на нее и снова хмыкнула, но на сей раз тихо, себе под нос.

– Да, ты это сделала. У тебя огромный талант, дитя мое.

Авиенда расцвела от похвалы. От Хранительниц редко дождешься похвалы, но она всегда бывала искренней.

– Но ты не хочешь учиться, – продолжила Мелэйн. – А у нас мало времени! У меня к тебе вопрос. Что ты думаешь о плане Ранда ал'Тора похитить этих купеческих вождей, правящих доманийцами?

Авиенда снова моргнула – она слишком устала и думать совсем не хотелось. Во-первых, совершенно неразумно само то, что Арад Доманом правят купцы. Как могут торговцы управлять народом? Разве они не должны заниматься своими товарами? Что за глупость. Перестанут ли когда-нибудь мокроземцы удивлять ее своими странными обычаями?

И почему именно сейчас Мелэйн вздумалось спрашивать ее об этом?

– План Ранда вполне хорош, Хранительница Мудрости, – сказала Авиенда. – Хотя копьям не нравится, когда их используют для похищения людей. Думаю, Кар'а'карну стоило говорить об этом как об охране – принудительной охране – для этих купцов. Вожди отнеслись бы к задуманному лучше, если бы им сказали, что они будут защищать, а не похищать.

– Делать-то они будут все равно то же самое, как это ни назови.

– Однако важно, как ты сам это назовешь, – сказала Авиенда. – Не будет бесчестным, если оба определения верны.

Глаза Мелэйн лукаво блеснули, и Авиенда уловила затаенную улыбку на ее губах.

– Что еще ты думаешь о совете?

– Ранд ал'Тор, похоже, до сих пор считает, что Кар'а'карн может не просить Айил, а требовать от них, будто какой король мокроземцев. Мне стыдно за это. Я виновата – мне не удалось втолковать это ему как следует.

Мелэйн отмахнулась от ее признания.

– Тебя не за что ни винить, ни стыдить. Все мы знаем, как упрям и своеволен Кар’а’карн. Хранительницы Мудрости тоже пытались, и никому не удалось обучить его как надо.

Значит, причина ее позора перед Хранительницами была не в этом. Тогда в чем? Авиенда с досады сжала челюсти, но потом заставила себя продолжить:

– И все же нужно напоминать ему об этом. Снова и снова. Руарк терпелив и мудр, но не все вожди кланов таковы. Я знаю, кое-кто из них сомневается, не было ли ошибкой принятое ими решение следовать за Рандом ал’Тором.

– Верно, – сказала Мелэйн. – Но посмотри, что стало с Шайдо.

– Я не говорю, что они правы, Хранительница Мудрости, – ответила Авиенда. Несколько солдат нерешительно пытались убрать глянцевито-черный холмик. Казалось, он вплавился в землю. Авиенда понизила голос. – Они не правы в том, что сомневаются в Кар’а’карне, но они же разговаривают друг с другом. Ранд ал’Тор должен понять, что терпеть от него оскорбления бесконечно они не станут. Может, они не пойдут против него, как Шайдо, но вполне может случиться так, что, к примеру, Тимолан просто вернется в Трехкратную землю, оставив Кар’а’карна наедине со своей надменностью.

Мелэйн кивнула:

– Не беспокойся. Мы осведомлены о такой... вероятности.

Это значит, что кого-то из Хранительниц Мудрости отправили успокоить Тимолана, вождя Миагома Айил. И не в первый раз уже. Знает ли Ранд ал’Тор, какие усилия прилагают Хранительницы Мудрости у него за спиной, чтобы сохранить верность ему айильцев? Скорее всего, нет. Он смотрел на Айил как на единое целое, как на преданный ему народ, который можно использовать. В таком отношении заключалась одна из самых больших слабостей Ранда. Он не понимал, что айильцам, как и любому другому народу, не нравится, когда их превращают в некий инструмент. Клань связана между собой куда более слабыми узами, чем полагает Ранд. Лишь ради него на время забыта кровная вражда. Неужели он не понимает, насколько такое невероятно? Неужели он не видит, каким шатким становится этот союз?

Но он не только был мокроземцем по рождению, он не был Хранительницей Мудрости. Мало кто из самих айильцев понимал, какие усилия прилагают Хранительницы Мудрости во всех перипетиях их непростой жизни. Какой простой казалась Авиенде жизнь, когда она была Девой! И какое потрясение она испытала, узнав, сколь многое проходило мимо, оставаясь ею незамеченным и непонятым.

Мелэйн смотрела на поврежденное здание, но будто не видела его.

– Остаток от остатка, – произнесла она словно бы самой себе. – А если он и нас бросит, обожженными и изломанными, как эти доски? Что тогда станет с Айил? Зализывая раны, мы вернемся в Трехкратную землю и будем жить как прежде? Многие не захотят уходить. Эти земли предлагают слишком многое.

Авиенда заморгала, осознав тяжесть этих слов. Она редко задумывалась о том, что будет тогда, когда у Кар’а’карна отпадет надобность в Айил. Она была сосредоточена на настоящем, на том, чтобы вернуть свою честь и суметь защитить Ранда ал’Тора в Последней битве. Но Хранительница Мудрости не вправе думать лишь о дне сегодняшнем или завтрашнем. Она обязана предвидеть грядущие годы, те времена, которые ветер принесет на своих крыльях.

Остаток от остатка. Он расколол Айил как народ. Что же будет с ними?

Мелэйн снова посмотрела на Авиенду, и лицо ее смягчилось.

– Иди к палаткам, дитя мое, и отдохни. Ты выглядишь как *шарадан*, который три дня полз через пустыню.

Авиенда поглядела на свои руки, покрытые хлопьями пепла от обгорелых обломков. Ее одежда была мокрой и испачканной, она догадывалась, что и лицо у нее такое же грязное. Руки ныли оттого, что она целый день таскала камни. Стоило только девушке вспомнить про

усталость, как та, точно лавина, обрушилась на нее. Авиенда стиснула зубы и заставила себя распрямиться. Она не уронит лицо, свалившись тут без сил! Она повернулась, направляясь к палаткам, как ей и велели.

– Ах да, Авиенда! – окликнула ее Мелэйн. – Завтра мы обсудим твоё наказание.

Девушка ошеломленно развернулась.

– За то, что не перетаскала все камни, – заметила Мелэйн, снова оглядывая обломки. – И за то, что недостаточно быстро учишься. Ступай.

Авиенда вздохнула. Ещё одна порция вопросов и ещё одно незаслуженное наказание. Между ними должна быть какая-то связь. Но какая?

Она слишком устала, чтобы думать об этом сейчас. Ей хотелось лишь одного – добраться до постели, и она поймала себя на том, что малодушно вспоминает роскошные мягкие матрасы во дворце Кэймлина. Авиенда отогнала эти мысли прочь. Если спать так крепко, утопая в подушках и перинах, то чересчур расслабишься и не сумеешь вовремя проснуться, если кто-то ночью попытается тебя убить! Как она вообще позволила Илэйн уговорить её спать в такой пуховой западне?

Не успела девушка отогнать эту мысль, как в голове у неё родилась другая – не менее предательская. Мысль о Ранде ал’Торе. Можно пойти к нему, остаться у него в комнате...

Нет! Не раньше, чем она вновь обретёт свою честь. Она не придёт к нему как нищая попрошайка. Она придёт как женщина чести. Если, конечно, когда-нибудь поймет, что она делает не так.

Авиенда покачала головой и трусцой побежала в айильский лагерь на краю луга.

Глава 12

Неожиданные встречи

Эгвейн, погрузившись в размышления, шла по смахивающим на пещеры коридорам Белой Башни. Эскорт из двух Красных сестер не отставал. В последние дни они казались несколько угрюмыми. Элайда все чаще приказывала им сопровождать Эгвейн; и хотя сами сестры менялись, почти всегда их было две. И по-видимому, они чувствовали, что Эгвейн считает их больше свитой, чем конвоем.

Уже больше месяца минуло с тех пор, как Суан, встретившись с Эгвейн в Тел'аран'ри-оде, сообщила тревожные вести, но Эгвейн все еще продолжала размышлять о случившемся. Произошедшие события напоминали, что мир на грани распада. В такие времена Белая Башня должна являть собой средоточие стабильности. Она же вместо этого расколота изнутри, а мужчины Ранда ал'Тора связывают сестер узами. Как Ранд допустил такое? Как же мало в нем осталось от того паренька, с которым она вместе росла. Конечно, и от прежней девочки Эгвейн тоже осталось немного. Давно уже в прошлом те дни, когда казалось, что им суждено пожениться и жить на маленькой ферме в Двуречье.

Эти воспоминания странным образом привели Эгвейн к мыслям о Гавине. Сколько же времени прошло с тех пор, когда они в последний раз виделись и украдкой целовались в Кай-риэне? Где он сейчас? Что с ним?

«Не отвлекайся, – велела себе Эгвейн. – Чтобы прибраться во всем доме, начинать нужно с одной комнаты». Гавин способен и сам о себе позаботиться; прежде он хорошо с этим справлялся. Иногда даже слишком хорошо.

С проблемой Аша'манов разберутся Суан и остальные. Другие известия тревожили гораздо больше. Одна из Отрекшихся – и в лагере Айз Седай? Женщина, однако владеющая саидин вместо саидар? Когда-то Эгвейн заявила бы, что подобное невозможно. Но она видела призраков в залах Белой Башни и коридоры, которые чуть не ежедневно менялись местами. Это просто еще один знак.

Эгвейн поежилась. Халима касалась ее, с помощью массажа избавляя от головной боли. Как только Эгвейн схватили, головные боли прекратились – почему у нее и мысли не возникало, что Халима могла намеренно их вызывать? Что еще замышляла эта женщина? В какие силки попадутся Айз Седай, какие ловушки она расставила?

Все надо делать по очереди. Подмести сначала там, докуда дотянешься, а потом двигаться дальше. С замыслами Халимы тоже придется разбираться Суан и другим.

Спина у Эгвейн болела, но боль для нее имела значение все меньше. Иногда она даже смеялась, когда ее истязали. Порка не заслуживает внимания. Куда мучительнее другая попытка – видеть то, что происходит с Тар Валоном. Вот что важно, и проблема эта насущней день ото дня. Эгвейн кивком поприветствовала проходившую мимо по коридору стайку послушниц в белых платьях, и те дружно присели в реверансе. Эгвейн нахмурилась, но не стала их отчитывать – она лишь понадеялась, что девочки не удостоятся наказания от шедших следом за нею Красных за то, что выказали ей почтение.

Целью девушки были покои Коричневой Айя, которые теперь находились в дальней части крыла. У Мейдани наконец-то нашлось время для занятий с Эгвейн – только сегодня. Явиться к ней она распорядилась лишь сейчас, через несколько недель после того памятного ужина у Элайды. Однако странно то, что Бенней Налсад тоже пожелала обучать ее и именно в этот день. Та первая беседа с Коричневой сестрой, происходившей из Шайнара, состоялась много недель назад, и больше Эгвейн с ней не встречалась. А дважды уроки с ней ни одна из Айз Седай не

проводила. Но утром именно имя Бенней значилось первым в перечне тех, кого Эгвейн нужно было сегодня посетить.

Когда девушка добралась до восточного крыла Башни, где теперь находились апартаменты Коричневой Айя, сопровождающие девушку Красные сестры вынуждены были остаться снаружи и дожидаться ее возвращения в коридоре. Вероятно, Элайда предпочла бы, чтобы они отправились за Эгвейн, но после того, как сами Красные столь непримиримо защищали неприкосновенность границ покоев своей Айя, представлялось крайне маловероятным, что другие Айя – даже покладистые Коричневые – позволят двум Красным сестрам ступить на свою территорию. Войдя в коридор, где пол был выложен коричневыми плитками, и проходя мимо спешащих по своим делам женщин в невзрачных и неприметных платьях, Эгвейн ускорила шаг. День предстоял напряженный – визиты к сестрам, назначенные наказания и обычные обязанности послушницы – мытье полов, уборка, стирка и прочие поручения подобного рода.

У дверей, ведущих в комнаты Бенней, девушка замешкалась. Большинство сестер соглашались обучать Эгвейн только по обязанности, и зачастую занятия оказывались неприятны обеим. Одним наставницам Эгвейн не нравилась из-за того, что девушка была связана с мятежницами, других раздражало, с какой легкостью она выполняла сложные плетения, а некоторых выводило из себя то, что она не выказывает им должного уважения.

Эти «уроки», однако, предоставляли Эгвейн прекрасную возможность сеять семена противодействия Элайде. Одно такое семя она и заронила при первом разговоре с Бенней. Дало ли оно всходы?

Эгвейн постучалась и, дождавшись приглашения, вошла. Гостиная была завалена всякими предметами, свидетельствующими о научных занятиях хозяйки. Точно башни на городских стенах, высились, клонясь друг к другу, книжные стопки. Повсюду стояли скелеты различных существ, полные и неоконченные; эта женщина собрала тут столько костей, что хватит на целый зверинец. Эгвейн поежилась, заметив в углу человеческий скелет, поставленный во весь рост и скрепленный толстыми нитками. На отдельных костях красовались выполненные черными чернилами подробные описания.

Среди всех этих книг и скелетов в комнате едва можно было повернуться, и свободным от них оставалось лишь одно кресло – самой Бенней, с одинаковыми вмятинами на потертых подлокотниках; тут, несомненно, покоились руки Коричневой сестры, когда, засиживаясь допоздна, она проводила за чтением бесчисленные вечера. Низкий потолок казался еще ниже из-за подвешенных к нему чучел и мумифицированных тушек птиц, а также загадочных астрономических штуквин. Эгвейн пришлось пригнуть голову, чтобы не задеть модель солнца. Наконец девушка добралась до Бенней, которая стояла перед стопкой обтянутых кожей фолиантов и что-то в них искала.

– Ага! – промолвила Коричневая сестра, заметив Эгвейн. – Хорошо.

Айз Седай была скорее худощавой, чем стройной, темные волосы, которые возраст отменил сединой, были собраны сзади в пучок. Как и многие Коричневые сестры, она носила простое платье, вышедшее из моды пару веков назад.

Бенней подошла к своему креслу с мягкой обивкой, обойдя жесткие стулья у камина – со времени предыдущего визита Эгвейн на обоих скопились кипы бумаг. Девушка освободила для себя табурет, переставив пыльный скелет крысы на пол между двумя стопками книг о правлении Артура Ястребиное Крыло.

– Что ж, полагаю, пора приступить к твоему обучению, – сказала Бенней, устраиваясь в кресле.

Эгвейн сохраняла внешнее спокойствие. Сама ли Бенней воспользовалась возможностью вновь встретиться с Эгвейн? Или ее заставили вызвать Эгвейн на занятие? Эгвейн была свидетелем, как на бесхитростную Коричневую сестру не раз спихивали ту работу, которую никто другой делать не желал.

По просьбе Бенней Эгвейн выполнила несколько плетений – они были гораздо сложнее, чем те, что доступны большинству послушниц, но просты для Эгвейн даже сейчас, когда ее сила была ослаблена настоем из корня вилочника. Девушка попыталась вызнать, что думает Бенней о перемещении своих покоев, но та – как и большинство Коричневых сестер, с кем говорила Эгвейн, – не склонна была обсуждать эту тему.

Эгвейн сотворила еще несколько плетений. Спустя некоторое время она задумалась, в чем вообще смысл сегодняшней встречи. Разве не показывала Эгвейн почти все то же самое в прошлый раз по просьбе Коричневой сестры?

– Очень хорошо, – заметила Бенней, наливая себе чашку чая из чайника, гревшегося на маленькой угольной жаровне. Эгвейн чая она не предложила. – В этом ты достаточно умела. Но вот что мне интересно. Обладаешь ли ты той остротой ума, умением разрешать сложные ситуации, какими должна обладать Айз Седай?

Эгвейн ничего не ответила, только демонстративно налила себе чаю. Бенней возражать не стала.

– Посмотрим... – задумчиво сказала Бенней. – Представим ситуацию, когда ты оказываешься в конфликте с некоторыми сестрами из твоей же Айя. Ты случайно узнала нечто, чего не должна была знать, и главы твоей Айя очень разгневаны на тебя. Вдруг тебе начинают поручать самые неприятные задания, словно хотят убрать с глаз долой и забыть. Скажи мне, как бы ты отреагировала в подобной ситуации?

Эгвейн едва не поперхнулась чаем. Коричневая сестра решила действовать напрямик. Неужели она начала расспрашивать о Тринадцатом книгохранилище? И навлекла тем самым на себя неприятности? Предполагалось, что лишь немногим известно о тайных архивах, о которых Эгвейн словно мельком упоминала во время своего прошлого посещения Бенней.

– Что ж, – сказала Эгвейн, глотнув чая, – допустим, я подойду к этому непредвзято. Думаю, лучше всего рассматривать ситуацию с позиции глав Айя.

Бенней едва заметно нахмурилась:

– Полагаю, что так.

– Далее. В описанной тобой ситуации можем ли мы предположить, что Айя было поручено хранить эти тайны? Ага, хорошо. Итак. Значит, с их точки зрения, были разрушены важные и тщательно разработанные планы. Подумай, как это должно выглядеть. Кому стали известны секреты, которых он не должен был знать. Это наводит на мысль, что утечка произошла где-то среди самых доверенных людей, и это весьма тревожно.

Бенней побледнела, промолвив:

– Полагаю, я могу подобное представить.

– Тогда лучший способ разрешить эту ситуацию – подойти к ней с двух сторон, – сказала Эгвейн, сделав еще один глоток чая. Вкус у напитка был отвратительный. – Во-первых, нужно успокоить глав Айя. Они должны знать: не их вина, что сведения просочились наружу. Будь я на месте гипотетической сестры, оказавшейся в подобной неприятной ситуации, – если она не совершила ничего дурного, – то пошла бы к ним и объяснилась. Тогда им не нужно будет искать того, кто выдал тайну.

– Но, – сказала Бенней, – скорее всего, это не поможет сестре – гипотетической – избежать наказания.

– Это тоже поправимо, – сказала Эгвейн. – Скорее всего, ее «наказывают», чтобы она не мешала, пока главы Айя ищут предателя. Когда они поймут, что искать некого, то гораздо вероятнее, что к оступившейся сестре отнесутся со снисхождением – особенно после того, как она предложит им решение.

– Решение? – спросила Бенней. Она держала в руках чашку, но, казалось, совсем забыла о ней. – И какое решение предложила бы ты?

– Наилучшее – компетентность. Очевидно, кое-кому в Айя известны эти тайны. Если сестра выкажет свои способности и надежность, возможно, главы ее Айя поймут, что лучшее место для нее – среди хранителей тайн. Простое решение, если подумать.

Бенней сидела с задумчивым видом; над головой у нее медленно вращалось подвешенное на шпагате чучело зяблика.

– Да, но сработает ли оно?

– Это определенно лучше, чем корпеть в каком-то позабытом хранилище, перебирая свитки и составляя их опись, – сказала Эгвейн. – Иногда несправедливого наказания нельзя избежать, но нужно, чтобы другие помнили, что оно несправедливо. Если же она просто смирится с тем, как с ней поступили, тогда скоро они станут считать, что она сама заслуживает подобного отношения.

«И спасибо, Сильвиана, за тот маленький совет».

– Да, – сказала Бенней, кивая. – Да, думаю, ты действительно права.

– Я всегда готова помочь, Бенней, – тихим голосом промолвила Эгвейн, снова принимаясь за чай. – В гипотетических, разумеется, ситуациях.

На секунду Эгвейн испугалась, не слишком ли далеко зашла, назвав Коричневую сестру по имени. Однако та посмотрела ей в глаза и даже слегка кивнула в знак благодарности.

Даже будь продолжавшийся всего час визит к Бенней единственным на сегодня, Эгвейн все равно сочла бы его примечательным. Однако, выйдя из апартаментов Коричневой сестры, девушка, к своему огромному удивлению, встретила у дверей послушницу, которая передала ей распоряжение явиться к Нагоре из Белой Айя. До встречи с Мейдани у Эгвейн еще оставалось время, так что девушка отправилась к Нагоре. Проиигнорировать вызов к Айз Седай она не могла, хотя позже ей, несомненно, поручат дополнительную работу по хозяйству за то, что она пропустит мытье полов.

Нагора решила потренировать ее в логике – и заданные ей «логические головоломки» очень походили на просьбу о помощи в ситуации со Стражем, который не желал мириться со своими преклонными годами и неспособностью сражаться. Эгвейн оказала помощь, какую смогла, и перед тем, как отпустить ее, Нагора объявила, что «логика ее безупречна». После этой встречи Эгвейн ждало еще одно послание, на этот раз от Суаны, одной из восседающих от Желтой Айя.

Восседающая! Впервые Эгвейн получила распоряжение явиться к одной из них. Девушка не стала мешкать и поспешила на вызов. На пороге апартаментов Суаны, больше напоминавших сад, ее встретила горничная. Как восседающая, Суана вправе была потребовать себе покои с окнами, а примыкавший к ним балкон был полностью превращен в садик, где росли всякие травы. А вдобавок она развесила и расположила зеркала так, что они отражали свет внутрь комнаты, уставленной горшками с маленькими деревцами и большими кадками с кустами, среди которых нашлось место даже для грядок с морковью и редисом. В корзине Эгвейн с огорчением заметила в плошке горку гнилых клубней, – скорее всего, их собрали совсем недавно, но они уже успели испортиться.

Комнату наполняли пряные ароматы базилика, тимьяна и десятка прочих трав. Несмотря на беды Башни, несмотря на гниющие растения, здесь ее окутывал запах жизни – взрыхленной земли и тянущихся ввысь растений. А Найнив еще жаловалась, будто сестры в Башне не ценят пользу лекарственных трав! Ей бы стоило побывать в гостях у пухлой, круглолицей Суаны.

Эгвейн считала эту женщину удивительно приятной. Суана задала ей несколько рядов плетений – многие из них относились к Исцелению, которое никогда не было сильной стороной Эгвейн. И все же ее способности, по-видимому, произвели впечатление на восседающую, поскольку в середине урока тон беседы переменялся. Эгвейн сидела между двух кадок с деревцами, на табурете с мягким сиденьем, а Суана более подобающим образом устроилась на жестком, обитом кожей стуле.

– Мы были бы рады видеть тебя среди Желтых, дитя мое, – промолвила Айз Седай. Эгвейн вздрогнула и удивленно заметила:

– Я никогда не проявляла особых способностей в Исцелении.

– Чтобы быть Желтой, важен не только талант, – сказала Суана. – Важна увлеченность. Если ты стремишься к тому, чтобы все было в порядке, любишь исправлять, что было сломано, для тебя здесь найдется цель.

– Благодарю, – ответила Эгвейн. – Но Амерлин не принадлежит ни к одной из Айя.

– Да, но до своего возвышения она принадлежит к какой-то из них. Подумай об этом, Эгвейн. Ты могла бы обрести здесь дом.

Какой поразительный разговор! Очевидно, Суана не считает ее Амерлин, но одно то, что она приглашает Эгвейн в ряды своей Айя, говорит о многом. Это означает то, что она признает за Эгвейн права законной сестры – пускай даже и в неполной мере.

– Суана, – сказала Эгвейн, проверяя, насколько далеко простираются эти права, – принимают ли восседающие какие-то меры, чтобы сгладить напряженность между Айя?

– Не вижу, что здесь можно сделать, – ответила Суана, глядя на свой зеленеющий балкон. – Если другие Айя решили видеть в Желтых своих врагов, я не могу вложить им в головы здравый смысл.

«Они, вероятно, то же самое говорят и о тебе», – подумала Эгвейн, но вслух заметила:

– Кто-то должен сделать первый шаг. Стена недоверия становится такой толстой, что скоро ее трудно будет сломать. Возможно, если бы восседающие из разных Айя стали вместе обедать или ходить по коридорам на виду у прочих, это послужило бы примером для всей Башни.

– Возможно... – промолвила Суана.

– Они не враги вам, Суана, – сказала Эгвейн, позволив себе твердость тона.

Та, нахмурившись, недовольно взглянула на Эгвейн, словно бы осознав вдруг, кто дает ей совет.

– Пожалуй, тебе уже пора. Уверена, у тебя на сегодня еще очень много дел.

Осторожно обходя свисающие ветви и расставленные кадки, Эгвейн покинула апартаменты Суаны. Когда девушка вышла из той части Башни, которую занимала Желтая Айя, и вновь оказалась под эскортом Красных сестер, она вдруг кое-что сообразила. За все три визита ей не назначили ни одного наказания. Эгвейн даже не знала, как к этому относиться. А ведь двух сестер она в глаза назвала по имени!

Они начинали принимать ее. К сожалению, то была лишь малая часть битвы. Гораздо важнее было сделать так, чтобы Белая Башня выдержала то напряжение, которое вызывали действия Элайды.

Покои Мейдани выглядели на удивление уютными и домашними. Эгвейн всегда считала, что Серые похожи на Белых – бесстрастные, отличные дипломаты, у которых нет времени для личных чувств и человеческих слабостей.

Эти комнаты, однако, говорили о том, что их хозяйка любит путешествовать. На стенах, как драгоценные произведения искусства, висели карты в изящных рамах. По бокам одной карты красовались айильские копыя, другая изображала острова Морского народа. Хотя многие предпочли бы фарфоровые безделицы, которыми славился Морской народ, Мейдани собрала небольшую коллекцию сережек и раскрашенных раковин. Все они были аккуратно закреплены и выставлены в рамке. На табличке внизу значились даты их обретения.

Гостиная напоминала музей, посвященный путешествиям одного человека. Брачный кинжал из Алтары, с четырьмя мерцающими рубинами, висел рядом с маленьким штандартом Кайриэна и шайнарским мечом. Каждый предмет сопровождала небольшая табличка с пояснением, что это такое и как он попал к Мейдани. Брачный кинжал, к примеру, был подарен за

помощь в разрешении спора между двумя семействами, вызванного смертью какого-то очень важного землевладельца. Его вдова и преподнесла Мейдани этот кинжал в знак признательности.

Кто бы мог подумать, что женщина, так раболепствовавшая за обедом несколько недель назад, обладает такой достойной гордости коллекцией? Даже ковер на полу был снабжен описанием – то был дар от купца, который приобрел его в закрытых доках Шары и вручил Мейдани в благодарность за исцеление его дочери. Этот необычный ковер был сплетен из чего-то, что походило на крохотные крашенные тростинки, и был оторочен пучками экзотичного серого меха. На ковре были изображены удивительные животные с длинными шеями.

Сама Мейдани сидела в причудливом плетеном кресле – оно напоминало живой куст, случайно принявший форму кресла. В любом другом помещении Башни оно казалось бы ужасно нелепым, но было уместно здесь, где каждый предмет отличался от прочих и вроде бы никак не был связан с остальными, однако неким образом их всех объединяло то, что это были подарки, полученные во время путешествий.

Сегодняшний наряд Серой сестры разительно отличался от того, что был на ней во время обеда с Элайдой: вместо яркого платья с глубоким вырезом – совсем другое, длинное, из простой белой ткани с высоким воротником, своим свободным покроем словно бы призванное скрыть фигуру Мейдани. Ее волосы цвета темного золота были собраны в узел на затылке, и на ней не было ни единого украшения. Был ли этот контраст намеренным?

– Не очень-то ты спешила позвать меня, – заметила Эгвейн, ступив на дорогой шарский ковер.

– Я не хотела пробудить подозрения у Амерлин, – сказала Мейдани, когда Эгвейн пересекала комнату. – Кроме того, я все еще не уверена, кем считать тебя.

– Для меня это не имеет значения, – ровным тоном отозвалась Эгвейн, усаживаясь на огромное дубовое кресло, снабженное табличкой с надписью о том, что оно подарено ростовщиком из Тира. – Амерлин не важно, как к ней относятся те, кто следует за ней, пока они ей повинуются.

– Тебя захватили и свергли.

Эгвейн, приподняв бровь, посмотрела Мейдани в глаза. Потом промолвила:

– И вправду захватили.

– Совет мятежниц наверняка уже избрал новую Амерлин.

– Насколько я знаю, нет.

Мейдани замолчала. Раскрывать существование контакта с мятежными Айз Седай было рискованно, но если Эгвейн не сумеет добиться верности Мейдани и прочих шпионов, то почва у нее под ногами действительно будет зыбкой. Она полагала, что легко сумеет заручиться поддержкой Мейдани, учитывая, как та была перепугана за ужином. Однако похоже, что подчинить эту женщину окажется не так-то просто.

– Что ж, – заметила Мейдани, – даже если это правда, тебе следует знать, что выбрали тебя лишь номинальной главой. Марионеткой, которой станут манипулировать.

Эгвейн выдержала пристальный взгляд собеседницы.

– Реальной власти у тебя нет, – промолвила Мейдани, однако голос ее дрогнул.

Эгвейн не отводила взора. Мейдани внимательно смотрела на нее, медленно хмурясь, морщины постепенно появлялись на ее гладком, лишенном признаков возраста лице. Она вглядывалась в глаза Эгвейн, как каменщик, выискивающий недостатки в камне перед тем, как заложить его в кладку. Увиденное, казалось, ее обескуражило.

– А сейчас, – заявила Эгвейн, словно бы не замечая изучающего взгляда Мейдани, – ты расскажешь мне, почему не покинула Башню. Хотя я считаю, что твоя слежка за Элайдой очень важна, ты не можешь не осознавать, какой опасности подвергаешь себя теперь, когда Элайде известно о твоей истинной приверженности. Почему же ты не уйдешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.